

Министерство культуры Российской Федерации

*Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)*

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 100

МАТЕРИАЛЫ
научно-практической конференции
сотрудников Пушкинского Заповедника
(3 декабря 2023 года)

Сельцо Михайловское
Пушкинский Заповедник
2024

ББК 83.3 (2=411.2) 52-8 (Пушкин)

М 341

Серия основана в 1996 году.

Материалы научно-практической конференции сотрудников Пушкинско-
М 341 го Заповедника (3 декабря 2023 года) : [сб. ст.] — Сельцо Михайловское : Пушкинский Заповедник, 2024. — 224 с. — (Серия «Михайловская пушкиниана»; вып. 100).

ISBN 978-5-94595-135-8

Настоящий сборник научно-популярного издания «Михайловская пушкиниана» включает в себя материалы научно-практической конференции сотрудников Пушкинского Заповедника, прошедшей 3 декабря 2023 года.

В сборнике читатель найдет материалы об истории усадеб Тригорское и Михайловское, дворянских родов Зубовых и Вревских, Пушкинского Заповедника, села Велье, о предметах из музейного фонда, об опыте работы над Пушкинской энциклопедией «Михайловское» и перспективах ее продолжения, об изучении и использовании в музейной работе богатейшего творческого наследия А.С. Пушкина и культурного наследия русского народа.

Издание предназначено для специалистов в области истории, литературы и филологии, краеведения, реставрации, музейного и библиотечного дела, а также для всех, кто неравнодушен к истории отечественной культуры и пушкинских мест России.

Цитаты А.С. Пушкина, кроме специально указанных случаев, приведены по изданию: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Указание на источник дается в тексте в круглых скобках, где римская цифра обозначает номер тома, арабская — номер страницы.

ББК 83.3 (2=411.2) 52-8 (Пушкин)

ISBN 978-5-94595-135-8
(Пушкинский Заповедник)

© Государственный музей-заповедник
А.С. Пушкина «Михайловское», 2024

В настоящий выпуск сборника «Михайловская пушкиниана» включены материалы научно-практической конференции сотрудников Пушкинского Заповедника, которая состоялась 3 декабря 2023 года.

Традиционно эта конференция замыкает календарный год и подводит итог научной работы в Заповеднике. Фокус внимания — на музейных практиках, в приоритете — разработка локальных, «михайловских» тем с учетом конкретных практических нужд музея-заповедника и запросов его посетителей.

Разумеется, главным направлением научной работы, которая ведется в «Михайловском», было и остается изучение жизни и творчества А.С. Пушкина. И эти исследования тесно связаны с жизнедеятельностью Заповедника — в том числе с процессом комплектования фондов, формирования источниковедческой базы, охватывающей все периоды, от далекой истории до современности, а также с вопросами сохранения и использования пушкинского ландшафта.

Среди публикаций, подготовленных по итогам научных изысканий, которые велись в течение 2023 года, статьи и заметки, включающие себя обобщение и анализ некоторых сведений об истории усадьбы Тригорское, дворянских родов Зубовых и Вревских, самого Пушкинского Заповедника, села Велье, о предметах из музейного фонда, об опыте работы над Пушкинской энциклопедией «Михайловское» и перспективах ее продолжения, об изучении и использовании в музейной работе богатейшего творческого наследия А.С. Пушкина и культурного наследия русского народа. Ряд выступлений посвящен итогам изучения архивных документов.

В дополнение к материалам конференции читатель найдет в настоящем сборнике хронологически привязанную к послевоенному времени публикацию о Д.М. Байчорове — офицере инженерных войск, руководившем разминированием Михайловского. Размещена здесь и заметка, посвященная Калининградскому Пушкинскому обществу и его связям с Пушкинским Заповедником.

**МАТЕРИАЛЫ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ СОТРУДНИКОВ
ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА
(3 декабря 2023 года)**

Константин Бурченков

**ОБОБЩЕНИЕ И АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ СВЕДЕНИЙ
ПО ИСТОРИИ УСАДЬБЫ ТРИГОРСКОЕ**

В настоящей работе предпринята попытка сопоставить данные источников по истории усадьбы Тригорское.

**О времени создания усадебного дома
Александра Максимовича Вындомского**

В XVIII веке окрестные земли усадьбы Тригорское были землями Егорьевской губы Дворцовой Вороничской волости и принадлежали ведомству императорского удела. Часто такими землями награждались служилые дворяне за заслуги перед отечеством и престолом. В 1762 году земли Егорьевской губы были пожалованы «лейб-гвардии Семеновского полка секунд-майору и шлиссельбургскому коменданту» Максиму Дмитриевичу Вындомскому.

С 1770 по 1773 год владелицей Егорьевского указывается помещица Екатерина Федоровна Вындомская (Квашнина).

С 1773 года владельцем села становится Александр Максимович Вындомский.

Интерес представляет определение времени возникновения тригорской усадьбы.

В материалах института «Спецпроектреставрация»¹ сообщается, что после выхода в отставку в 1762 году М.Д. Вындомский поселяется в своей новой усадьбе.

¹ Проектный институт «Спецпроектреставрация». 1997. Архив Пушкинского Заповедника (АПЗ).

Вместе с тем, согласно мнению Николая Степановича Новикова², исследователя архивных документов Псковской духовной консистории, сам М.Д. Вындомский постоянно не проживает в Егорьевском. Согласно исповедным росписям, дворовые люди Вындомского появляются в Егорьевском только в 1767 году. До 1780 года в усадьбе проживали только дворовые люди, от трех до 11-ти душ, включая детей. Исследованиями научного сотрудника Пушкинского Заповедника С.П. Пинчука³ установлена дата смерти М.Д. Вындомского — 23 июля 1768 года. Очевидно, что при М.Д. Вындомском работы по созданию усадьбы Тригорское не проводились.

С 1773 года владельцем села становится «помещик господин прапорщик Семеновского полку» Александр Максимович Вындомский.

В 1780 году, после увольнения в статскую службу с пожалованием чина армии полковника, он начинает обустройство усадьбы, но «живет в большом свете». В церковных документах в 1781 году село называется Георгиевским. Делами в усадьбе в отсутствие владельца управляют поверенный и приказчик.

Постоянно А.М. Вындомский живет в Тригорском с 1792 года, после смерти жены. В 1792-м село впервые именуется Тригорским; появляется сделанная священником Георгиевской церкви запись о том, что на исповеди были: «Села Тригорского полковник Александр Максимов Вындомский — 43 года, вдов, дети его: Елизавета — 14 лет, Параскева — 13 лет, Григорий — 7 лет» (Григорий умирает в 1795 году). В 1798 году в Тригорском остаются только А.М. Вындомский и его дочь Параскева (Елизавета в 1796 году выходит замуж за Якова Исааковича Ганнибала).

Исходя из того, что по записям в церковных книгах до 1780 года в Егорьевском проживали только дворовые люди — от трех до пяти душ, какие-либо работы по благоустройству усадьбы до 1780 года маловероятны.

Облик усадьбы формировался при А.М. Вындомском. Это подтверждается увеличением числа необходимых для производства работ крепостных в усадьбе — 30 человек в 1781 году, 46 человек в 1782 году, 109 человек в 1799 году, 139 человек в 1803 году (всего Вындомские владеют 1 426 душами крепостных крестьян).

² Новиков Н.С. Легенды и были Пушкиногорья // Михайловская пушкиниана. Вып. 44. Сельцо Михайловское, 2007.

³ Пинчук С.П. Новые данные о погребении М.Д. Вындомского // Михайловская пушкиниана. Вып. 75. Сельцо Михайловское, 2019. С. 117–121.

Ядро усадьбы, включая господский дом, нанесено на межевой план 1784 года. Соответственно, время строительства господского дома и соседних строений, присутствующих на межевом плане 1784 года, можно отнести к промежутку от 1780 до 1784 года.

Данные о времени строительства могут облегчить поиски архивных документов о доме А.М. Вындомского.

Решением Ученого совета Пушкинского Заповедника было принято решение о воссоздании усадебного дома А.М. Вындомского, поэтому необходимо сформировать представление о том, каким был этот дом.

Во время археологических исследований 1996 года наиболее тщательно было исследовано ядро усадьбы. Господский дом имел размеры 14 × 14 м. Нижний этаж делился на четыре помещения с печами и, возможно, продольным коридором, не исключено, что нижний этаж был каменным. Очевидно, здание имело форму куба⁴.

В материалах института «Спецпроектреставрация» приводится предположение о том, что, судя по рисункам А.С. Пушкина, сделанным со стороны реки Сороти, дом был одноэтажный, деревянный, может быть, обшитый досками, с четырехскатной крышей, с бельведером; на фасаде три или четыре окна, в бельведере три окна.

Известно, что в послепушкинское время дом сгорел. В издании «Прогулка в Тригорское»⁵ М. Семевского опубликованы «Воспоминания А.Н. Вульфа и М.И. Осиповой. 1880 год», где приводится сообщение А.Н. Вульфа о том, что «всё старое строение сгорело в 1859 году — 6 августа Алексей Викторович Фок по голубям (стрелял)».

О переезде Прасковьи Александровны Осиповой в новый господский дом

В 1780 году в непосредственной близости от усадебных строений по Указу императрицы Екатерины Алексеевны за счет средств Псковской казенной палаты было выстроено здание полотняной фабрики. Первоначально здание фабрики отделял от «господской» части усадьбы забор, большого пруда не было. Он появился после 1788 года. После постройки правительством рассчитывало продать ее или отдать в арен-

⁴ Бирюков Ю.Б. Итоги археологического исследования построек усадьбы Тригорское // Михайловская пушкиниана: Тригорский сборник. М., 1998. С. 19–24.

⁵ Семевский М.И. Прогулка в Тригорское. СПб., 2008.

ду частному владельцу с условием возмещения последним государству его затрат на строительство. В 1788 году фабрика была отдана в аренду А.М. Вындомскому. К 1803 году Вындомский смог рассчитаться с государством и фабрика перешла в его собственность. После его смерти в 1813 году фабрика не работала.

После смерти А.М. Вындомского в 1813 году хозяйкой Тригорского становится его дочь Прасковья Александровна.

Известно, что став хозяйкой Тригорского, Прасковья Александровна переезжает из отцовского дома. Точное время переезда семьи из старого дома в новый господский дом не установлено.хлопоты о разрешении не возобновлять деятельность полотняной фабрики начаты в 1816 году. В середине 1817 года разрешение было получено. Следовательно, строительные работы по обустройству нового господского дома не могли начаться ранее середины 1817 года. Ко времени приезда А.С. Пушкина в михайловскую ссылку тригорские обитатели живут уже в новом господском доме. Запись в церковных книгах от 1825 года сообщает: «В селе Тригорском поселяне и их домашние статская советница Параскева Александровна Осипова — 43, дети: Анна — 25, Александра — 19, Михаил — 17, Евпраксия — 14, Аверкий — 12, Мария — 5, Параскева — 2».

В литературе по пушкиноведению, основанной на материалах «Прогулки в Тригорское» М.И. Семевского, принято считать, что П.А. Осипова с семейством переехала в перестроенное здание закрытой к тому времени полотняной фабрики: «... в 1820 еще годах — тогдашняя владелица Тригорского задумала перестроить обветшавший дом свой, бывший недалеко от этой постройки, и временно перебралась в этот «манеж»... да так в нем и осталась. Перестройка же дома откладывалась с году на год, едва ли не до тех пор, пока года четыре тому назад от неосторожного выстрела одного юноши сторело в Тригорском несколько построек».

При археологических исследованиях 1996 года к юго-западу от здания Дома-музея, по одной линии с ним, был обнаружен фундамент постройки. Исследователь сообщает, что «... размеры здания — 15 × 45 м, совпадающие с размерами усадебного дома. На межевом плане 1784 года примерно на этом месте изображена постройка крупного размера. Поэтому найденное основание можно отнести к зданию первоначальной полотняной фабрики 1780 года»⁶ (*постройка XIV на Рисунке 1*).

⁶ См.: Бирюков Ю.Б. Итоги археологического исследования построек усадьбы Тригорское.

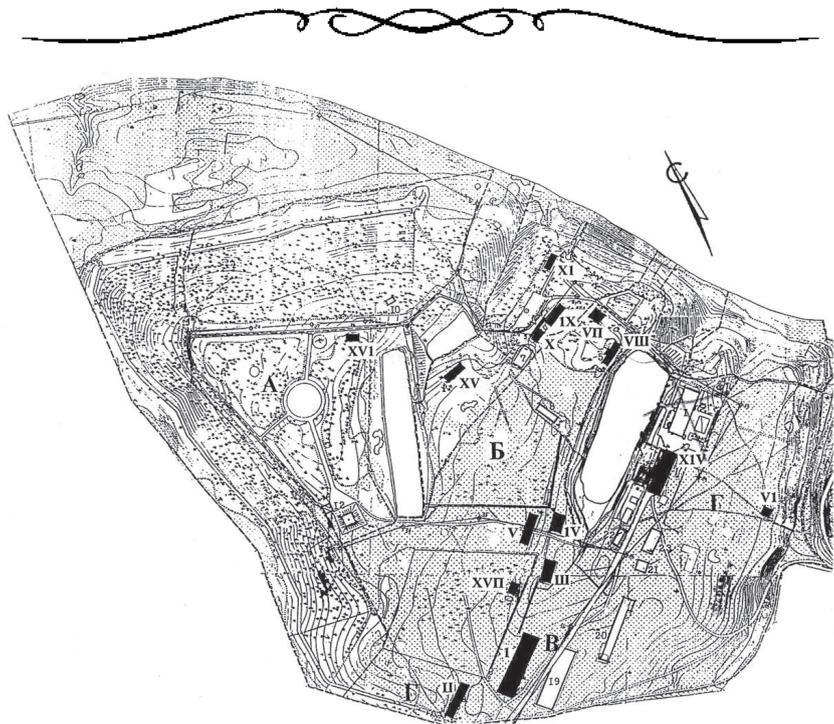

Рисунок 1

Возникает вопрос — что тогда представляет собой фундамент, который был использован при строительстве Дома-музея?

В исследовании⁷ делается вывод, «что тригорский дом, в котором бывал в годы михайловской ссылки Пушкин, не был перестроенной полотняной фабрикой, как об этом написал Семевский в «Прогулке в Тригорское; это был новый дом, и Семевский просто не понял рассказ о нем Вульфа, слышанный им в 1865–1866 годах».

При этом делается ссылка на запись из «Воспоминаний А.Н. Вульфа и М.И. Осиповой 1880 года, сделанную М.И. Семевским со слов А.Н. Вульфа в 1880 году: «...(там) куплен в Велье дом, когда на (?) рем(онт) закрыла парусную фабрику. — А в Тригорском — выстрои(ли) по образцу фабрики. — Дом и не начинали строить, материал булыж(ник),

⁷ См.: *Семевский М.И.* Прогулка в Тригорское.

им был (дворец) флигель в саду, а на его месте (?) Александр Максимович Вындомский его (?) выстроил...»

Вместе с тем в комментариях сообщается, что «в архивах до сих пор хранятся возбуждающие большое любопытство записи бесед Семевского с различными людьми, которые никто из исследователей не смог прочитать». Представляется, что приведенный фрагмент записей также труден для прочтения и сделать на основании него какой-либо однозначный и достоверный вывод проблематично. Поэтому сделанный выше вывод может рассматриваться только как предположение.

В статье В.Ю. Козмина «Легенды о Пушкине 1920-х годов»⁸ высказывается предположение о том, что рядом со «старой» фабрикой, ближе к Сороти, была поставлена полотняная фабрика, купленная П.А. Осиповой в селе Велье, которая и была перестроена в господский дом: «...Сначала Осипова затевает ремонт-перестройку тригорской фабрики под дом. Но фабрика старая, и в дом для жилья ее перестроить не удастся. Возникает мысль о сносе старой фабрики и постройке на старом фундаменте нового здания. Для этого в Велье покупается на своз дом соответствующих фундаменту пропорций и габаритов. Однако — быть может, в угоду эстетическим воззрениям хозяев, быть может, в связи с возникшей мыслью о том, что старая постройка еще послужит в качестве хозяйственного помещения, — вельекий «дом» становится рядом, на площадке, расположенной вдоль пруда...» Несомненной ценностью исследования является приведенное свидетельство местного жителя о том, что «большой и длинный... сожженный тригорский дом... был построен лет 90 тому назад из фабрики, купленной в Велье», а также сведения о том, что «в 1808 году департамент уездов... решил построить в Велье полотняную «фабрику»... В начале 1817 года фабрику в Велье приказано закрыть».

Можно построить другое предположение — «старая» фабрика могла быть перенесена на новое место, возможно, после 1803 года, когда она стала собственностью А.М. Вындомского (за истекшее с 1780 года время здание могло обветшать), а материалы купленной в Велье постройки могли быть использованы при ремонте-переделке фабрики под господский дом. Покупка «новой» полотняной фабрики в размерах и пропорциях «старой» могла быть обусловлена тем, что фундамент для нее на

⁸ Козмин В.Ю. Легенды о Пушкине 1920-х годов. К проблеме становления жанра // Михайловская пушкиниана. Вып. 74. Сельцо Михайловское, 2019. С. 15–26.

момент покупки уже существовал. Иначе было бы практичнее и эстетичнее построить типичный для того времени традиционный господский дом. Учитывая размеры обнаруженного археологами фундамента, его положение, сопоставленное с межевым планом 1784 года (при условии, что техника исполнения межевого плана позволяет сделать такое сопоставление), можно согласиться со сделанным выводом о том, что обнаруженный и совпадающий по размерам с Домом-музеем фундамент относится к зданию первоначальной полотняной фабрики 1780 года и что в неопределенный пока промежуток времени первоначальная фабрика была разобрана. Остается вопросом — была ли она перенесена на новое место еще при Вындомском, или на вновь устроенном фундаменте возведена купленная в Велье фабрика. В любом случае господский дом был устроен в переделанной полотняной фабрике, что делает неактуальным приведенное утверждение о недостоверности информации, изложенной «в современных путеводителях по Михайловскому заповеднику».

Важно и не вызывает сомнений то, что Дом-музей воссоздан по образцу мемориального на месте сгоревшего в революцию тригорского усадебного дома.

О планировке Дома-музея Осиповых и Вульфов

М.И. Семевский описывает господский дом как «не то сарай, не то манеж, оба конца которого украшены незатейливыми фронтонами». Ввиду того, что дом на протяжении своего существования капитально не перестраивался, Семевский видел его таким, каким он был при Пушкине.

Перечень ремонтных работ в господском доме приведен в материалах института «Спецпроектреставрация»: в 1854 году перестраивались крыльца и перестилались полы, в 1859 году чинились потолки и крыша, в 1866 году менялись сгнившие рамы. В 1914 году вход на юго-западном фасаде был смещен от центра к западу, а деревянное крыльцо заменено железной граненой пристройкой.

Представление о планировке дома конца XIX — начала XX века дают планы дома Ю.М. Шокальского (1924 год) и Б.А. Коишевского (1936 год), фотографии дома и его интерьеров конца XIX — начала XX века; сведения, полученные у Натальи Павловны Вревской.

Исследования проектного института «Спецпроектреставрация», проведенные в период подготовки к реставрационным работам

1996–1998 годов, показали, что сохранилось очень мало сведений о планировке дома на мемориальный пушкинский период: «Сразу же оговоримся, что определить назначение помещений на мемориальный период очень сложно, так как сообщений этого времени о планировке нет ни одного. Все сведения относятся к более позднему времени. Кроме того, проверить какие-либо сведения на натуре нет возможности... Первое, что можно заметить, то, что хотя здание и приспособливали для жилья, но планировку своего времени выдержали строго. Дом четко разделен на две части: парадную... и жилую... Входная дверь в центре северо-западного фасада вела в прихожую, а из нее — в столовую или зал (самое большое помещение в доме). Комната слева от прихожей могла быть лакейской или буфетной, а может быть, и комнатой А.Н. Вульфа. Комнатой Прасковьи Александровны вероятнее всего была комната справа от прихожей. Столовая («зал») дверью в южной стене соединялась с гостиной, а дверь в восточной стене вела в жилые покои дома. Коридор делил жилую часть на две половины. Здесь были детские комнаты, девичья, кладовая (комнаты в торце дома) и кухня — длинное помещение рядом с кладовой и лестницей на чердак, возле лестницы — туалет. В конце коридора была дверь на террасу к Сороти, через эту застекленную дверь освещался сам коридор. Жилые комнаты выходили в коридор, но некоторые могли сообщаться между собой (как детская и девичья). Комната рядом со столовой — над входом в подвал — именно та, в которой останавливался А.С. Пушкин во время посещения своих друзей... дом сохранил свою планировку с 20-х годов XIX века до пожара в феврале 1918 года и ни разу за это время капитально не перестраивался»⁹.

Вывод, сделанный специалистами института, кажется обоснованным и подтверждается еще и тем, что планировка единственного сохранившегося на территории Псковской области деревянного усадебного дома постройки конца XVIII века в музее Ал. Алтаева Псковского музея-заповедника¹⁰ аналогична предложенной исследователями института.

Планировка Дома-музея Осиповых и Вульфов адаптирована для проведения экскурсионной работы и несколько отличается от планировки в мемориальный период. Очевидно, что приведение планировки к мемориальной вряд ли возможно, но знания о мемориальной планировке могут быть использованы при проведении реэкспозиции.

⁹ Проектный институт «Спецпроектреставрация». 1997. АПЗ.

¹⁰ Степанова Т.Н. Из истории дома в Логу. СПб. ; Лог, 2017.

О развитии музея-усадьбы «Тригорское»

Из «Словесных приказаний» Алексея Николаевича Вульфа управляющему в 1854–1879 годах известно о существовании 25-ти хозяйственных построек в Тригорском и, возможно, других деревнях, об их назначении. В «Описи недвижимого имущества села Тригорского..., оставшегося после смерти... А.Н. Вульфа» 1881 года приводятся сведения о господском доме, шести кирпичных, двух каменных и 11-ти деревянных постройках и их назначении. Приведенные выше документы не содержат данных о времени их постройки.

В 1996 году институтом «Спецпроектреставрация» было проведено археологическое исследование 17-ти утраченных построек на территории музея-усадьбы «Тригорское», некоторые из них относятся ко второй половине XIX века. Не исследованными остаются фундаменты построек вдоль современной дороги от автостоянки к Дому-музею.

Полного перечня построек Тригорского, находившихся на усадьбе в мемориальный пушкинский период, с указанием их датировки, назначения и местоположения, нет, что требует продолжения более полных археологических исследований для возможного в дальнейшем воссоздания утраченных элементов усадьбы.

Судя по всему, несколько по-другому шли дороги, ведущие к господскому дому, в пушкинское время (возможно, использовалась дорога, шедшая в конце XVIII века к старому усадебному дому с запада). Очевидно, другим был подъезд к усадьбе с дороги из Михайловского. Воссоздание старых дорог также является важным в приближении вида усадьбы на пушкинское время.

КНИГА БРАЧНЫХ ОБЫСКОВ ЕГОРЬЕВСКОЙ ЦЕРКВИ
В ПРИГОРОДЕ ВОРОНИЧЕ ОПОЧЕЦКОГО УЕЗДА
ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ 1824—1837 ГОДОВ
В СОСТАВЕ ОСНОВНОГО ФОНДА
ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

В 2010 году на XIII Февральских научно-музейных чтениях памяти С.С. Гейченко «Вещи имеют свою судьбу. Музейная коллекция: изучение, экспозиция, публикация» был представлен общий обзор коллекции «Древний архив» основного фонда Пушкинского Заповедника¹. Среди прочих документов в коллекции хранятся две книги брачных обысков (церковной регистрации браков) Столбушинской церкви Новоржевского уезда — 1803–1808 годов и 1838–1846 годов, где упоминаются фамилии помещиков Львовых, Карамышевых, Пещуровых, Елагиных, Клокачевых, Ланских, Лихаревых, Голенищевых-Кутузовых, Бороздиных, Бухвостовых, Нееловых, Жеребцовых, Валицких, Загурских, а также книга брачных обысков Егорьевской церкви в пригороде Воронице Опочецкого уезда Псковской губернии 1824–1837 годов². Уже из названия и датировки ясно, что этот документ имеет непосредственное отношение к истории усадьбы Тригорское пушкинского времени.

В энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза — И.А. Ефрона³ читаем (текст приведен в современной орфографии): «Обыск церковный — письменный акт, составляемый причтом церкви перед венчанием каждого брака и удостоверяющий наличность условий, требуемых законом для совершения брака. В существующей для того при каждой церк-

¹ Коллекция «Документы древнего архива» (ок. 400 ед. хр., шифр «ДА») включает документы к истории Михайловской губы (конца XVIII — начала XIX века): геометрические планы деревень, входивших в ее состав, межевые книги, письма священникам о разрешении браков крестьянам, свидетельства о рождении, выписки из метрик, церковные указы и инструкции, отдельные брачные обыски (свидетельства о регистрации браков), завещания, купчие крепости, прошения, уставные грамоты, письма помещиков по хозяйственным вопросам и другие документы.

² ПЗ-КП-4677/42-ДА.

³ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. М., 1992. Репринтное издание (1890). Т. 42. С. 643.

ви (с 1802 года) шнурузапечатанной книге, выдаваемой из консистории за подписью одного из членов, заносятся сведения о звании, состоянии, вероисповедании и месте жительства жениха и невесты, о летах и здравом умственном состоянии их, о том, что между ними нет степени родства, препятствующей по закону их браку, а также о том, которым браком они сочетаются, по доброй ли воле, и имеют ли согласие на брак со стороны своих родителей и вообще лиц, согласие которых требуется по закону, были ли они пред тем у исповеди и св. причастия. Этот акт, установленный в 1765 году (нынешняя его форма составлена в 1837 году), подписывается женихом и невестою, двумя или тремя поручителями и причтом церкви, и к нему прилагаются подлинные документы, из которых один (например, дозволение начальства на вступление в брак), хранятся при книге, с других же списываются в книгу копии (аттестат о службе и под.), а подлинники возвращаются с отметкою на них о совершении брака, за подписью священника. Прототипом обыска послужили «венечныя памяти»⁴ древней Руси, выдававшиеся от имени патриарха или епархиального архиерея доверенными духовными лицами на имя священника, который должен был совершать брак: в этих памятях обозначались имена лиц, вступающих в брак, и предписывалось «обыскивать» (т. е. выяснять), нет ли препятствий к совершению брака. До 1775 года от родителей и венчающихся требовалась присяга, что жених и невеста добровольно вступают в брак, без принуждения со стороны родителей».

Действительно, в 1802 году были введены специальные обыскные книги (книги брачных обысков). Они ежегодно выдавались священникам из духовной консистории, прошнуровывались и заверялись пе-

⁴ Первоначально (до венечных памятей) основным законодательным документом по вопросам брака являлся сборник греко-римских законов — Кормчая книга, уже затем брачные отношения в России регулировались венечными памятями. Венечная память являлась документом, а с жениха и невесты взималась венечная пошлина. При Екатерине II в 1765 году венечные памяти были упразднены Сенатским указом «Об уничтожении венечных памятей и денежного сбора с оных и о произведении обысков прежде венчания вступающих в брак». Указом вводились брачные обыски — акты, составляющие содержание обыскных книг. В конце XIX — начале XX века брачный обыск получил второе название — предбрачное свидетельство. Книги брачных обысков, как и другие церковные книги, велись при храмах вплоть до отделения Русской Православной Церкви от государства после революции 1917 года.

чатыми. Форма обыска со временем менялась в сторону всё большей стандартизации. Окончательно она сложилась к середине XIX века. С 70-х годов XIX века уже появляется формуляр, изготовленный типографским способом (заполнялся священником).

Форма бланка просуществовала без значительных изменений вплоть до издания в декабре 1917 года советских декретов о регистрации гражданского состояния, которыми обязательный церковный брак был отменен. Несмотря на утрату юридической силы, священники еще действовавших церковей продолжали вести брачные обыски вплоть до начала 1930-х годов⁵.

В основном фонде Пушкинского Заповедника в коллекции «Древний архив» хранится «Форма обыска брачного»⁶ (не окончательная, относится к тридцатым годам XIX века):

«183___ года ___ дня. По Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, *такого-то города или села, такой-то Церкви* священно- и церковнослужители производили обыск о желающих вступить в брак, и оказалось следующее:

1) Жених (*здесь показывается звание или чин, место служения, имя, отчество, фамилия, Православного или Латинского исповедания, и проч.*) *жительствоует такого-то города или такого-то уезда или села, в приходе сей Церкви;*

2) Невеста (*здесь написать звание, имя, отчество и фамилию, Православного или Лютеранского исповедания, и проч.*) *жительствовала до ныне, города или уезда и села такого-то, в приходе Церкви такой-то.*

3) Возраст к супружеству имеют совершенный, и именно: жених *стольких-то лет, а невеста стольких-то лет, и оба находятся в здравом уме.*

⁵ Что такое брачный обыск? // Архивы Санкт-Петербурга: сообщество в социальной сети ВКонтакте. Публикация 8.07.2022 [Электронный ресурс: https://vk.com/wall-132600244_20676].

⁶ ПЗ-КП-4677/325-ДА. Текст приводится в соответствии с правилами правописания современного русского языка, пунктуация оригинала сохраняется. Здесь же нужно обратить внимание на слова, выделенные курсивом: на них, вероятно, требовалось акцентировать внимание. Также примечательно, что государственные, церковные термины, наименования документов, обозначения чинов и званий и пр. начинаются с заглавной буквы, что говорит об особом отношении к государственной власти и церкви в то время.

4) Родства между ними духовного, или плотского родства и свойства, возбраняющего по установлению Св. Церкви брак, никакого нет.

5) Жених холост или вдов, после первого или второго брака, а невеста девица или вдова, после первого или второго брака.

6) К бракосочетанию приступают они по своему взаимному согласию и желанию, а не по принуждению, и на то имеют *от родителей своих или опекунов, или попечителей (прописывать звание или чин, место служения, имя, отчество и фамилию каждого из них. Если же родителей в живых нет, то сие оговаривать)*, Чиновники Гражданские и люди военного ведомства *от Начальства, Удельные от Удельного Приказа, Помещичьи крестьяне, дворовые люди, равно крепостные, принадлежащие к семействам, отыскивающим свободу, но не получившие еще оной, от владельцев своих позволение*. Солдатские жены и вдовы установленные от Военного Начальства вдовьи виды.

7) По троекратному оглашению, сделанному в означенной Церкви *такого-то года, месяца и числа*, препятствия к сему браку никакого никем не объявлено.

8) Для удостоверения беспрепятственности сего брака представляются письменные документы:

а) дозволение жениху вступления в брак *от такого-то Начальства, выданное такого-то года, месяца и числа, за таким-то номером, прилагаемое при сём в подлиннике;*

б) Сведение о невесте от ея Духовного отца, прилагаемое при сём в подлиннике *(здесь показывать и другие, смотря по обстоятельствам, письменные документы, например: когда одно лицо иноверное, Указ Консistorии, с прописанием Архиерейского разрешения сего брака).*

9) Посему бракосочетание означенных лиц предположено совершить в вышеупомянутой *такой-то* церкви сего *такого-то числа и месяца* в законное время при посторонних свидетелях.

10) Что всё показанное здесь о женихе и невесте справедливо, в том удостоверяют своею подписью как они сами, так по каждом три или два поручителя, с тем, что если что окажется ложным, то подписавшиеся повинны за то по суду по правилам Церковным и по законам Гражданским.

За сим следует подпись а) жениха, б) невесты, в) три или два поручителя по жениху, г) три или два поручителя по невесте, и д) в заключении пишется: обыск производили, имя, отчество и фамилия, оной же церкви Священник, Дьячок и Пономарь, с означением имени, отчества и фамилии. Каждый подписывается собственноручно.

Примечание.

При сём поставляется между прочим в обязанность Священно-и церковнослужителям:

1) о вступающих в брак господских людях свидетельство к обыску требовать от самих Помещиков или от Управляющих, Приказчиков, Старост и прочих доверенных.

2) Представленные к обыску подлинные документы, которые должны быть оставлены в Церкви, как, например: дозволение Начальства на вступление в брак Чиновнику и т. п., хранить при обыскной книге, а с прочих документов, например, с Аттестатов о службе, из которых заимствовано показание о летах жениха, списывать в книгу под обыском копии, а подлинные возвращать буде кому следует, с распискою в обратном получении, и с надписанием на оных времени совершения брака, за подписанием Священника.

3) Если невеста другого прихода, о ней требовать от ея Духовного отца свидетельства с показанием: девица или вдова, скольких лет, была ли у исповеди и Св. причастия, и сие свидетельство прилагать к обыску».

Этот документ в шестидесятые годы XX века находился в экспозиции Конторы управляющего в Михайловском, и не случайно. Подобные предметы несут в себе дух времени, прекрасно иллюстрируют пушкинскую эпоху, являются частью той уже очень далекой для нас жизни, к сожалению, со временем всё менее и менее доступной для современного понимания. Присутствие в экспозиции таких документов помогает окунуться в атмосферу здешней жизни начала XIX века, ощутить ту среду, в которой пребывал Пушкин, находясь в Михайловском. Язык был другим; читая текст, мы понимаем, что именно язык, богатый архаизмами, безусловно придает особый колорит и помогает мыслить иначе, в координатах того времени.

С брачным обыском А.С. Пушкина и Н.Н. Гончаровой можно ознакомиться, заглянув на интернет-сайт «Александр Пушкин» в раздел «Документы»⁷.

Книга брачных обысков Егорьевской (Георгиевской) церкви в пригороде Ворониче Опочецкого уезда Псковской губернии 1824–1837

⁷ Брачный обыск // Александр Пушкин: сайт [Электронный ресурс: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/documents/delovye-documenty/document-006.htm>].

годов содержит 232 обыска, о чем свидетельствует помета под последним брачным обыском простым карандашом на 305-й странице (последняя заполненная страница). Размер книги 34 × 21,5 см. Материал: бумага старинная, кожаный переплет; все обыски рукописные, выполнены орешковыми чернилами. На последней странице — остатки не сохранившейся полностью печати красного сургуча. На первых страницах — сильное загрязнение, потемнение бумаги, многочисленные мушинные засиды, переплет потерт; разрывы, присутствуют следы точильщика, края сильно затерты. Присутствует полистная и постраничная нумерация.

В книге в основном брачные обыски крестьян — прихожан Егорьевской церкви, казенных и крепостных. Упоминаются деревни, из которых происходили эти прихожане (некоторые существуют и ныне): Селихново, Дупли, Горки, Корнево, Минино, Сафроново, Ворогушино, Корино, Подборье, Березовка, Пундровка, Лужки, Носово, Софино, Дедовцы, Железово, Неверово, Жарилово, Михново, Жуки, Еремино, Козляки, Песечек, Чичекова Гора, Корни, Рудино и другие. Вступавшие в брак иногда относились к другим приходам — церквям Печанского, Рождественского, Черницкого; также Новоржевского уезда погостов Вехно, Барута; Островского уезда погостов Заклинского, Синского, Врева, Крекшина. Упоминаются помещики Прасковья Александровна Осипова, Александр Адамович Глаубич, Ефим и Петр Самуиловичи Тарачковы, Христиан Христианович фон Штиндт⁸, помещик Окунев, помещицы Пастуховская и Варвара Флоринская, Алексей Львов, помещик Александр Яковлевич Ганнибал.

На страницах 155–157 (л. 77 об.–78 об.) — обыск о браке барона Б.А. Вревского и Е.Н. Вульф. Он хоть и не идеально, но в целом соответствует форме. Написан не очень грамотно, практически без знаков препинания, поэтому здесь и далее мы приводим текст расшифрованного обыска, разделив его на смысловые фрагменты для лучшего понимания:

«1831 года июля 8 дня / по сим⁹ именнаго высочайшаго 1765 года июля 8 дня указа / Опочецкаго уезда пригорода Воронича Георгиевской Церкви приходские люди / окольныя жители / случившиеся быть

⁸ Согласно записям в этой книге в те годы Х.Х. фон Штиндту принадлежало Воскресенское.

⁹ Т. е. именно по этому, 1765 июля 8 дня указу.

в Свадебной церемонии / сим свидетельствуем по присяжной должности и чистой совести / так как нам на страшном суде Христове в том ответ дать должно, что желающие ныне сочетаться первым браком / Островскаго уезда Сельца Голубова Гвардии Под-Порутчик Барон Борис Александрович Вревский / Опочецкаго уезда прихода нашего сельца Тригорскаго Стацкой советницы Прасковьи Александровой дочь Евпраксия Николаева¹⁰ имеют непринужденное к тому желание / родства между ими Духовнаго и плодскаго неимеется / и что те же они брачующиеся сверстных¹¹ и совершенных лет / ибо жениху Александру 25 лет / и невесты Николаевой 22 лет / Ежели после сего по / какому либо случаю явится между ими какое либо плодское или духовное рогство и другое возбраняющее правилами святых отец препятствие и подозрение / то за / ложное показание повинны мы / нижеподписавшиеся / не / только / по церковному но / и / по / политическому по / законам наказанию.

Отставной Гвардии Подпорудчик Барон Борис Александрович Вревский

Евпраксия Вульф

Коллежский Ассесор кавалер Барон Михаил Николаевич Сердобин

Полковник Александр Адамов сын Глаубич

Полковница Софья Николаева дочь, жена Шениг¹²

Статская Советница Прасковья Александрова дочь Осипова

А что Подлинно обыск сей вышеписанными брачующимися и их родителями, а так же со стороны обыскных людей, Подписали в тетради сей / все собственноручно в том свидетельствуем / совершивший брак означенной Георгиевской церкви Священник Корнилий Иоаннов / Дьякон Иоанн Ефремов / Дьячек Василий Корныльев / Пономарь Иосиф Иванов».

¹⁰ Сверху более поздняя приписка — «Вульф».

¹¹ Сверстный — прилагательное, устар. 1) Имеющий одинаковый с кем-либо возраст. 2) Имеющий одинаковое с кем-либо звание, социальное положение. См.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка.

¹² Софья Николаевна Шениг (урожд. баронесса Сердобина; 1803 или 1804–?), единокровная сестра барона Б.А. Вревского, была замужем за Николаем Игнатьевичем Шенигом, владельцем сельца Духова близ Острова. См.: Письма Ф.В. Булгарина к Н.И. Шенигу // Новое литературное обозрение. 2014. № 5 [Электронный ресурс: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/129_nlo_5_2014/article/11105/].

Страницы 196–197 книги (л. 98–98 об.) содержат обыск о браке П.Н. Беклешова и А.И. Осиповой:

«1833 Года февраля 5 дня / Посим Именного Высочайшаго 1765 года Июля 8 дня Указа / Опочецкаго уезда Пригорода Воронича Георгиевския церкви Приходския люди и окольные жители / случившиеся бытъ в Свадебной церемонии / сим Свидетельствуем по присяжной должности и чистыя совести / так как нам на / страшном суде Христове в том ответ дать должно / что желающие ныне сочетаться Первым Законным Браком, Губернскаго Города Пскова Полицместер Маиор Петр Николаев Беклешов, Опочецкаго уезда Села Тригорскаго / Статской советницы Прасковьи Александровны Осиповой дочь девица Александра Иванова, имеют непринужденное к тому желание / и / как они брачующиеся с / позволения и / з / благословения родственников и / родителей своих / родства / ли между ими Духовнаго и плодскаго / и / присвоения до / супружества недопускающаго и инаго никакаго правильнаго препятствія и / супружества возбраняющаго не / обретається / лет же оне брачующиеся сверстных и совершенных лет / ибо жениху Беклешову 37. лет и невесты Александры 25. лет¹³, Ежели после сего по / какому либо случаю явится между ими какое либо Духовное или плодское родство и Другое Возбраняющее Правилами Святых отец препятствие и подозрение то За / ложное сие показание повинны мы нижеподписавшиися не / только церковному но / и / политическому по / законам наказанию¹⁴.

Ко / сему обыску жених Маиор Петр Николаев сын Беклешов

Невеста Александра Осипова

Со / стороны жениха Венчальный Отец (краткая подпись) /

Василий Николаевич Беклешов¹⁵

Полковник Глаубич¹⁶

¹³ Даты рождения А.И. Осиповой и П.Н. Беклешова разнятся в разных источниках. Из данного брачного обыска следует, что А.И. Осипова родилась в 1808 году, а П.Н. Беклешов — в 1796-м.

¹⁴ См. также: Петр Николаевич Беклешов // Российский родословный фонд: сайт [Электронный ресурс: <http://rgfond-ru.1gb.ru/person/28531>].

¹⁵ Василий Николаевич Беклешов, брат П.Н. Беклешова., титулярный советник, занимал различные должности в Островском уезде, например, был избран на губернскую должность в Дворянское депутатское собрание от Островского уезда для составления родословной книги.

¹⁶ Александр Адамович Глаубич (? — начало 1860-х) — участник Отечественной войны 1812 года. Принимал участие в сражениях, в заграничном походе

Со / Стороны невесты Венчальная мать Евпраксия Николаевна Баронесса Вревская

Прапорщица Глаубич¹⁷

А / что подлинно обыск сей вышеописанными брачующимися и / родственниками и / так же со / стороны обыскных людей / подписали все собственноручно / в том свидетельствуем совершенный брак / означенной Георгиевской церкви священник Корнилий Иоаннов / Диакон Иоанн Ефремов / Дьячек Василий Корныльев / Пономарь Иосиф Иванов».

Брачные обыски активно уничтожались макулатурными кампаниями в СССР в 1920–1930 годах. Тогда считалось, что многие исторические документы не несут ни юридической, ни исторической ценности, являясь абсолютно бесполезными. Таким образом, в архивах брачные обыски встречаются редко. Обнаружить в архиве брачные обыски предков — большая удача.

Подобные документы позволяют заглянуть вглубь истории и сравнить традиции прошлого и настоящего. Эти частички информации необходимы и важны для сохранения памяти о наших предшественниках.

де, награжден серебряной медалью на голубой ленте. С 12 апреля 1826 года был уволен от службы за болезнью полковником и с мундиром. Опочецкий помещик, проживал в Елизаветине. В летние месяцы навещал отдохавших в Михайловском Пушкиных, а они делали ему ответные визиты. Александр Адамович умер в начале 1860-х годов. См.: *Розов Н.Г.* К вопросу о создании портретной галереи участников Отечественной войны 1812 года // Опочецкий районный центр культуры: сайт [Электронный ресурс: <http://opochka.ru/article/rozov-n-g-k-voprosu-o-sozdanii-portretnoy-galerei-uchastnikov-otechestvennoy-voyny-1812-goda>]. В 1822 году женился на племяннице П.А. Осиповой Евгении Яковлевне (урожд. Ганнибал; родители: Яков Исакович Ганнибал, Елизавета Александровна, урожд. Вындомская). Умерла в 1826 году. Сын — Валериан. См.: Ганнибал, Яков Исакович // Википедия: электронная энциклопедия [Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ганнибал,_Яков_Исакович].

¹⁷ Скорее всего, родственница А.А. Глаубича (?).

**ЭКСКУРСИОННО-МАССОВАЯ РАБОТА
В ПУШКИНСКОМ ЗАПОВЕДНИКЕ 1960-Х ГОДОВ**
По материалам научного архива

В настоящее время эффективная работа музея зависит от успешного развития всех направлений его деятельности, среди которых важное место занимают организация и проведение экскурсий. В современных условиях музей как социокультурный институт строит свою работу преимущественно на основе экскурсионной деятельности, так как именно экскурсия является одной из тех традиционных форм, с которой начинается становление культурно-образовательной деятельности музея.

Основы экскурсионной деятельности в заповедных пушкинских местах были заложены в 1911 году с открытием первого музея А.С. Пушкина и Колонии для престарелых учителей и литераторов в Михайловском. Лихолетье 1918 года, а затем и Великая Отечественная война внесли кардинальные изменения в жизнь музея-заповедника. Свое возрождение и последующее развитие экскурсионная работа в Пушкинском Заповеднике получила после Великой Отечественной войны. Послевоенный период, согласно архивным статистическим документам, характеризуется интенсивным ростом количества приезжающих туристов, который продолжился и в 1960-е годы, когда паломнический туризм в Пушкинский Заповедник становится уже традиционным. В публикации 1967 года С.С. Гейченко отмечал: «Ярким выражением всенародной любви к Пушкину является паломничество в Пушкинские Горы. Свыше 300 тысяч человек со всех концов страны приезжают ежегодно в Пушкинский Заповедник, под сень Михайловских рощ. Не ради любопытства, не только для того, чтобы отдохнуть на лоне полной очарования и неповторимой красоты пушкинской природы, приходят сюда люди. Нет, они идут, чтобы встретиться с поэтом, узнать новое о его жизни и творчестве»¹.

В архивных документах 1960-х годов сохранились отчеты об экскурсионно-массовой работе, которая включала организацию «массовых» экскурсий и консультаций по основным объектам Заповедни-

¹ *Гейченко С.* Вечно живой // Статьи, интервью, очерки С.С. Гейченко (1945–1993): сборник. Пушкинские Горы ; М., 2004. С. 178–179.

ка, учета посещаемости музеев и записей впечатлений посетителей, их отзывов о состоянии музеев, парков и об экскурсионной работе. Одновременно для повышения качества экскурсий с экскурсоводами проводились систематические научные консультации и совещания, занятия по повышению квалификации, обмену опытом научно-музейной и в особенности экскурсионной работы, учебно-методические прослушивания, запись экскурсий на магнитофон и их обсуждение. Также проводилась работа по внесению изменений и дополнений в существующие научно-методические разработки экскурсий по объектам Пушкинского Заповедника и написанию новых.

В связи с возрастанием потока посетителей в заповедные пушкинские места экскурсионная работа, которой в музее уделялось большое внимание, стала наиболее значимым направлением деятельности (здесь и далее приводим тексты из архивных документов с сохранением орфографии и пунктуации): «Закончившийся экскурсионный сезон [1960 года], — отмечал В.С. Бозырев, — действительно был массовым. За летние месяцы Пушкинским Заповедником было проведено более трех с половиной тысяч экскурсий, насчитывающих в своем составе около ста пятидесяти тысяч человек. Никогда еще за все предшествующие годы здесь не было столько экскурсантов в течение одного лета»².

Ежегодные отчеты о работе Пушкинского Заповедника рассматриваемого нами периода позволяют проследить динамику увеличения количества посетителей и организованных групп (см. *Диаграммы 1 и 2*). Если в 1960 году в Заповеднике побывало 120 150 человек, то уже в 1968 году количество посетителей возросло до 362 422 человек. Анализ данных статистики этих лет показывает рост посещаемости в Пушкинском Заповеднике более чем в три раза. «Массовость» часто отмечается и в отчетах об экскурсионной деятельности 1960-х годов: «Экскурсионная работа этого [1961] года отмечалась особенной массовостью. За год Пушкинский Заповедник посетило 4 365 организованных экскурсий, общее количество посетителей превышает 146 тысяч человек. За всю предшествующую историю Заповедника в нем еще не было в течение одного года такого количества экскурсантов»³. В отчетных документах сообщается: «Отличительной чертой экскурсионной работы 1962 года

² Бозырев В. Осень в пушкинских местах // Ленинский путь. 21.09.1960.

³ Архив Пушкинского Заповедника. Научный архив (АПЗ. Н/а). № 467. Л. 32.

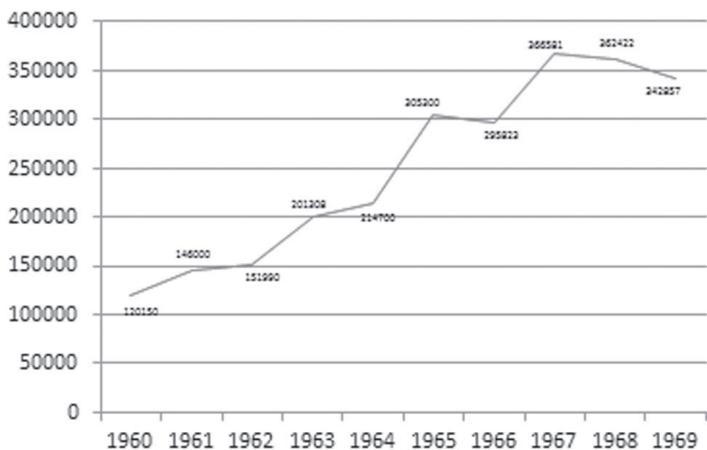

Диаграмма 1. Количество посетителей Пушкинского Заповедника.
1960–1969 годы

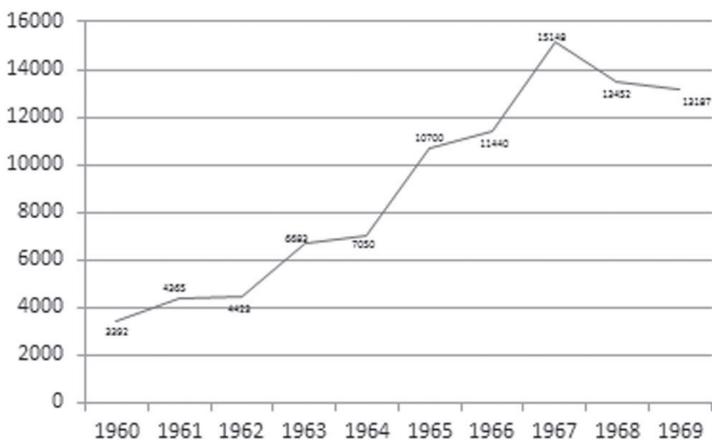

Диаграмма 2. Количество организованных групп в Пушкинском Заповеднике.
1960–1969 годы

является особенно большая массовость. Несмотря на исключительно ненастное, дождливое лето (а подавляющее число экскурсантов посещает Заповедник в течение летнего экскурсионного сезона), в Пушкинском Заповеднике за год побывало 151 990 человек, причем организованных групп здесь побывало 4 423. Это рекордное за все годы существования Пушкинского Заповедника количество экскурсантов...»⁴

Такой рост посещаемости был вызван не только «всё поднимающимся культурным ростом советских людей и возрастающим интересом к жизни и творчеству великого русского поэта», но и эффективной работой бюро туристических путешествий в Ленинграде, Пскове, Риге, Москве, которые организовывали группы трудящихся в Пушкинский Заповедник. В 1961 году свою работу активизировала и Пушкиногорская туристическая база, находившаяся по соседству с Заповедником в деревне Воронич. В отличие от предшествующих лет, постоянное увеличение контингента клиентов турбазы обусловило продолжение летнего экскурсионного сезона в 1961 году до середины ноября. В 1966 году Пушкиногорской турбазой были организованы экскурсии в Пушкинский Заповедник для 20 733 человек, а Ленинградским бюро путешествий — для 59 060 человек из общего числа посетителей (т. е. около 80 тысяч человек из 295 823).

Увеличению роста посетителей способствовали юбилейные торжественные мероприятия, отмечавшиеся в Пушкинском Заповеднике. Так, 1962 год был отмечен «широчайшим чествованием имени Пушкина в связи со 125-летием со дня его смерти». Упоминание о февральских торжествах мы находим в публикациях 1962 года:

«В эти дни в Пушкинском Заповеднике посетителей больше, чем обычно. Едут большими группами, семьями, в одиночку.

Особенно много гостей ждут сотрудники Государственного Пушкинского Заповедника сегодня, в день, когда исполняется 125 лет со дня трагической гибели поэта. В этот день состоится торжественная гражданская панихида, на которую приедут почтить память великого поэта рабочие, крестьяне, писатели, художники, студенты из Москвы и Ленинграда, Минска и Киева, Таллина и Риги»⁵. В этом же году отмечали 40-летие со дня организации Пушкинского Заповедника, а также открытие в августе нового Дома-музея в Тригорском, которого с нетерпением ждали почитатели великого поэта.

⁴ АПЗ. Н/а. № 470. Л. 4.

⁵ *Сергеева Т.* Народная тропа // Комсомолец Узбекистана. 10.02.1962.

Своего пикового значения показатель посещаемости достиг в 1967 году, когда в заповедных пушкинских местах побывало 366 581 человек и было проведено 15 148 экскурсий. «Впервые за всю историю существования Пушкинского Заповедника здесь побывало такое количество экскурсантов в течение одного экскурсионного сезона»⁶, — читаем мы в отчете о работе Пушкинского Заповедника за 1967 год. Это объясняется новым этапом в жизни музея, когда Пушкинские праздники в Михайловском приобрели новый статус: «3–5 июня 1967 года по решению Союза писателей СССР был проведен первый Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии»⁷. Постановили «этот праздник сделать традиционным», устраивать «в селе Михайловском ежегодно в первое воскресенье июня»⁸. Одновременно было решено, что «этот праздник будет посвящен и дню рождения А.С. Пушкина»⁹. Торжества, посвященные 168-й годовщине со дня рождения поэта, проводившиеся в то же время и как Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии, были организованы в городе Пскове и селе Михайловском. «В праздновании приняло участие более 130 тысяч человек — в основном из соседних республик и областей»¹⁰. «4 июня Дом-музей А.С. Пушкина в Михайловском посетило шесть тысяч человек. В этот день здесь проведено 120 экскурсий (по 50 человек в группе). Экскурсии проводили 16 экскурсоводов, в том числе из Института русской литературы (ИРЛИ), Всесоюзного музея А.С. Пушкина (ВМП) и Псковского экскурсионного бюро»¹¹.

Большому интересу посетителей к пушкинским местам Псковщины способствовали средства массовой информации, освещающие все направления деятельности Пушкинского Заповедника. С целью популяризации пушкинского наследия в телевизионных передачах для показа широко использовались материалы, представленные в экспозициях музеев и хранящиеся в фондах Заповедника. Псковской студией телевидения в 1963 году была подготовлена серия передач, посвященных жизни поэта в Михайловском, домам-музеям, «сегодняшнему дню» пушкинских мест, а в 1966 году для Псковского телевидения сотрудниками музея-заповедника была подготовлена специальная передача о

⁶ АПЗ. Н/а. № 797. Л. 3.

⁷ Там же. Л. 2.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 12.

¹¹ Там же. Л. 11.

Пушкинском Заповеднике и поселке Пушкинские Горы. Заповедным местам было посвящено несколько передач центрального телевидения и Всесоюзного радио.

В 1962 году газета «Новгородский комсомолец» сообщила о том, что Ленинградская студия кинохроники выпустила новый, десятый номер киножурнала «Наш край». «На экране — поселок Пушкинские Горы. Зрители видят мемориальный музей гениального поэта А.С. Пушкина, «Домик няни» в селе Михайловском, исторические памятники и пейзажи пушкинских мест. Кинокадры переносят зрителей на могилу А.С. Пушкина, у которой состоялся митинг и возложение венков в связи со 125-летием со дня трагической гибели поэта»¹².

Несколько больших статей о Пушкинском Заповеднике было опубликовано в центральной печати в 1966 году, в том числе в газете «Правда», «Советская Россия», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Сельская жизнь», в журнале «Огонек» и других изданиях. В этом же году областная газета «Псковская правда» и Псковское радио, а также районная газета вели постоянные разделы «Гости Пушкинского Заповедника», «Сегодня в Пушкинском Заповеднике», в которых регулярно в течение года освещались интересные стороны экскурсионной, массовой, реставрационной, экспозиционной и собирательной работы Заповедника»¹³. Материалы для разделов, которые вызывали интерес у широкого круга читателей, были подготовлены сотрудниками музея-заповедника.

Ежегодный рост количества посетителей в 1960-е годы продолжался несмотря на то, что впервые за время существования Пушкинского Заповедника «в 1964 году в его музеях была введена плата за экскурсионное обслуживание. Из общего числа посетителей [за 1964 год — 214 700 человек] 115 тысяч человек прослушали платные экскурсии. Экскурсионное обслуживание в Святогорском монастыре-музее и на могиле А.С. Пушкина было бесплатным»¹⁴. В архивных документах сохранились упоминания о существовании льгот по входной плате в дома-музеи Заповедника для разных организаций, осуществляющих туристическую деятельность, а также по стоимости экскурсионного обслуживания. В протоколе заседания дирекции Пушкинского Заповедника от 7 января

¹² Гришина А. «Я памятник воздвиг себе нерукотворный» // Новгородский комсомолец. 10.02.1962.

¹³ АПЗ. Н/а. № 702. Л. 6.

¹⁴ АПЗ. Н/а. № 574. Л. 33.

*Потомки А.С. Пушкина в сопровождении С.С. Гейченко. 1965 год.
Фото Ф.И. Овсянникова. Из фондов Пушкинского Заповедника*

1966 года читаем: «Поставить в известность Пушкиногорскую турбазу, Псковское экскурсионное туристическое управление и Ленинградское бюро путешествий, что с 1966 года никаких льгот по входной плате в музей им не будет предоставлено, и с их экскурсий будет взиматься плата наравне с другими посетителями — 10 копеек»¹⁵.

Паломничество вносило свои коррективы во все сферы деятельности музея-заповедника, но прежде всего в экскурсионно-массовую работу, о чем рассказывают архивные документы. На совещании научно-музейной части 18 января 1961 года в своем докладе С.С. Гейченко сообщал: «Летние месяцы мы целиком отдаем экскурсионной работе, проведению экскурсий и консультаций. На другие формы работы у нас абсолютно нет времени...»¹⁶ В публикации 1967 года директор музея-заповедника подчеркивал: «Нелегкое это дело — принять и обслужить в течение года сотни тысяч людей, еще труднее станет в будущем, потому что тяга народа в Пушкинский Заповедник непреодолима»¹⁷.

¹⁵ АПЗ. Н/а. № 671. Л. 1.

¹⁶ АПЗ. Н/а. № 467. Л. 57.

¹⁷ Гейченко С. Вечно живой. С. 178–179.

География мест, откуда приезжали посетители Заповедника, была очень широка: Москва, Ленинград, Новгород, Калинин, Смоленск, Тула, Великие Луки, Псков и многие другие — это лишь малая часть тех городов, о которых мы узнаем из ежегодных отчетов о работе музея. Частыми посетителями были экскурсанты из союзных республик: городов и сел Латвии, Литвы, Эстонии, Белоруссии. С 1967 года расширился и круг гостей из зарубежных стран. Так, в 1968 году «Заповедник посетили десятки туристов из 15 зарубежных стран четырех континентов земли: Болгарии, Венгрии, ГДР, Монголии, Румынии, Польши, Чехословакии, Югославии, Кубы, Франции, Бельгии, Перу, США, Сальвадора, Колумбии»¹⁸.

Обслуживая многочисленные экскурсионные группы, одиночных посетителей, сотрудники музея сталкивались со многими трудностями, приходилось принимать меры, направленные на улучшение экскурсионного обслуживания, благоустройство территории Заповедника. Для достижения этих целей на производственных совещаниях часто обсуждались проблемы, возникавшие при работе с посетителями. О некоторых проблемах мы узнаем из протокола совещания научно-музейной части от 12 апреля 1961 года, на повестке дня которого рассматривались вопросы по подготовке Заповедника к летнему экскурсионному сезону:

«Каждое утро, — сообщала Т.Ю. Мальцева, — мы замечаем, что с 9 часов утра на усадьбе почти каждый день толпятся экскурсанты, ждут открытия музея в 10 часов. Вечером часто посетителей не бывает. Поэтому я считаю, что лучше открывать музей в 9 часов утра, а последний час работы в музее может оставаться один дежурный, а все сотрудники выполнять другую работу.

Постановили: утвердить часы работы музея с 9 до 17.00 с тем, что с 16 часов музей будет работать без экскурсовода»¹⁹.

Поправки в режим работы музеев Пушкинского Заповедника были введены вновь в 1965 году, когда согласно приказу министра культуры РСФСР А.И. Попова «Об изменении режима работы музеев» на производственном совещании, состоявшемся 6 января того же года, постановили: «В летний экскурсионный период начинать работу музеев (по воскресеньям) с 8 утра с таким расчетом, чтобы посетители имели возможность осматривать музей в течение 9 часов. Выходной день

¹⁸ АПЗ. Н/а. № 749. Л. 61, 78.

¹⁹ АПЗ. Н/а. № 455. Л. 17.

*Экскурсанты в сопровождении Т.Ю. Мальцевой. Михайловское. 1965 год.
Фото Ф.И. Овсянникова. Из фондов Пушкинского Заповедника*

*Экскурсанты в сопровождении Т.Ю. Мальцевой. Тригорское. 1965 год.
Фото Ф.И. Овсянникова. Из фондов Пушкинского Заповедника*

оставить — понедельник. Ввести в практику санитарный день (последний день каждого месяца)»²⁰.

Важные предложения, направленные на улучшение культуры обслуживания посетителей, были внесены в протокол совещания научно-музейных работников и дирекции Пушкинского Заповедника, состоявшегося 1 августа 1961 года: «В этом году, — отмечал В.Я. Шпинев, — у нас посетителей больше, чем в прошлом. Мы теряем очень много одиночек: в воскресенье они идут сплошным потоком и присоединяются к экскурсиям. Заставить их всех записаться невозможно. Надо подумать, как лучше наладить их учет»²¹. Т.Ю. Мальцева замечала: «Нужно ввести обслуживание одиночек в какие-то организованные рамки. Бывает, что музей полон народу, а мы сидим, ждем, когда придет организованная группа и нас попросят провести экскурсию. Люди выходят из музея и предъявляют претензию, что нет экскурсовода... А многие думают, что экскурсии у нас платные. Нужно в музее или около него, на крылечке или на ближайшей скамье, как в Эрмитаже, повесить этикетку: «Сбор одиночек, желающих прослушать экскурсию. Экскурсии бесплатные». Если бы был определенный пункт сбора, там бы собирались те, кто действительно хочет послушать [экскурсию], и компактными группами можно было бы их обслуживать»²². После совещания были даны основные указания: «Усилить массовую работу. Всё внимание должно быть обращено на культуру музея, культуру труда сотрудников, на лучшее обслуживание трудящихся»²³. Обсуждение этого вопроса состоялось вновь на производственном совещании 9 августа 1966 года, в ходе которого было принято решение: «Установить на стоянке машин в д. Бугрово дежурство организатора экскурсий для встречи экскурсионных групп и проведения бесед и консультаций с 9 до 5 часов вечера кроме понедельника»²⁴.

В условиях ежегодного увеличения потока посетителей важными задачами для коллектива Пушкинского Заповедника стали благоустройство территории заповедных мест, улучшение условий пребывания в них экскурсантов. Эти вопросы часто поднимались на производственных совещаниях научно-музейной части. Так, 18 января 1961 года

²⁰ АПЗ. Н/а. № 614. Л. 29.

²¹ АПЗ. Н/а. № 455. Л. 28.

²² Там же. Л. 28, 29.

²³ Там же. Л. 32.

²⁴ АПЗ. Н/а. № 671. Л. 36.

С.С. Гейченко отмечал: «Наш посетитель с каждым годом делается культурнее и образованнее, а следовательно, и требовательнее к нам. Поэтому вопросам благоустройства наших музеев, чистоте и порядку в них должно быть уделено большее внимание»²⁵. Понимая важность этих вопросов, Семен Степанович писал: «Нелегкое дело проделать путь в 500, 700, а то и 1 000 километров, чтобы добраться до Михайловского. Люди нуждаются во многом: столовой, гостинице, кафе, книжном киоске, турбазе. Им нужен красивый сувенир, путеводитель, памятка, открытки и фотографии с видами пушкинских мест. Их машины нуждаются в хорошей дороге, площадке для стоянки...»²⁶ Работа, ведущаяся в этом направлении, имела свои результаты. В плане работы музея-заповедника на 1966 год читаем: «Для обслуживания экскурсантов обеспечить регулярную работу в селе Михайловское комбината бытового обслуживания, кафе, трех ларьков потребительской кооперации, отделения связи, а также четырех киосков для продажи книг, путеводителей, открыток и сувениров. Обеспечить в летнем экскурсионном сезоне движение автобусов по маршруту Пушкинские Горы — Михайловское — Тригорское — Пушкинские Горы»²⁷.

Постоянный рост числа посетителей вызывал у дирекции Пушкинского Заповедника обеспокоенность за сохранность музейных объектов и музейных коллекций, а также за обеспечение качественного экскурсионного обслуживания. В связи с этим в 1966 году были приняты меры по ограничению количества принимаемых экскурсионных групп в выходные дни, о чем сообщалось в протоколе совещания, состоявшегося 9 августа 1966 года: «Для улучшения обслуживания экскурсий, прибывающих в Михайловское явочным порядком, установить лимит для экскурсий, прибывающих через экскурсионно-туристические организации (Бюро путешествий, Лентрансagenство, Псковское городское экскурсионное бюро, Пушкиногорская турбаза). В обычные дни недели — до 15 экскурсий. В воскресные дни — до 10 экскурсий»²⁸. Рассмотрев отчет о работе Пушкинского Заповедника за 1966 год, Министерство культуры в плане работы на 1967 год рекомендовало «продолжать работу по упорядочению и ограничению массовых экскурсий в музеи Заповедника в целях предупреждения преждевременного износа памятников и музей-

²⁵ АПЗ. Н/а. № 467. Л. 57, 59.

²⁶ Гейченко С. Вечно живой. С. 145.

²⁷ АПЗ. Н/а. № 702. Л. 58.

²⁸ АПЗ. Н/а. № 671. Л. 36.

ных коллекций»²⁹, о чем сообщал С.С. Гейченко на совещании, состоявшемся 1 марта 1967 года.

При анализе статистики количества посетителей за 1960-е годы совершенно очевидно, что в 1967 году посещаемость Заповедника за десятилетие достигла своего максимального значения (366 581 человек, организованных экскурсий 15 148). Незначительное сокращение потока экскурсантов в заповедные места (более 4 000 человек) произошло в 1968 году, тогда здесь побывало 362 422 человека и было проведено 13 452 экскурсии. Это объясняется тем, что осенью 1968 года «в связи с ремонтом был закрыт для посещения Святогорский музей-монастырь»³⁰. Капитальный ремонт в Святогорском музее-монастыре, начатый в 1968 году, продолжался в течение 1969 года. Вероятно, это повлияло на количество посещений Заповедника в 1969 году, которое сократилось до 342 857 человек (организованных экскурсий — до 12 246). Но даже такое небольшое уменьшение потока экскурсантов за два года (в сравнении с 1967 годом — около 28 тысяч человек) никак не повлияло на динамику увеличения количества посетителей к концу десятилетия. Сравнивая статистические показатели 1960 и 1969 годов, мы приходим к выводу о том, что к концу рассматриваемого нами периода количество посетителей в Заповеднике увеличилось почти в три раза, а организованных экскурсий почти в четыре.

Сложности экскурсионной практики, с которыми в условиях ежегодного роста количества посетителей сталкивались сотрудники музея-заповедника в 1960-х годах, учитывались, изучались, что привело в конечном итоге к положительным результатам. Несомненно, этому способствовала кропотливая работа всего коллектива во главе с С.С. Гейченко. Анализируя эти проблемы, нельзя не согласиться, что они очень актуальны и сегодня. Опыт наших предшественников для нас, нынешних музейщиков, очень важен и может быть применен в настоящее время, когда поток посетителей в Пушкинский Заповедник растет из года в год.

²⁹ АПЗ. Н/а. № 711. Л. 8.

³⁰ Там же. Л. 78.

О ПОТОМИЦЕ РОДА ВОЛОГОДСКИХ ДВОРЯН ЗУБОВЫХ НИНЕ ВЛАДИМИРОВНЕ ЛУКИНОЙ

Нина Владимировна Лукина. Из семейного архива Н.В. Лукиной

Работа с потомками Александра Сергеевича Пушкина и его окружения является частью музейной работы.

Как правило, они давно и хорошо известны. Тем большим удивлением для меня, тогда научного сотрудника, работающего в Тригорском, было появление в музее-заповеднике Нины Владимировны Лукиной, которая сообщила, что разбирая семейный архив она обнаружила письмо своего прадеда, гостившего в усадьбе баронов Вревских Голубово, адресованное бабушке. Сведения об усадьбе Голубово, в которой жила после замужества Евпраксия Николаевна Вульф, «кристалл души» Пушкина, пред-

ставляют большой интерес, тем более что в музее-усадьбе «Тригорское» начинались реставрационные работы в Доме Осиповых и Вульфов, предполагавшие развитие его экспозиции. Я предложила Нине Владимировне выступить на научной конференции «Усадьба в русской культуре XIX — начала XX века», где она выступила с докладом «Новый документ об имении Вревских Голубово»¹.

Так началось наше теперь уже многолетнее знакомство, переросшее с течением времени в дружеские отношения, с этой замечательной женщиной, потомницей старинного дворянского рода Зубовых.

Н.В. Лукина родилась в Москве в 1935 году. Окончила географический факультет МГУ, работала во Всесоюзном научно-исследо-

¹ Лукина Н.В. Новый документ об имении Вревских Голубово // Усадьба в русской культуре XIX — начале XX века. М., 1996.

вательском геолого-разведочном институте, Московском институте международных экономических отношений, Институте физики Земли Российской Академии наук; кандидат геолого-минералогических наук. Долгие годы бабушка, Нина Юльевна, скрипачка в оркестре МХАТа, и мама София Владимировна, концертмейстер, скрывали свое дворянское прошлое. Наступили иные времена, и для Нины Владимировны открылся бабушкин сундук, хранящий семейный архив, вещи из прошлого. К исследованию архива она подошла как уже сложившийся ученый. В статье рассмотрены некоторые из результатов этой работы.

Одним из результатов стало исследование рода Зубовых. Вологодские Зубовы были в родстве с известными фамилиями Волконских, Батюшковых, Брянчаниновых. Итогом работы стало составление родословного древа вологодских дворян Зубовых². Род ведет начало от Армагата (эмира Гата), крещенного Захарием в 1237 году. В третьем колене родословное древо украшено Святым Пафнутием Боровским (1395–1477). На протяжении веков Зубовы (от Якова Зуба) были боярами, стрелецкими головами, позже — офицерами русской армии и флота. Всего в родословном древе представлено 336 персон, живших с XIII века до настоящего времени. Представители рода Зубовых сопричастны к замечательным событиям, многовековая история их рода — часть истории России.

Наиболее полно исследована ветвь от Алексея Александровича Зубова, отставного флота лейтенанта. Его сын Петр Алексеевич был женат на Евфимии Борисовне Вревской и был братом Михаила Алексеевича Зубова, который в свою очередь был отцом Юлия Михайловича, прадеда Н.В. Лукиной (в браке с Софьей Петровной, урожденной княжной Ухтомской, была рождена Нина Юльевна, бабушка Н.В. Лукиной).

Другим братом П.А. Зубова был Владимир Алексеевич Зубов, отец Николая Владимировича Зубова, композитора, автора романсов, среди которых романс «Не уходи, побудь со мною...»

Линия Петра Алексеевича Зубова

Муж дочери Е.Н. Вульф Евфимии Борисовны Вревской, Петр Алексеевич Зубов (24.05.1819–26.06.1880), был выдающимся государственным деятелем; включен в Биографический справочник

² Лукина Н.В. Родословное древо вологодских дворян Зубовых. М., 2019.

«Государственные деятели России XIX — начала XX века»³. Выпускник Санкт-Петербургского Императорского училища правоведения 1841 года стал профессором уголовного права, одним из создателей судебной реформы 1864 года, сенатором, членом Государственного Совета. Деятельности П.А. Зубова посвящена статья Н.В. Лукиной «Судебная реформа 1860-х годов и парадокс одной дворянской фамилии»⁴. Прогрессивность новой судебной реформы, в разработке которой большая заслуга принадлежит П.А. Зубову, заключалась в том, что суд стал гласным, независимым и равным для всех сословий с судом присяжных. Одним из первых громких процессов по новому судебному законодательству стало дело игуменьи Введенского Владычного монастыря в Серпухове Митрофании, графини Зубовой по матери, обвиненной в подлоге и растрате чужого имущества.

Евфимия Борисовна Вревская, шестой ребенок в семье Вревских, родилась 24 марта и была крещена 27 марта 1838 года. Восприемниками при крещении были единокровный брат Бориса Александровича Вревского Михаил Николаевич Сердобин и Анна Николаевна Вульф.

Венчание П.А. Зубова и Е.Б. Вревской состоялось в 1863 году. Евфимия Борисовна получила прекрасное образование, с большим успехом переводила с французского языка различные статьи, которые печатались в периодических журналах, а также перевела хранящиеся в семье Вревских письма А.С. Пушкина к П.А. Осиповой и А.Н. Вульфу, которые были опубликованы в «Русском архиве» в 1867 год⁵. В Петербурге у Зубовых был известный в свете салон, на лето они уезжали в Голубово. Кабинет Петра Алексеевича устраивали в библиотеке голубовского дома.

Летом 1881 года в Голубове отмечалась золотая свадьба Бориса Александровича и Евпраксии Николаевны Вревских. Атмосфера дворянского гнезда передается в письме Евфимии Борисовны, приведенном в статье Н.В. Лукиной: «Юбилей 50-летнего счастливого супружества праздновался 8 июля. Праздник удался лучше, чем можно было ожидать после грустных событий (имеется в виду смерть Алексея Николаевича Вульфа). Все три поколения были налицо. Погода благоприятствовала

³ Государственные деятели России XIX — начала XX века. Биографический справочник. М., 1995.

⁴ Лукина Н.В. Судебная реформа 1860-х годов и парадокс одной дворянской фамилии // Псков. 1997. № 7. С. 78–85.

⁵ Лукина Н.В. Голубовские хранители реликвий А.С. Пушкина // Псков. 1998. № 9. С. 106–116.

всеобщему радостному настроению. Отец Андрей очень торжественно отслужил обедню, молебен соборне, и многие лета было пропето дедушке и бабушке к радости и удивлению внучат. Ничего подобного они еще не слышали. За обедом было 72 человека. Александр Бор. [Вревский], Ник. Ал. Беклешов и Алексей Петрович [Зубов, сын Петра Алексеевича от его первого брака] сказали очень трогательные речи... танцевали до упаду. Одним словом, был пир на весь мир, и был даже Пушкин, сын бессмертного. Все мы съездили потом на могилу дяди Ал. Ник. в Тригорское. В бумагах дяди нашли мы, к общему нашему удивлению, записки... Также свято хранилось у него... ковш, которым варила наша бабушка жженку Пушкину, Языкову и дяде... Этот ковш бабушка сегодня торжественно передала Софье Борисовне... В конце августа мы возвращаемся в Петербург, и, вероятно, будем с трудом расставаться с летом и с Голубовом»⁶.

Летом 1892 года в Голубове гостил Юлий Михайлович Зубов, племянник П.А. Зубова (прадед Н.В. Лукиной). Именно тогда, 24 октября 1892 года, им было написано письмо Нине Юльевне, бабушке Н.В. Лукиной, с детальным описанием дома и парка усадьбы Голубово: «...дом, соединенный галереями с двумя боковыми домиками. В доме зал, гостиная, диванная, угловая смотрят в сад, а прихожая, библиотека и еще несколько комнат — во двор. Комнаты большие с высокими светлыми окнами и множеством тропических растений... Я ночевал в библиотеке, где был кабинет дяди Петра Алексеевича. Там были письменный стол, много портретов, глобус и пр.» Интерьеры комнат этого дома представлены на фотографиях в экспозиции «голубовской» комнаты в Тригорском доме-музее. Фрагмент письма с планом приведен в докладе Н.В. Лукиной, прочитанном на IV Куракинских чтениях⁷. Эти данные бесценны и могут быть использованы в случае воссоздания музея-усадьбы «Голубово».

4 февраля 1865 года в семье Зубовых родилась дочь Прасковья. Закончив педагогические курсы Санкт-Петербургской гимназии с серебряной медалью, в 1887 году она получила звание домашней учительницы. Вместе с матерью Прасковья Петровна обустроила в одном из

⁶ Лукина Н.В. Семья Евфимии Борисовны Вревской (в замужестве Зубовой) во второй половине XIX — начале XX веков // Михайловская пушкиниана. Вып. 2. М., 1999. С. 106–130.

⁷ Лукина Н.В. Имение Вревских Голубово — наследие князя Александра Борисовича Куракина (II) // Материалы IV Куракинских чтений. М., 2008. С. 113–126.

флигелей усадьбы Голубово, а позднее во вновь построенном здании церковно-приходскую школу. В 1894 году Прасковья Петровна была избрана начальницей Псковского епархиального женского училища. При ней к 1900 году было выстроено новое трехэтажное здание училища, в котором располагались учебные классы и жилые комнаты для 400 будущих учительниц. На втором этаже была устроена домовая церковь Введения Богородицы во храм. Лучшей помощницей Прасковьи Петровны была ее мать Евфимия Борисовна. Прасковья Петровна была членом Кирилло-Мефодиевского просветительского братства, членом Совета Псковского братства Александра Невского и Совета Псковского отделения попечительства о слепых.

Евфимия Борисовна умерла 19 сентября 1917 года. Прасковья Петровна в 1918 году приняла монашеский постриг, стала насельницей Савва-Вишерского монастыря под Новгородом, затем переехала в Мало-Кириллов скит. Умерла не ранее 1922 года. Прасковья Петровна была хранительницей некоторых меморий, связанных с А.С. Пушкиным, в том числе двух фарфоровых вазочек (находятся в экспозиции Тригорского дома-музея) с изображениями цветов, птиц и насекомых, по преданию, подаренных поэтом одной из дочерей П.А. Осиповой, и двух писем поэта 1830 и 1831 года к П.А. Осиповой, которые были подарены ей в 1909 году Публичной библиотеке Петербурга⁸.

Генеалогическое древо баронов Вревских

После женитьбы П.А. Зубова на Е.Б. Вревской линии родов Зубовых и Вревских-Куракиных пересеклись. Н.В. Лукина составила генеалогическое древо баронов Вревских, представленное в статье «Князь Александр Борисович Куракин и бароны Вревские»⁹. В данной работе приведены сведения о князе Б.А. Куракине, его незаконнорожденных детях Вревских, Сердобиных и малоизвестные биографические сведения о их потомках.

В это же время, параллельно с Ниной Владимировной, изучением родословного дерева рода баронов Вревских занимался исследователь

⁸ Лукина Н.В. История рода вологодских дворян Зубовых и жизни их потомков. М., 2008.

⁹ Лукина Н.В. Князь Александр Борисович Куракин (II) и бароны Вревские // Материалы Куракинских чтений. М., 2006. С. 70–106.

А.А. Павлов¹⁰. В своих исследованиях Н.В. Лукина учитывала его труд. Первоисточником же всех исследований по родословной служит рукопись Н.П. Вревской, которая много лет хранится у потомков. Фрагменты рукописи хранятся в архиве Пушкинского музея-заповедника.

Известно, что внебрачные связи князя А.Б. Куракина с женщинами незнатного происхождения дали многочисленное потомство, получившее две известные фамилии: Сердобиных (восьмеро детей) и Вревских (семеро детей). От Акулины Дмитриевны Самойловой родились Борис, Степан и Мария. От Ирины Васильевны родились Александр, Павел, Ипполит и Аделаида (ум. в 1814). За выдающиеся заслуги князя А.Б. Куракина, чрезвычайного посла России в Вене император Австрийский Франц I грамотою, данной 9 марта 1808 года, пожаловал Бориса, Степана и Марию Вревских в баронское достоинство Австрийской империи. 21 апреля того же года последовало высочайшее соизволение Александра I на принятие ими означенного достоинства и пользования им в России. 14 мая 1822 года баронское достоинство получили Александр, Павел, Ипполит.

В Зале Дома-музея усадьбы «Тригорское» находятся портреты Павла Александровича и Ипполита Александровича Вревских. Комментариями к этим портретам могут быть выдержки из упомянутой выше работы Н.В. Лукиной, заканчивающейся словами: «...Будем надеяться, что недалек тот день, когда усадьба друзей А.С. Пушкина Евпраксии Николаевны и Бориса Александровича Вревских Голубово возродится из пепла и станет замечательным музеем-усадьбой Заповедника, как Михайловское, Тригорское и Петровское. А может быть, возродится и прекрасный архитектурный ансамбль князя Александра Борисовича Куракина Надеждино. Так хочется дожить до этих счастливых и так нужных для нашего поколения дней!»

Линия Михаила Алексеевича Зубова

Конечно же, особенный интерес для Н.В. Лукиной представляло исследование истории ее прадеда Юлия Михайловича Зубова (28.05.1839–11.05.1922), мирового судьи, владельца усадьбы Кузнецово, сына Михаила Алексеевича Зубова (1816–1886), подполковника, владельца Порозова. Этой теме уделено внимание в статье «Пушкинское

¹⁰ См.: Павлов А. К проблеме происхождения Терских — внебрачных детей барона И.А. Вревского — их фамилии // Генеалогический вестник. 2001. № 6.

*Юлий Михайлович Zubov.
Из семейного архива Н.В. Лукиной*

со стороны двора и стороны сада. Отдельные входы были в кухню, де-вичью и судебную камеру (хозяин был мировым судьей).

Дворянские дома имели, как правило, схожую планировку, обусловленную потребностями и удобством для их обитателей. Знание планировки дома в Кадникове, сравнение с планировкой других домов того времени может быть полезно при воссоздании утраченных музейных объектов конца XVIII–XIX веков, планировка которых неизвестна.

Чем была наполнена жизнь обитателей усадьбы Кузнецово? О прадеде Н.В. Лукина пишет: «Юлий Михайлович Zubov был чрезвычайно разносторонним и одаренным человеком. В молодости побывав с актерской труппой в разных странах и на островах Океании и закончив естественный факультет Санкт-Петербургского университета, он на всю жизнь полюбил путешествия и посетил многие уголки мира, собирая разнообразнейшие коллекции. Будучи на службе в качестве сначала земского начальника, члена многочисленных комиссий, затем мирового посредника, судьи и предводителя уездного дворянства, он находил вре-

наследие и усадьба XIX века (Кузнецово Zubовых)»¹¹. Имение Кузнецово находилось на левом берегу реки Пельшмы в 12 км к югу от города Кадниково под Вологдой. Оно досталось Ю.М. Zubову в наследство от крестной матери, Елизаветы Алексеевны Бартевовой, воспитывавшей его с четырехлетнего возраста. Дом был построен еще при жизни Е.А. Бартевовой. Юлий Михайлович поселился в нем после женитьбы на княжне Софье Петровне Ухтомской в 1863 году. Супруги воспитывали 11 детей. Сохранились фотографии дома, в котором было 16 просторных комнат. В статье представлены планы первого и второго этажей, назначение комнат. Два главных входа вели в дом

¹¹ Лукина Н.В. Пушкинское наследие и усадьба XIX века (Кузнецово Zubовых) // Михайловская пушкиниана. Вып. 5. М., 1999. С. 117–132.

*Нина Юльевна Зубова.
Из семейного архива Н.В. Лукиной*

мя для изобретения ветровода, увлечения воздухоплаванием, написания научных статей о Вологодской железной дороге и соединении водным путем Петербурга и Архангельска с Семипалатинском и другими сибирскими городами. Он сочинял стихи и даже драмы. Его поэма «На юг!» была издана в 1890 году в Санкт-Петербурге, а драма «Царство света» готовилась к постановке в построенном Ю.М. Зубовым в городе Кадникове личном зимнем театре...» Сын Юлия Михайловича Михаил Юльевич Зубов (1877–1943) стал пианистом и композитором, им написано много фортепьянных произведений и 50 романсов.

Замечательным музыкантом и композитором был брат Ю.М. Зубова Михаил Михайлович Зубов (1837–1901). Он учился вокалу в Италии, стал профессиональным оперным певцом, выступал на сценах La Scala, Киевской, Харьковской и Одесских опер. Им был создан в Вологде артистический кружок, в котором устраивались музыкальные вечера с его участием как виолончелиста. В Кузнецове устраивались домашние концерты — дуэты, трио, квартеты или сольные. Михаил Михайлович помимо других произведений написал музыку к операм «Цыганы», «Граф Нулин», «Бахчисарайский фонтан», «Барышня-крестьянка».

О бабушке Н.В. Лукиной Нине Юльевне Зубовой (1873–1950) известно, что она с 1891 по 1897 год училась в Санкт-Петербургской консерватории у известного скрипача Леопольда Ауэра, преподавала скрипичное искусство в музыкальном училище Костромы, в Москве работала в оркестре Солодовниковского театра, а затем в Частной опере Зимина, с 1924 года она вместе с мужем Владимиром Казимировичем Германом, виолончелистом, служила в оркестре МХАТа.

Мама Н.В. Лукиной София Владимировна (1910–2006) была концертмейстером.

Линия Владимира Алексеевича Зубова

Особый след в музыкальной культуре России оставил Николай Владимирович Зубов (22.07.1867 — не ранее 1908), двоюродный брат Ю.М. Зубова, сын Владимира Алексеевича Зубова (около 1842–?), губернского секретаря, владельца усадьбы Ульяново (Н.В. Лукина является двоюродной правнучкой Н.В. Зубова). Николаю Владимировичу Зубову посвящена статья Н.В. Лукиной «Столетие шедевра русского романса» в общественно-политической газете «Президент» от 5–15 ноября 2001 года¹².

Николай Владимирович не получил профессионального музыкального образования, поскольку семья жила в большой бедности. Он не знал нотной грамоты, но обладал замечательной памятью, был удивительно талантлив. По воспоминаниям Нины Юльевны, бабушки Н.В. Лукиной, что-то услышав, мог сейчас же сыграть «на слух», спеть любую мелодию из многих опер, свои произведения исполнял на рояле наизусть, и его товарищ записывал их нотными знаками. Родился он не ранее 60-х годов XIX века, поэтому можно предположить, что в найденном в архиве формулярном списке некоего дворянина и вдовца Николая Владимировича Зубова, родившегося 22 июля 1867 года в семье губернского секретаря и служившего в 1888–1892 годах писцом и служителем 2-го разряда в канцелярии Санкт-Петербургского градоначальника, говорится о композиторе Николае Зубове. Имени композитора нет ни в одной из энциклопедий, даже музыкальных, ни в одном биографическом словаре, вышедшем как до, так и после революции. Автор музыки романса «Не уходи, побудь со мною» считался неизвестным, авторство стихов

¹² Лукина Н.В. Столетие шедевра русского романса // Президент. 5–15.11.2001.

приписывали Михаилу Пойгину (автору стихов к другому романсу Зубова «Не уходи, не покидай») и даже А. Блоку. Но автором и музыки, и текста романса был Николай Владимирович Зубов. Широко известен именно этот романс, и результатом поисков его сочинений в музыкальных библиотеках, музеях, архивах и у коллекционеров Москвы и Санкт-Петербурга стали найденные 165 партитур произведений, написанных в 1893–1906 годах, среди которых романсы и фортепьянные миниатюры. Выяснилось, что ноты с его произведениями издавались гигантскими тиражами, порою в 5–10 раз превышавшими тиражи классических музыкальных произведений. В 1899 году Николай Зубов впервые услышал Анастасию Дмитриевну Вяльцеву, исполнительницу романсов, русских и цыганских песен. Композитор сразу же посвятил ей романсы «С тобой вдвоем» и «Под чарующей лаской твоею». Его произведения вошли в оперетту Николая Георгиевича Северского «Новые цыганские романсы в лицах» и сделали Николая Владимировича знаменитым. Под влиянием чувств к Вяльцевой написано 24 романса, среди которых романсы «Не уходи, не покидай», «И не могу и всё люблю», «Я тебя бесконечно люблю», «Не разлюби меня», «Без любви жить не могу», «Вы полюбить меня должны». Последний из них «Я хотел бы тебя забыть» был создан композитором, когда певица уехала на Дальний Восток к раненному на Русско-японской войне гвардейскому офицеру Василию Бискупскому, ставшему впоследствии ее мужем¹³. С 1906 года Николай Зубов перестает создавать свои музыкальные произведения (по крайней мере, более поздние его сочинения не были обнаружены). Согласно книгам «Весь Петербург», в 1907 году он еще продолжал служить в Канцелярии Управления Российского общества Красного Креста, получив звание коллежского секретаря, переехал из дома № 17 по Гагаринской улице на Каменноостровскую в дом № 24. С 1908 года его след теряется.

В 2001 году отмечалось 100-летие написания романса «Не уходи, побудь со мною», Н.В. Лукина была участницей конкурса, посвященного этому событию. Концерт как известных, так и никогда в наши дни не звучавших романсов Николая Зубова в исполнении Светланы Белоклоковой, выпускницы факультета музыкального театра ГИТИСа, служащей в Государственном академическом хоре имени Свишников, состоялся 24 октября 2001 года в Центральном Доме ученых

¹³ Зубов Николай Владимирович // Википедия: электронная энциклопедия [Электронный ресурс: https://ru.wikihedia.org/wiki/Зубов_Николай_Владимирович].

Российской Академии наук. Аккомпанировала и исполняла фортепьянные сочинения Николая Зубова Наталья Коршунова. Н.В. Лукина стала одним из организаторов концертов из произведений Н.В. Зубова в Вологде и городе Навле Брянской области.

С 1993 года, на протяжении тридцати лет, Н.В. Лукина передает документы, вещи, фотографии, результаты своих исследований о Зубовых, их дружеских и родственных связях в музеи и библиотеки, выступает с докладами, организует концерты и тематические выставки в разных городах, сотрудничает с Пушкинским Заповедником и музеем-заповедником «Большие Вяземы», Псковским и Вологодским музеями-заповедниками, на родине предков — с Кадниковским районным историческим музеем, Сокольским и Харовским краеведческими музеями, Навлинским музеем в Брянской области; является постоянным участником Куракинских чтений в Москве.

Особые отношения связывают Нину Владимировну с Пушкинским Заповедником, где она принимала участие в научных конференциях, является автором статей в сборниках «Михайловская пушкиниана». Одним из результатов сотрудничества стало появление «Голубовской» комнаты в экспозиции Дома-музея Осиповых и Вульфов. В фонды музея-заповедника Ниною Владимировной передано более ста предметов (значительная их часть передана в дар) второй половины XIX — начала XX веков, среди которых письма, книги, фотографии, предметы одежды, декоративно-прикладного искусства. Один из даров — дорожный сундук XIX века — представлен в экспозиции «Черных сеней» музея-усадьбы «Тригорское».

Нина Владимировна вырастила сыновей Сергея и Алексея, у нее трое внуков — Константин, Никита, Матвей.

В одном из писем в Тригорское Нина Владимировна пишет: «Прилагаю несколько страниц о своих предках Зубовых, о которых мало что известно, а судьбы у них удивительные. Думаю, что вы с интересом узнаете, как они жили в Голубове и др., чем занимались и почему о них мы тоже должны хранить память!»

Действительно, знания о бытии дворян Зубовых — это часть знаний о целой эпохе в истории России, о жизни дворянской усадьбы, давшей миру шедевры живописи, музыки, литературы. Судьбы людей того времени, их интересы, то, чем они жили, что их волновало, близко нам. В жизненных ценностях людей с тех пор мало что поменялось.

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В ВЕЛЬЕ В XX ВЕКЕ

В «Российском медицинском списке за 1883 год», издававшемся Медицинским департаментом МВД, указано: «Рассмотрев организацию медицинской помощи населению в социальном пространстве Псковской губернии первой половины XIX века, мы должны отметить ее следующие особенности. Уровень организации медицинской помощи в Псковской губернии XIX веке был очень низким. Одной из причин низкого уровня оказания медицинской помощи населению была явная нехватка медицинских инструментов и слабая оснащенность лекарствами аптек. Во-вторых, довольно слабо развитая и организованная инфраструктура учреждений здравоохранения на всю территорию Псковской губернии. С одной стороны, это выражалось в небольшом числе больниц на всю Псковскую губернию, с другой стороны, количество мест для больных при одной лечебнице не превышало нескольких десятков, поэтому их даже до всплеска эпидемий было критически мало. В-третьих, фиксируется небольшое количество профессиональных медицинских работников на всю губернию, что напрямую сказывалось на эффективности организации медицинской помощи. Таким образом, общее состояние медицинской сферы Псковской губернии XIX века не отвечало растущим потребностям местного населения»¹.

Созданное в марте 1865 года Опочецкое уездное земство провело некоторые мероприятия по организации в Велейской волости народного здравоохранения. В конце XIX века в Опочецком уезде были Опочецкая городская земская больница, лечебное учреждение в Красногородске, открывшееся в 1894 году, Святогорский и Сине-Никольский медицинский участок. Еще до создания земства Велейская волость обслуживалась Сине-Никольским медицинским участком, площадь зоны обслуживания которого составляла 700 кв. верст с населением 29 000 человек. В 1865 году земство постановило оставить в Велье фельдшера, но из-за отсутствия надлежащих условий для жизни и работы, нехватки медикаментов и средств велейский фельдшер не мог обслуживать всё население.

¹ История медицины // Псковiana: электронная библиотека [Электронный ресурс: <http://pskoviana.ru/elektronnaya-biblioteka/kollektsii/2184-istoriya-meditsiny>].

ние волости на должном уровне. Небольшая часть Велейской волости входила в Святогорский медицинский участок, врач которого приходился на 28 тысяч жителей. В Велье находился выездной пункт, куда из села Олесово приезжал по четвергам участковый врач.

«Насчет медицинской помощи наша местность в сравнении с другими селениями нашего уезда как-то обижена, — писал в то время один из вельян. — Село Велье имеет до 400 душ населения и массу скученных кругом его деревень: оно по многолюдству первое не только в нашем, но даже и в смежных уездах, и требуется, в сущности, пребывание постоянного врача...» «Прочие медицинские участки расположены от нас далеко, самый ближайший в 25 верстах от нас. Поэтому в названный четверг с раннего утра наш Велейский приемный пункт (аптека) битком набит больными, ожидающими приезда докторины. Много народа заполняет, к сожалению, весьма непоместительный двор. В 11 часов, по приезде врача, начинается прием больных по билетам, раздаваемых сразу по приезде, через маленькое окошечко, проделанное в стене, отделяющей приемный врачебный кабинет от общей комнаты посетителей. Ввиду многолюдства и тесноты более слабым больным приходится оставаться до позднего вечера и возвращаться ночью домой за 10–15 верст. Поневоле люди обращаются к знахарям и ворожеям...»²

В 1901 году у земства возникла идея построить в Велейской волости медицинский пункт. Но долгое время не могли решить, где его построить. Одни предлагали построить медицинский пункт в деревне Мельница, другие — построить ближе к шоссе, у Новгородки.

Споры о месте постройки пункта продолжались на протяжении двух лет. В 1903 году было решено построить его в деревне Мельница, в окрестностях которой проживало больше населения, чем вокруг Велья. Однако строительство медпункта так и не начиналось.

Один из посетителей села дал подробную оценку, почему именно Велье подходило для постройки больницы.

«Село Велье — это третий пункт, беззащитный на земском собрании, т. к. гласных из этой местности нет, а большая часть гласных, может быть, знает Велье только по планам и чертежам.

Село Велье скорее можно назвать городком, каких вы очень много встретите в прочих губерниях. Оно имеет до 600 человек населения, две церкви с тремя приходами, волостное правление, министерское пяти-

² Филимонов А.В. Велье и его округа. Псков, 2012. С. 114.

классное училище, церковную школу, казенную винную лавку, много магазинов и лавок и каждодневную почту из станции Новгородки. Отстоит оно от Опочки в 30 верстах, от Красного, где есть больница, и от границы Островского уезда в 25 верстах, из чего и видно, что центральное его положение самое неоспоримое для медицинского участка.

Но главное удобство для больницы — сухая местность, окруженная хвойными лесами... Воздух всегда чистый, свежий, весной ароматичный. В село Велье ведет одна из лучших грунтовых дорог из разных пунктов. Население же дарит земству любую местность безвозмездно для больницы, даже вековую рощу — это сад высаженных берез во времена Куракина, а в середине площадь, где возможно воздвигнуть больницу со всеми требуемыми к ней постройками. Одним словом, мне кажется, ничего лучшего желать не надо, да еще местная благотворительница О.И. Крестовская предлагает земству в пособие безвозвратно 5 000 рублей на постройку больницы в Велье. За эту сумму можно воздвигнуть целый каменный корпус для больницы. Чего еще медлить над решением этого вопроса и так долго держать его открытым, когда все удобства и преимущества сами говорят за Велье?!»

Несмотря на все доводы, аргументы и надежды, больница в Велье не была построена, а перед Первой мировой войной она была оборудована в Новгородке³.

Осенью 1918 года в Опочецком уезде вспыхнула сильная эпидемия вирусного гриппа, ежедневно уносившая по несколько человек. Это ускорило повсеместную организацию лечебных учреждений. 25 октября коллектив волостной ячейки Российской коммунистической партии (большевиков) занялся поиском «помещения для околodka ввиду массовых заболеваний в Велейской волости» и решил приспособить для этого дом Крестовских. До окончательного его приспособления решено было немедленно занять под врачебный пункт дом купца Граустина. Следующим шагом стало создание в Велье медицинского пункта, в организации которого активное участие приняло само население: каждый житель волости внес на это по одному рублю.

На основании решений Псковского губернского исполнительного комитета от 20 марта 1926 года и Опочецкого уездного исполнительного комитета от 14 апреля 1926 года Велейский волостной исполнительный комитет принял постановление «О выселении из муниципализирован-

³ Филимонов А.В. Велье и его округа. С. 120.

ных строений, принадлежавших ранее гражданкам Машневой и Крестовской»: «Домовладения Машневой и Крестовской признать муниципализованными и, принимая во внимание, что все эти постройки крайне необходимы для нужд волостного хозяйства, поэтому предложить... в двухнедельный срок выселить их из упомянутых строений, а именно: Машневу — в лавку, Крестовскую — в отдельный дом, находящийся под горой Спаса. Муниципализованный дом в с. Велье, принадлежавший купчихе Машневой, закрепить за отделом здравоохранения для врачебной амбулатории»⁴.

В 1926 году в доме Машневых и надворных постройках разместилась больница, которую перевели из Новгородки. В здании был произведен ремонт: покрашены потолки и полы, оштукатурены стены, установлены филенчатые двери, три голландские печи, проведены другие работы — всего было затрачено около 1 400 рублей. Больница была открыта 19 декабря 1926 года. В Новгородке был оставлен фельдшерский пункт. В Велейской больнице было только 10 коек. Были в больнице материальные проблемы, не всё обстояло благополучно с обеспечением для работы всем необходимым, в том числе была серьезная проблема с обеспечением больницы дровами, но больница работала, с каждым годом расширяла медицинское обслуживание населения. По установленному штату в 1930 году в Велейской больнице числились врач, два фельдшера, акушерка и семь человек обслуживающего персонала. Несмотря на желание в конце 1920-х годов увеличить число коек в больнице, оно и в начале 1930-х осталось прежним — 10. В течение 1930 года стационарное лечение здесь прошли 204 человека, амбулаторную помощь получили 7 659 человек⁵.

5 августа 1932 года было проведено обследование помещений больницы районным отделом ОГПУ, который докладывал в райисполком: «За отсутствием ремонта помещение больницы приходит в полную негодность, и существует угроза к закрытию больницы в ближайшее время, т. к. крыша ветхая, в результате размывается штукатурка потолка и стен, угрожает больным и медперсоналу». В результате проверки был сделан вывод: «Закрытие больницы в Велье, как имеющей врачебный участок, является недопустимым, и вызывает недовольство со стороны местного и окружающего населения».

⁴ Филимонов А.В. Велье и его округа. С. 175.

⁵ Там же. С. 179.

*Работники Велейской больницы, 1938 год: врач Николай Иванович Воротников, акушерка Мария Николаевна Кузнецова, санитарка Александра Петровна Конохова, прачка Анна Семеновна Кондратенко.
Из фонда Велейского краеведческого музея*

В 1934 году главным врачом был назначен Николай Иванович Воротников, оказавшийся не только хорошим специалистом, но и умелым администратором. После капитального ремонта в начале 1937 года Велейская больница значительно расширилась: в ней стало два общих отделения, а в трех комнатах разместилось родильное отделение⁶.

В годы Великой Отечественной войны гитлеровцами применялась практика использования оснащенных медицинских учреждений под свои нужды: для оборудования госпиталей и лазаретов. В Велейской больнице разместился немецкий госпиталь. Врач был немец, жил при больнице. Он не отказывал в медицинской помощи жителям Велья и окрестных деревень.

Отступая, фашисты разграбили госпиталь, вывезли всю мебель и медицинское оборудование. Остались только стены. Начиная работать в то время медсестрой А.И. Миничева вспоминала: «Хотя больницей

⁶ Филимонов А.В. Велье и его округа. С. 242.

*Коллектив Велейской участковой больницы. 1959 год.
Из фонда Велейского краеведческого музея*

то здание можно было назвать с большой натяжкой. Не было мебели, инструментария, медикаментов. На помощь пришло местное население. Кто кровать принес, кто стул, кто посуду. Лекарствами помог облздрав. Постепенно больница стала отвечать своему великому предназначению. И сразу повалили больные. Больше было не гражданских, а военных. Было даже время, когда не хватало кроватей и топчанов. Приходилось размещать больных прямо на полу. В больницу поступали и мирные жители, пострадавшие от взрывов мин и снарядов. Многих, к сожалению, не удалось спасти⁷.

Первой послевоенной заведующей больницей была Евгения Самуиловна Хейфец. В начале 1947 года заведующим больницей вновь стал Н.И. Воротников. Деятельность больницы, в особенности ее заведующего, получила особую оценку на Псковском областном съезде сельских врачей в июле 1947 года. «Среди сельских врачей, — отмечалось в докладе, — имеются замечательные патриоты своего дела. Например, заведующий Велейским сельским врачебным участком товарищ Ворот-

⁷ См.: Пушкинский край. 01.11.1994 (№ 88).

ников сумел создать такие условия на участке, в результате которых заболеваемость там значительно снизилась»⁸.

С благодарностью вспоминают старожилы села Велье Таисию Ивановну Газетову, проработавшую заведующей больницей 10 лет. Благодаря ее настойчивости и стараниям были построены дома для медперсонала, прачечная, больничная кухня. В мансарде была оборудована медицинская лаборатория, в которой Антонина Васильевна Семенова работала лаборантом, Евгений Эдуардович Миллер — зубным врачом. Т.И. Газетова была образцом в исполнении своих обязанностей, требовала этого и от других. В Велейской больнице был полный порядок. Из протоколов исполнительного комитета Велейского сельского Совета депутатов трудящихся Новоржевского района за 1963 год:

«Заслушав и обсудив доклад заведующей Велейской больницей Газетовой Т.И. о профилактической работе, исполком Велейского сельсовета отмечает, что медицинскими работниками Велейской больницы и врачебного участка проводится большая работа по оздоровлению населения.

В результате проведенной работы мы имеем резкое снижение инфекционных заболеваний как по Велейскому сельскому совету, так и по участку в целом.

Отсутствуют желудочно-кишечные заболевания. Отсутствует на участке детская смертность.

Плановые прививки детям проводятся соответственно возраста.

Улучшилась работа Красного Креста»⁹.

Т.И. Газетова была председателем женского совета при сельском совете. Под ее руководством проводилась культурно-просветительная работа, совет следил за санитарным состоянием жилищ, молочно-товарных ферм, активно боролся за коммунистический быт в семье.

Постепенно жизнь в стране налаживалась. Была проведена реформа управления здравоохранением в сельской местности. Районные отделы здравоохранения были упразднены, и все административные и хозяйственные функции по отношению к учреждениям здравоохранения района были переданы районной больнице, главный врач которой становился главным врачом района. Центральные районные больницы стали организационно-методическими центрами квалифицированной медицинской помощи.

⁸ Филимонов А.В. Велье и его округа. С. 281.

⁹ Муниципальный архив администрации Пушкиногорского района. Ф. 30. Оп. 1. Л. 19.

В 1960-е годы, наряду с дальнейшим развитием сети медицинских учреждений, всё больше внимания уделялось развитию специализированных служб, обеспечению населения скорой и неотложной медицинской помощью, стоматологической и рентгенорадиологической помощью.

В статье, посвященной 50-летию советского здравоохранения, главный врач Пушкиногорской районной больницы Н. Лобанова писала:

«Осуществляется дальнейшее укрепление материально-технической базы здравоохранения. Оснащаются новой техникой лечебные учреждения, что способствует внедрению в практику современных методов диагностики и лечения, повышению качества медицинской помощи.

На нынешнем этапе здравоохранения ведется решительное наступление на инфекционные болезни...

В медицинскую практику всё шире входят массовые профилактические осмотры населения, что позволяет выявлять самые ранние формы заболеваний, укреплять здоровье людей.

У нас в районе в настоящее время три больницы на 165 коек, три здравпункта на предприятиях, санэпидемстанция, детские ясли на 45 мест, два детских сада на 120 мест, три аптеки. В районе работает 17 врачей различных специальностей, свыше 100 фельдшеров, фармацевтов, медицинских сестер, лаборантов. Для сравнения, в 1928 году, когда Пушкиногорский район был выделен из состава Опочецкого района, на его территории были размещены две больницы на 25 коек, один фельдшерский медицинский пункт, двое детских яслей»¹⁰.

В Велейский врачебный участок входили 78 населенных пунктов с населением 2 049 человек, он обслуживался Велейской участковой больницей на 25 коек и Иским медпунктом. Велейская больница работала без центрального водоснабжения и отопления, транспорт был только гужевой.

Несмотря на трудности, жизнь тогда была кипучая, активная. На работу в Велейскую больницу приезжали молодые специалисты, медицинские работники принимали активное участие в культурной и общественной жизни. Они были активными участниками общества «Знание», читали лекции для работников колхоза «Смена», ни один концерт в Велейском сельском доме культуры не проходил без их участия. Руководитель группы общества «Знание» Г.В. Ореликов писал:

¹⁰ См.: Пушкинский край. 15.06.1968 (№ 71).

«Нести знания в массы — в этом назначение нашей группы общества «Знание». Работу мы проводим в колхозе «Смена».

В чтении лекций принимают участие учителя нашей школы, специалисты сельского хозяйства колхоза «Смена», работники Велейской участковой больницы.

Особо хочу отметить работу по пропаганде медицинских знаний заведующего Велейской больницей Валентина Васильевича Федорова, которого часто можно видеть в кругу народа за чтением лекций»¹¹.

«Валентина Кривоносова, фельдшер Велейской больницы. Приехала в Велье после окончания Невельского медицинского училища.

Трудовая биография Вали Кривоносовой еще только начинается. Но за проработанное время ее уже успели полюбить в больнице. Валя работает санитарным фельдшером, своим трудом, отношением к людям она сумела завоевать авторитет.

Валя является членом общества «Знание», она же и председатель местного комитета профсоюза больницы. Выступает с лекциями перед учениками и местным населением»¹².

Побывавшая в Велье корреспондент газеты «Пушкинский край» Л. Иванова писала:

«Любят жители Велья и окрестных деревень бывать в своем клубе. И особенно их тянет туда, когда ставится концерт художественной самодеятельности. Артисты всем знакомы. Это медицинские работники, учителя. Они не жалеют времени, чтобы люди хорошо отдохнули.

Программа концертов бывает разнообразной: небольшие пьески, песни, художественное чтение, пляски, лирические сценки. Душой коллектива, организатором художественной самодеятельности является медицинская сестра Мария Николаевна Кузнецова. Около двух десятков лет она участвует в самодеятельности, вовлекает в это интересное дело многих.

Активное участие в самодеятельности принимают Юлия Завьялова, Зинаида Аксенова, Валентина Кривоносова, Галина Миничева.

Концерты они ставят часто. Например, 26 октября отчет о деятельности Велейской больницы перед населением сопровождался большим концертом.

Часто можно видеть велейских самодеятельных артистов в отдаленных деревнях. И не удивительно, что велейские самодеятельные

¹¹ См.: Пушкинский край. 11.01.1969 (№ 5).

¹² См.: Пушкинский край. 29.01.1970 (№ 12).

*Велейская участковая больница. 1972 год.
Из фонда Велейского краеведческого музея*

артисты на районном смотре художественной самодеятельности заняли второе место. Они единственные в районе принимали участие в областном смотре самодеятельности»¹³.

Выезжали самодеятельные артисты Велейской больницы с концертами и в соседние деревни. Вот что писали жительницы деревни Купцево З. Андреева и Е. Михайлова:

«С большим интересом просмотрели труженики нашей и соседних деревень концерт, который был дан силами художественной самодеятельности Велейской участковой больницы. Еще за три дня афиша извещала о нем народ.

После трудового дня отдохнуть сюда собрались многие. Перед концертом А.И. Миничева прочитала лекцию «О вреде алкоголя». Дружными аплодисментами все приветствовали исполнителей пьесы, песен, плясок, интермедий и чтецов.

Благодарны мы нашим артистам и ждем их опять с новой программой»¹⁴.

В 1970-х годах на территории Велейского сельского совета находилось 78 населенных пунктов с населением 2 049 человек, она обслужи-

¹³ См.: Пушкинский край. 20.01.1970.

¹⁴ См.: Пушкинский край. 26.12.1968 (№ 155).

валась Велейской участковой больницей на 25 коек и Иским медпунктом.

Через стационар больницы на 15 ноября 1970 года прошло 367 человек с количеством койкодней 5 777. Принято амбулаторных больных 2 607 человек, обслужено вызовов на дому 450, из них 120 по оказанию первой помощи.

В 1974 году произошло укрупнение центральных районных больниц за счет сельских участковых и развитие в центральных районных больницах квалифицированной и специализированной помощи населению. Полянская участковая больница стала отделением центральной районной больницы, а Велейская — филиалом.

Сельские медики не жалели знаний и сил в своем благородном труде. Они спешили на вызов к больному в праздники и будни. В Велейскую больницу поступила машина скорой помощи. На ней выезжали на вызовы, отвозили больных в больницу в Пушкинские Горы, Псков и Великие Луки.

Главврач Пушкиногорского района Р. Григорьева в апреле 1976 года отмечала:

«Большое внимание уделяется медицинскому обслуживанию на селе. У нас все медицинские пункты укомплектованы кадрами, недавно прибыло на работу семь выпускников медицинских училищ.

Медицинские работники постоянно повышают свою профессиональную квалификацию. Вновь прибывшие на работу фельдшеры проходят специализацию на базе районной и областной больниц.

За последние четыре года улучшилась материальная база медицинских пунктов»¹⁵.

В конце 1975 году амбулатория разместилась в здании за Велейским сельским домом культуры, где до этого были правление колхоза «Смена» и магазин-кооператив сельского потребительского общества. В освобожденных помещениях на мансарде жили медицинские работники: приехавшая на работу в Велье зубной врач Валентина Васильевна Иванова и фельдшер Александр Кодомов. Рядом с больницей были грядки, на которых выращивали овощи, недалеко от деревни Костры на участке, выделенном колхозом «Смена», выращивали картофель для больничной столовой. При больнице был конь, на котором обрабатывали участки, а иногда выезжали на вызовы.

¹⁵ См.: Пушкинский край. 31.12.1974 (№ 156).

В амбулатории были стоматологический и гинекологический кабинеты, лаборатория, в которой можно было сделать самые простые и важные клинические исследования. На приеме работали врач Евгения Михайловна Кондратьева и Мария Николаевна Кузнецова. По плану центральной районной больницы работники колхоза «Смена» проходили профилактический медосмотр. Большую помощь в проведении профосмотров оказывали врачи центральной районной больницы. Они регулярно выезжали в Велье.

Все работники ферм, механизаторы были взяты на диспансерный учет. Состоящие на диспансерном учете ежегодно проходили необходимые лабораторные обследования, получали консультации врачей-специалистов, а также проходили противорецидивные курсы, санаторно-курортное лечение.

Организовано проводились профилактические осмотры населения. Раз в год все дети осматривались врачом-педиатром. Под руководством М.Н. Кузнецовой была создана «Школа молодой матери», своевременно осуществлялся патронаж. Дважды в год организовано проводились профилактические осмотры доярок, механизаторов и лиц, работавших с ядохимикатами.

Медицинскими работниками проводилась санитарно-просветительная работа, выпускались санбюллетени, постоянно обновлялся «Уголок здоровья», оформлялись выставки плакатов, книг и журналов, пропагандировавших здоровый образ жизни.

Проводился амбулаторный прием, а также обслуживание людей по вызовам на дому. Все больные, согласно плану и с учетом возраста, обслуживались своевременно. Всем взрослым и детям делались профилактические прививки.

Главный врач района Н. Савченко в отчете за 1979 год писал: «Медицинскую помощь населению оказывала Велейская участковая больница на 25 коек. Врачи районной больницы выезжали в Велье... были осмотрены и проконсультированы более 100 человек. По плану центральной районной больницы работники колхоза «Смена» проходили профилактический медосмотр. Все работники ферм, механизаторы были взяты на диспансерный учет»¹⁶.

В начале 80-х годов был проведен капитальный ремонт Велейской участковой больницы, приобретены новое оборудование, инвентарь, мебель.

¹⁶ См.: Пушкинский край. 17.04.1979 (№ 46).

Большое значение в обеспечении сельского населения лекарствами приобрели аптечные пункты. В Велье работала аптека, труженики села и окрестных деревень не расходовали рабочее и свое свободное время на поездку в районный центр для приобретения лекарства, предметов ухода за больными, перевязочных и других средств.

Аптека находилась в старом купеческом доме, построенном в 1910 году. Половину дома занимала аптека, во второй — жил аптекарь.

Если сельский житель не смог получить в Велейской аптеке нужное ему лекарство, его просьба заносилась в специальный журнал, принимались меры, чтобы заказ был не просто выполнен, но и выполнен в возможно короткий срок.

Сотрудники аптеки использовали благоприятное время для сбора лекарственных трав. Они заготавливали листья мать-и-мачехи, подорожника, травы зверобоя, пустырника, череды, цветы ромашки и другие. В Велейской аптеке работали Нина Петровна Захарова, Таисия Ивановна Костенкова. С 1983 года и до закрытия в аптеке работала Светлана Александровна Михайлова.

В 1987 году на средства колхоза «Смена» в Велье была построена новая амбулатория, в которой были созданы все удобства для работы медицинского персонала и посетителей. Теперь, не выезжая в районную поликлинику, по назначению врача можно было сделать электрофорез, УВЧ, кварц-физиотерапию. В новом здании разместилась и аптека.

В Велейской больнице работал дружный коллектив настоящих профессионалов. Врачи и фельдшера принимали днем пациентов в амбулатории, а затем с медсестрами и нянечками заступали на дежурство в больнице.

*Управляющая Велейской аптекой
Нина Петровна Захарова (1959–1966).
Из фонда Велейского
краеведческого музея*

*Нина Петровна Захарова за работой.
Из фонда Велейского краеведческого музея*

Н. Лапин из деревни Костино вспоминал:

«Хоть и немного людей трудятся в коллективе Велейской участковой больницы, но работают они на совесть, любят свое дело. В этом я убедился, побывав на лечении несколько раз.

В начале ноября я заболел и в тяжелом состоянии на машине «скорой помощи» был отправлен в Велейскую больницу. Началась борьба за мою жизнь. Врач Н.Н. Жигунов не отходил от меня, пока опасность не миновала. Болезнь отступила.

На обходе Николай Николаевич уделяет каждому больному много внимания: спросит о самочувствии, о настроении, пошутит, приветливо улыбаясь. Поверьте, после его посещения на душе становится легче, он умеет своим убеждением, настроением вселить веру в скорое выздоровление. Н.Н. Жигунов не считаетея со своим личным временем, готов днем и ночью прийти на помощь больному.

Главные помощники врача — медицинские сестры. И от того, как они относятся к выполнению своих обязанностей, многое зависит. Про-

фессия медсестры — особая, и быть медсестрой может далеко не каждый. Для этого надо иметь доброе сердце, умелые руки, уметь найти подход к людям. Медицинские сестры А.И. Миничева, Л.Е. Максимова, А.В. Семенова, Г.К. Тараканова обладают этими качествами. Поэтому они пользуются авторитетом среди больных.

Нельзя не отметить работу Е.С. Кустовой и З.М. Капитоновой. Забота о чистоте и порядке в больнице лежит на их плечах. Нянечки откликаются на любой зов больного: позовут врача или медсестру, покормят тяжелобольного, уложат поудобнее.

У меня остались самые хорошие впечатления о медицинском персонале Велейской больницы, да и не только у меня, но и у всех, кто лежал здесь. За всё время пребывания здесь я не услышал ни одного грубого слова от работников этого дружного коллектива. Самым главным лекарством для меня стали внимание и забота, которыми я был окружен с первого дня»¹⁷.

Медицинский персонал Велейской больницы был немногочисленным. Для больных были созданы хорошие условия, каждый пациент был окружен заботой и вниманием медперсонала, а это тоже не менее важно, чем иные лекарства. Менялся медицинский персонал. Оставалась проблема с обеспечением жильем молодых специалистов: кто-то жил при больнице, а кто-то и на съемной квартире. Было оборудовано помещение для проживания и при амбулатории.

В 1993 году здание амбулатории, построенное в 1987 году, по решению правления колхоза «Смена» было переведено на баланс Велейской сельской администрации¹⁸.

В 1994 году правление товарищества ТОО «Смена» постановило: «Здание амбулатории, находящееся на балансе ТОО, передать на баланс Пушкиногорской ЦРБ»¹⁹.

В 1995 году Велейская участковая больница была переведена в ведение центра социального обслуживания населения на 25 коек-мест. Римма Анатольевна Сарвилова была переведена участковым терапевтом в Пушкиногорскую больницу, заведующей Велейской больницей была назначена Г.К. Тараканова. Начинала Галина Константиновна

¹⁷ См.: Пушкинский край. 09.12.1980 (№ 148).

¹⁸ Муниципальный архив администрации Пушкиногорского района. Протокол № 11 от 29.12.1993г.

¹⁹ Муниципальный архив администрации Пушкиногорского района. Протокол № 10 от 27.12.1994г.

трудовую деятельность в 1969 году акушеркой в Велейской больнице после окончания Псковского медицинского училища. Руководить больницей Галине Константиновне пришлось в годы, когда финансирование здравоохранения не обеспечивало даже минимальных нужд. Задерживали выплату заработной платы работникам здравоохранения, отсутствовали средства на обеспечение нормальных условий для оказания медицинской помощи и проведения санитарно-профилактических мероприятий. Несмотря на трудности, в больнице был сделан косметический ремонт, приведены в надлежащий порядок кухня, прачечная, подвальное помещение для хранения овощей и фруктов. За счет частичной оплаты от больных, которые длительное время находились в больнице, удалось улучшить питание, приобрели необходимые лекарства, белье и постельные принадлежности.

В больницу направлялись исключительно престарелые, инвалиды и самые остро нуждающиеся. Больница была перегружена. Побывавшая в больнице в октябре 1996 года, накануне Дня пожилых людей, корреспондент районной газеты «Пушкинский край» Л. Литвинова писала:

«Больные только что пообедали. Теперь ждали объявленного концерта: ребята из Велейской школы собирались его показать.

А в это время заведующая Галина Константиновна, пока было время, показала мне чистенькую кухню с двумя плитами, дровяной и электрической. Здесь работают два повара: Л. Петрова и В. Киселева. На обед в этот день полагались пирожки, солянка, котлета с картофельным пюре и кофе. Повара рассказали, что меню стараются разнообразить, а в свежих, качественных продуктах недостатка нет. Мясо, молоко, овощи больница закупает у местного населения, творог и сметану привозят из Селихнова. Мясное старикам дают каждый день, различные овощные салаты — тоже. Не знаю, насколько верно, но слышала, что кормят в Велейской сельской больнице гораздо лучше, чем в районной. В принципе, ничего удивительного: с больных частично взимается плата.

Еда и сварена, и в палаты принесена. Только ешь. Не можешь толком себя обслужить — помогут.

В штате четыре санитарки, четыре медсестры. Работают круглосуточно. Что и говорить, за этими старыми больными людьми уход нужен. Иной почти не встает и сплести надо, чтоб мокрый не был, иногда хоть и бродит по палате, но усадить может и ушибиться.

Показала Галина Константиновна и ванную комнату. Благодаря ее оборудованию в больнице регулярными стали банные дни. Воду греют

на деревянной плите в больших чугунных горшках. Так что сказать, что старики ходят грязные, теперь уже нельзя.

В больнице и лекарства есть, и анализы можно сделать. Не просто люди доживают свои дни, но и подлечиваются.

— Конечно, случается, что и умирать к нам привозят, — признается Галина Константиновна. — Бывает, что в последний путь человек не из дома своего, а из нашей социальной больницы отправляется»²⁰.

Медицинский персонал создавал благоприятные условия для стариков в больнице, работала и амбулатория. Проблемы пытались решить собственными силами: делали кое-какой ремонт, сократили поваров, уменьшили часы работы санитарок, и дополнительная ответственность легла на медсестер.

В отсутствие фельдшера в амбулатории прием больных по средам проводили врач-терапевт и стоматолог из центральной районной больницы. Выезжали в Велье Юрий Германович Петухов, Людмила Ивановна Комарова, Марина Викторовна Карпова, Оксана Яковлевна Нейфельд.

72 года в купеческой усадьбе Машневых находилась больница. Но не только человек старится с годами: и некогда добротные постройки постепенно приходят в негодность.

Наступил такой момент, когда дальнейшее пребывание там престарелых жителей района стало проблематично из-за аварийного состояния здания.

В Велейской больнице было довольно тесно, койки стояли друг к другу вплотную. Рядом вынуждены были находиться разные люди: и те, кто сравнительно бодр, и те, кто уже не вставал с постели и целиком зависел от заботливости медицинских сестер и нянечек.

Срочно потребовалось искать выход из создавшегося положения. После проработки различных вариантов и предложений выбор пал на здание детского сада в Подкрестье, которое пустовало.

8 июля 1998 года состоялось официальное открытие новой социальной больницы в Подкрестье. Больница была рассчитана на 50 мест, обслуживали ее 19 работников. Медсестры постоянно по сменам находились при больных, врачи приезжали по установленному графику.

С переездом больницы в Велье изменился привычный строй жизни. Село потеряло нечто немаловажное в жизни. Больница давала рабочие места людям. Для некоторых престарелых людей она была вторым домом. Само здание — памятник XIX века оказалось заброшенным.

²⁰ См.: Пушкинский край. 22.10.1996 (№ 85).

*Галина Константиновна Тараканова — фельдшер.
Из фонда Велейского краеведческого музея*

Велейская амбулатория стала фельдшерско-акушерским пунктом. Галина Константиновна Тараканова работала в нем фельдшером до 2012 года.

Быть фельдшером — дело не из легких. И вызов может последовать в любое время, и диагностику важно правильно сделать, чтобы самой принять решение. Трудна и хозяйственная деятельность: фельдшер ведь не только лечит, но и выполняет функции хозяйственника. Один в нескольких лицах. Галина Константиновна успешно справлялась со своими обязанностями. В 2012 году на работу в Велейский ФАП поступила Елена Владимировна Федорова, проработавшая до января 2021 года.

В настоящее время ФАП работает в новом здании. Проводятся профосмотры и диспансеризация населения, делают прививки. Фельдшер — Екатерина Александровна Волкова.

«ГОСТЬ НЕ МНОГО ГОСТИТ, ДА МНОГО ВИДИТ»

Из фразеологического путеводителя
по «Пушкинской деревне»

Зачин

Главным закоперщиком нашего путеводителя стал музей — музей «Пушкинская деревня». Здесь мы рассказываем о быте псковских крестьян, показываем старинные предметы крестьянского быта и обихода, объясняем назначение экспонатов. Во время экскурсий вспоминаем ту или иную пословицу, поговорку, загадку. А как же без них! Музей-то пушкинский! Поэтому здесь всегда присутствует Слово народа — и Слова поэта. Меткие народные изречения сродни пушкинским афоризмам. Они коротки, умны и поучительны.

Александр Сергеевич, несмотря на «недостатки своего проклятого воспитания», сам себя перевоспитывал: слушал народную речь, записывал песни и сказки, запоминал поговорки и пословицы. Употреблял их в собственной речи, а также в речи литературных героев.

О том, что *без пословицы не проживешь*, хорошо знал не только Пушкин, но и его собрат по перу В.И. Даль, опубликовавший в 1862 книгу «Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, загадок, поверий и проч.», а в 1863–1866 годах «Толковый словарь живого великорусского языка». В обоих изданиях встречаются также изречения, которые собиратель записал со слов поэта. В «Путеводителе» фразеологические обороты выделены курсивом.

Перед тем как отправиться в путь, вспомним еще об одном «певце» народной фразеологии, поэте Е.А. Баратынском, написавшем такие «путеводные строки»:

Старательно мы наблюдаем свет,
Старательно людей мы наблюдаем
И чудеса постигнуть уповаем.
Какой же плод науки долгих лет?
Что наконец подсмотрят очи зорки?

Что наконец поймет надменный ум
На высоте всех опытов и дум,
Что? — точный смысл народной поговорки.

У калитки

Название деревни Бугрово произошло вовсе не от обилия в Пушкиногорье гор, горок и бугорков, а от имени мужика, которого звали Букрей. В конце семнадцатого века у речки Луговки он построил здесь первый дом. Название реки произошло от слова «луг». Но пришел Букрей, принес плуг, и стал луг пашней. Точная дата постройки букреевой избы неизвестна, но старики говорили, что случилось это *давно, когда царь Горох с грибами воевал*. Старушки поддакивали — *давно, когда еще баба девкой была*. В общем, тогда, когда *прадеды ели просто, да жили лет по сту*.

Деревня находилась на дороге, ведущей из Михайловского в Святые Горы. Пешком от барской усадьбы до крестьянских околиц четверть часа, а если на гужевом транспорте, то и того скорее! Впрочем, *кто едет скоро, тому в дороге не споро*. Кочки, рытвины да ямы плохие попутчики хрупких повозок. В ту пору, когда поэта сослали в имение матери, в Бугрове было уже три двора. На речке стояла водяная мельница, при ней — мельничный пруд. В пруду жили караси, в деревне — Карпы: Карп Феофилактов сорока двух лет от роду, да два Карпа Ивановых — сорока одного и восьми годов. В соседней деревне *иванов* было *как грибов поганых*. В нашей — столько же Карпов. А еще: два Ивана, Петр, Матфей и ребенок Тимофей. Женское население составляли две Анны, две Агафьи, Дарья, Екатерина, Ирина, Гликерья, Акулина. Имя последней носила героиня повести Пушкина «Барышня-крестьянка»: «...Лиза хотела удалиться, Алексей удержал ее за руку. «Как тебя зовут, душа моя?» — «Акулиной, — отвечала Лиза, стараясь освободить свои пальцы от руки Алексеевой, — да пусти ж, барин; мне и домой пора». Есть такая пословица: *наварила, напекла Акулина про Петра*. Правда, к Бугрову эта семейная история, кажется, не относится, так как нашему Петру в 1825 было 24 года, а Акулине всего семь. В семь лет крестьянской девочке вряд ли доверили бы приготовление пирогов, но за прялку точно бы усадили. В словаре В.И. Даля есть еще одна пословица про «повзрослевшую» Акулину — *Акулина Федосевна до чужих ребят милосердна*. Речь идет о человеке, предпочитающем заботиться не о своих детях, а о

чужих, сиротах, которых на Псковщине называли «взятышами». В том же словаре находится схожее по смыслу изречение, но относящееся не к сиротам, а к внебрачным детям — *не твоя печаль чужих детей качать*. Эту поговорку вспоминает сначала поэт, а затем его знаменитый прадед Абрам Петрович Ганнибал в незаконченном романе «Арап Петра Великого»: «Благодарю за дружеский совет, — перервал холодно Ибрагим, — но знаешь пословицу: не твоя печаль чужих детей качать».

В 1825 году согласно монастырской описи жили в Бугрове всего-то навсего 19 человек. Здешние крестьяне были казенными и отличались от крепостных — *вольному (казенному) просторнее, барскому спокойнее (жить); казенный крестьянин живет, как бог велит, а барский, как барин рассудит*. Окна изб выходили на дорогу, по которой из соседнего Михайловского в слободу Тоболенец следовал на ярмарку чудной барин в русской косоворотке и «заморской» соломенной шляпе. А куда ж ему деться — *мимо нашего двора дорога столбова*. Об этих самых деревенских домочадцах в стихотворении «Счастливчик Пушкин» писал Б.Ш. Окуджава:

Александру Сергеичу хорошо!
Ему прекрасно!
Гудит мельничное колесо,
боль угасла,
баба щурится из избы,
в небе — жаворонки,
только десять минут езды
До ближайшей ярмарки...

В наше время всё народонаселение нашей деревни можно было бы разместить в одном подъезде «хрущевки»! Но *в тесноте*, как говорится, *только тараканам вольготно*. Для сравнения, в нижегородском имении Пушкиных Болдино в те же годы насчитывалось более сотни дворов. Поэтому Бугрово было деревней так называемого «хуторского» типа. Так же предпочитали селиться на Псковщине жители других деревень. На эту особенность в середине XIX века обратил внимание корреспондент Российского географического общества И.А. Брандт: «...Изда, состоящая из двух комнат, разделенных сенями и укрепленная на дубовых столбах; никогда здешний крестьянин не ставит своей избы на землю или на каменный фундамент, — составляют всю постройку

крестьянина. Все эти строения крыты соломою и полуразвалившиеся. Две-три избы, редко число их доходит до шести, составляют деревню; в очень больших деревнях крестьянин не любит жить. Почти всегда деревни стоят у озера или реки, или на возвышенном месте, дурные дороги соединяют их, иногда же деревни бывают разбросаны по полям на ровном месте и очень близко одна от другой, как это часто встречается видеть на северо-западе уезда». «Разбросанные» деревни в описании 1853 года рифмуются с «рассеянными» деревнями в элегии «...Вновь я посетил», написанной Пушкиным в Михайловском осенью 1835 года:

...По брегам отлогим
Рассеяны деревни...

Названия этих деревушек, живописно инкрустировавших находившуюся за Соротью возвышенность, известны нам по архивным документам: Дедовцы, Бальшова, Еремино. Вокруг этих «рассеянных» селений расстилались поля, на которых сеяли рожь, овес и гречиху. Вот такая «рассеянная», во всех смыслах, жизнь!

О подобных деревнях говорили: *при семи дворах восемь улиц*. Если дворов было меньше, чем пальцев на руке, да строения были убогими и неказистыми, сочувствовали: *три кола вбито да небом покрыто*. А если же эта богом забытая деревушка находилась в Псковской губернии, едко замечали: *скобари колом небо подпирают*.

В годы ссылки в Михайловское поэт частенько заглаживал к нашим крестьянам. Беседовал о том о сём. Карп, носивший отчество Феофилактов, что переводится как «Богом хранимый», вразумлял сосланного за увлечение атеизмом поэта. Крестьянин искренне изумлялся пушкинскому вольнолюбию: *он его бранит, а Бог его хранит*. Пушкин оправдывался: *царь далеко, а Бог высоко*.

Звучное имя Феофилакт Пушкин запомнил и в 1830-х годах стал подписывать свои журнальные публикации псевдонимом «Феофилакт Косичкин». Отец Карпа получил церковное имя, достойное священника или монаха. А люди подобного звания волосы не стригут и зачастую заплетают их в «хвост» или косу. Отсюда, как нам кажется, возникла литературная «фамилия» Пушкина-журналиста — «Косичкин». *По заслуге молодца жалуют, а по отчеству чествуют*. В документах отец Карпа значится как Феофилакт, в быту витиеватое греческое имя «оптимизировалось» и превращалось в Филата. Так, кстати, поступали герои пуш-

кинской «Истории села Горюхина»: «Язык горюхинский есть решительно отрасль славянского, но столь же разнится от него, как и русский. Он исполнен сокращениями и усечениями — некоторые буквы вовсе в нем уничтожены или заменены другими. Однако ж великороссиянину легко понять горюхинца, и обратно». Скорей всего, Пушкин величал соседского крестьянина «Филатыч», так как псковичи по сей день сохранили привычку обращаться к собеседнику не по имени, а по отчеству: Иваныч, Петрович, Сергеич. В примечаниях к роману «Евгений Онегин» автором упоминается не только некий «Агафон», но и «усеченный» тезка нашего Феофилакта: «Сладкозвучнейшие греческие имена, каковы, например: Агафон, Филат, Федора, Фекла и проч., употребляются у нас только между простолудинами».

Проезжая мимо деревни на вороном аргамаке, любвеобильный барин приветствовал идущих за водой к речке Луговке местных девиц: Анну, Гликерью и Агафью: *За здоровье глаз, что пленили нас (что глядят на нас)*. Те же, кланяясь, отвечали: *За здоровье лошадей, что возят милых гостей*. Семилетняя Акулина дерзила: *Не каждый конь ко двору приходится*. На их пословицы седок, по привычке, отвечал стихами:

Не придусь ко двору,
Тебе уши надеру, —

затем спешивался с лошади и отправлялся осматривать крестьянский двор: дом, амбар, поветь, овин, гумно и сеник, летом превращавшийся в сеновал.

Сеник

В сенике хранили сено и солому. Сено заготавливалось летом. Влажную траву косили, как правило, рано утром — *коси, коса, пока роса*. Это *божья роса божью землю кропит*.

К августу сенокос должен был завершиться. В повести «Капитанская дочка» Пушкин пишет: «...Пора бы сено убрать: а вы, дурачье, целые три дня что делали? Староста! Нарядить поголовно на сенокос; да смотри, рыжая bestия, чтоб у меня к Ильину дню всё сено было в копнах».

Сено для скота — самый сытный корм. Особенно если лето — «красное». *Такое сено, что лошади не евши сыты, или такое сено, что*

хоть пона корми. Если же лето выдавалось капризным и трава вырастала чахлой, то и жесткая солома шла на корм животным — *сена нет, так и солома съедома.*

Самое страшное для сена, соломы и, разумеется, крестьянина — это огонь, который способен в несколько минут уничтожить содержимое сеника, а также затяжные дожди, на корню губящие сочные всходы: *огонь беда, и вода беда, а без огня и воды — и пуще беды.* И то правда: загорись сеник, без воды пожар не потушишь! А где зимой воду брать? В замерзшей реке, в большой полынье. *Из огня, да в полымя...* Слово «полымя» в старину означало «пламя». Получается — из огня в огонь, из худа в худо... Как в пословице *от дождя, да в воду.* Что делать? Молиться! А если не поможет — смириться, так как *от добра добро не щрут.*

Летом в сениках обыкновенно ночевали подростки. И спать — мягко, и дух от смеси скошенной травы и полевых цветов не сравнить с изыбаной копотью! После свадьбы вольница прекращалась: муж должен был спать в избе с законной женой, а не шататься где попало. Для позабывших правила семейного этикета существовала своя «памятка» — *забыл, что женился, да и пошел спать на сеник.*

В псковских говорах постройки для хранения сена и соломы назывались «пунями». Так они обозначены, например, в «Описи села Михайловского и окрестных деревень» 1838 года. Например, в деревне Вороново у семьи Спиридона Миронова числилось имущества: «Две избы, два хлева, два амбара, ток с орьем, две пуни, три повети. Крыты соломою». Соломой были крыты не только пуни, но и другие крестьянские постройки, да и не только крестьянские. В 1825 году Пушкин создал стихотворение «Зимний вечер». В нем он описал свою уединенную жизнь в Михайловском в обществе «единственной подруги», Арины Родионовны. Среди прочего поэт упомянул весьма прозаическую деталь деревенского времяпрепровождения: «То по кровле обветшалой вдруг соломой зашумит...» Поскольку няня жила в доме поэта, то речь идет о соломенной кровле барского дома. О том, что старый дом деда Пушкина Осипа Абрамовича Ганнибала был крыт соломой, сообщает Ю.Н. Тынянов в романе «Пушкин». Эта деталь упоминается в связи с приездом матери поэта Н.О. Пушкиной в Михайловское: «...она с боязнью вступила в дом чуждого ей отца. Крытый соломой, серый, он пугал ее. На людей она смотрела строго и угрюмо. Гарем старого арапа от нее попрыгался. Дом казался ей похожим на сарай: не только не видно было нигде и следов роскоши, но самые комнаты были пусты». Тынянов, в от-

личие от многих других авторов книг о Пушкине, длительное время жил в Пскове. Он хорошо знал историко-документальный фон пушкинской эпохи, а также особенности псковской архитектуры. К таким особенностям можно отнести традицию покрывать дома небогатых помещиков соломой. Эта традиция сохранилась до начала двадцатого века. И не только в Псковской губернии. Например, о соломенной кровле «дедовского» дома вспоминает И.А. Бунин в рассказе «Суходол»: «...Огромный сад, огромная усадьба, дом с дубовыми бревенчатыми стенами под тяжелой и черной от времени соломенной крышей — и обед в зале этого дома: все сидят за столом, все едят, бросая кости на пол охотничьим собакам».

Солома на кровле дома в Михайловском «шумела» до ремонта, осуществленного Сергеем Львовичем Пушкиным в июле — сентябре 1829 года. 5 июля 1929 года в письме к дочери он сообщал: «Надеюсь, что в нашем доме можно будет жить. Он останется почти совсем как был, не считая кое-каких лишних украшений, которые придадут ему более приятную внешность. У него была изрядно потрепанная физиономия. Теперь он будет, как Дача на Черной речке». Тогда-то, по-видимому, кровельная солома «отшумела» окончательно. Ее сменил тес, который изображен на рисунке псковского землемера Иванова в 1837 году. *Всякая избушка своей кровлей (крышей) крыта.* Добавим от себя: «Каждому времени — своя кровля».

Из соломы не только выкладывали кровлю домов, но и плели легкие летние шляпы. Об одной такой широкополой шляпе, привезенной Пушкиным из Одессы, упоминал А.Н. Вульф. В ней 29 мая поэт явился на местную ярмарку. Потом «водрузил» собственный убор на голову своему литературному герою Онегину. Благо, тот не возмущался! Размеры этой шляпы были впечатляющими: «...И шляпу, с кровлею, как дом подвижный!» В этой же «заморской» шляпе поэт являлся в Тригорское. Барышень любил — щеголем ходил: *дома — щи без круп; в людях — шапка в рубль.* Шляпу носил со своим ганнибальским вывертом — *в брюхе солома, а шапка с заломом* и умел пронести шляпу на ухе (*пройтись щеголем*).

Овин

На «задах» деревни, подальше от дома, ставили обыкновенно наиболее пожароопасную постройку — овин. В Псковской губернии овин

назвался по-своему: «рей» или «рига». Заметим, что к столице Латвии местные риги не имеют никакого отношения! Здесь сушили привезенные с полей снопы. Обнаружить овин среди других крестьянских построек было легко, по запаху. Современники поэта сравнивали этот запах с запахом копченого окорока — *каков ком, такова от него и вонь!*

Летом 1819 года поэт приехал в свое родовое сельцо и написал стихотворение «Деревня». В нем-то и упоминаются «овины дымные, и мельницы крилаты». Первые могли привлечь к себе внимание характерным запахом и поднимающимися к небу густыми клубами дыма, исходившими из больших глинобитных печей. Труб у подобных «калориферов» не было, поэтому дым валил из всех щелей. Печи затапливали в том случае, если лето было сырым и колосья нельзя было высушить на специальных еловых конструкциях, которые назывались «вешала» или «остревья». Принцип устройства «остревьев» такой же, как у тех незатейливых приспособлений, с помощью которых женщины сушили на ветру выстиранное белье:

...Индейки с криком выступали
Вослед за мокрым петухом;
Три утки полоскались в луже;
Шла баба через грязный двор
Белье повесить на забор;
Погода становилась хуже:
Казалось, снег идти хотел...

Поэма «Граф Нулин» была написана Пушкиным в сельце Михайловском, которое находилось в Опочечком уезде Псковской губернии. А действие происходит, по свидетельству самого автора, в соседнем Новоржевском уезде. Для нас, опочечких, решение дворовой «бабы» сушить белье перед наступлением ненастья кажется странным. Но баба-то новоржевская! Поэтому, как говорится, *в каждой избушке — свои поремухи*.

В овинах-сушилнях находилось отверстие, которое называлось «окно-садило». Через него загружали снопы внутрь «прожорливого» овина — *стоит поп, разинувши рот, стоит волчище, разиня ротище*. Когда все снопы были уложены, окно закрывали дверцей и «вспоминали» о Фроле и Андрюхе — *стоит Фрол и рот полн, стоит Андрюха, набитое брюхо*. Перед загрузкой в овин снопы развязывали и раскла-

дывали колосья на помосте, обрешетке и печи. По поводу «развязных» снопов есть загадка: *весь мир подпоясан, один староста распоясан*. Колосья на помост набрасывались по принципу *на скорую руку — комком да в кучку*. Отсюда возникло выражение *расчеши свой овин на голове*. После этого вспоминали поговорку *без огня овина (т. е. хлеба) не высушишь и затапливали печь. Где огонь, там и дым, а где дым, там огонь*. Дым возносился к небесам, а в печи бушевал огонь, норотивший вырваться из тесной «клетки». В это время овины превращались в пороховые бочки, начиненные легковоспламеняющейся соломой. Солома — чрезвычайно горючий материал, поэтому *бане не сгореть, овина не потушить*. Еще одной причиной пожаров становилась безалаберность — *немой караул закричал, безногий на пожар побежал*. Если ветер дул от овина на дом — сгорал дом, если с дома на другие постройки — в пепелище превращалась вся деревня. Тогда приходилось «*овинным погорельцам*» просить подаяние у более расторопных соседей. Что и говорить, *непрочная хоромина овин*.

Находясь в Болдине, осенью 1830 года в «Путешествии Онегина» поэт снова вспомнил об овинах и набросал в черновиках такие строчки: «За нивой дымные овины», «Солому дымную в овине», «Солому свежую в овине». «Свежей» солома, точнее колосья, была тогда, когда загружалась в овины перед топкой печи, «дымной» — после. Также не исключено, что, находясь в Болдине, поэт упоминает о «дымной соломе», используемой вместо дров, в качестве топлива для печи. 15 октября 1834 года управляющий нижегородским имением Болдино И. Пеньковский прислал барину письмо с «рационализаторским» предложением: «Риги перестроены, начинаю молотить околоченную на семена рожь, которой соломой в новых рижных печках буду топить и сушить снопы. По сие время в ригах топили дровами. По моему мнению, нашел для Вас полезным сушить хлеб лишней соломой. До сих пор она почти даром пропадала. Выгода в том, что у Вас останется лес, который бы нужно употребить на дрова...»

Кто когда-нибудь присутствовал при так называемых палах травы, хорошо понимает, что соломенные «дрова» дымят намного сильнее, чем те, которые растут в лесу. Следовательно, количество смога, витавшего над болдинскими овинами, превышало «дымность» овинов михайловских и бугровских. *Каждому свое!*

Многим знакома пословица *наврать с три короба*. В псковских деревнях «врали» куда больше. Об этом свидетельствует местная

псковская пословица *наговорить рей и баню*, что означает: «Рассказать много небылиц, вымышленных историй». Представляете, сколько всего наслушался Александр Сергеевич от словоохотливых соседей в ту пору, когда собирал в окрестностях Михайловского местный фольклор!

У овина было два входа. Через один из них, окно-садило, транспортировали снопы. Через другой, носивший название «захаб», крестьяне подносили к печи хворост, дрова или, как в Болдине, солому. Любопытно, что этот узкий коридор, *и без песен проход тесен*, назывался так же, как проход-«ловушка» для неприятеля, расположенный между двух каменных стен в Псковском кремле.

Судя по пословицам, овин был полезной, но крайне опасной постройкой — *не закладывайся: за овин, за мерина да за жену (сгорит, убьет, согрешит)*. С другой стороны, находившийся на краю двора или деревни овин зачастую становился тем укромным местом, где пылкие влюбленные могли излить душевный жар втайне от соглядатаев. Впрочем, такое пламенное чувство страшило домочадцев не меньше, чем пламя из перетопленной овинной печи — *не красней, девка, коров доючи, красней, девка, с парнем в овин ходючи!*

Гумно

В гумне высушенные и слегка подкопченные колосья околачивали и превращали в зерно, мякину и солому. Слово «гумно» встречается у Пушкина в романе «Евгений Онегин»: «На небе серенькие тучи, перед гумном соломы кучи...» «Соломы кучи» — это высушенные и обработанные стебли ржи, осыпавшиеся с крестьянских телег, следующих в сеник. В поле колосья связывали в снопы с помощью пояска «перевясла». Потом, в овине и гумне, «распоясывали». У крестьян это «переодевание» вошло в пословицу: *сноп без перевясла — солома*.

Превратившиеся в солому колосья вилами забрасывали в телегу и отправляли в сеник. Что-то падало под колеса, а *что с возу упало, то пропало*. Горы, горки и холмики оставшегося в гумне после молотбы зерна везли в амбары. Конечно, по пути не только солома, но и зерно у плохого хозяина могло осыпаться сквозь отверстия в дырявых мешках. Но что-то всё-таки оставалось. Особенно если урожай зерновых случался обильным. Тогда говорили: «*Гумно копнами, обед пирогами*». Зимой зерно доставали из сусеков и мололи на жерновах. Потом пекли из муки пироги и прочую мучную снедь! А если хозяйки добавляли в пирог

яблоки или яблочное варенье, получался «яблочный пирог». Так именовал себя А.С. Пушкин, очарованный не только тригорскими барышнями, но и тригорскими пирогами, которые пекли дворовые кухарки.

Всем известна пословица *делу время, потехе — час*. Здесь, в гумне, эта истина проявлялась особенно ярко, так как *хороводить — не цепом молотить*. Молотили дюжие и работающие работники. С ними хозяин заключал соглашение, исходя из принципа *договор дороже денег*. «Дороже денег» потому, что в старину устная договоренность ценилась больше, чем бумажка с печатями. Текст договора звучал примерно так, как он представлен в пословицах *хозяину хлеба ворошок, а молотильщикам каши горшок* и *какова работа, такова и плата*. Работники довольствовались хозяйской едой, кашей и мясом. Но если работа была выполнена в срок, а хозяин или хозяйка с едой запоздали или, как в поговорке, *у жадного кадык перетянулся*, работники могли разобидеться не на шутку. *А кто кого обидит, того бог ненавидит*. Поэтому пословица *овин гори, а молотильщиков корми* становилась для должника не просто пословицей, а заповедью чести. А как же иначе — *долг платежом красен*. Так водилось у крестьян. Но если владельцем гумна и крепостных крестьян был «дикий» помещик, то ни о каких договорах или обязательствах речи не заходило. У друга Пушкина, помещика Вульфа, по воспоминаниям современников, случалось и такое: «Петр Степанович, много лет бывший егерем у Григория Александровича Пушкина, часто бывал по охотничьим дачам у А.Н. Вульфа. П.С. рассказывал о жестокости Вульфа, приводил такой факт. Вульф вставал раньше всех своих крепостных, ходил по домам и будил их на работу. Родители должны были относить своих малых ребят, даже грудных, на барское гумно, куда они могли затем приходиться и кормить детей только раз в день, во время обеда».

Главным орудием молотильщиков был цеп. В псковских говорах деревянное сосновое древко жители называли «квявиной», привязанный к нему березовый или дубовый обрубок — «кепком». Эти местные диалектизмы в 1927 году записал псковский краевед К. Иеропольский от жителей деревни Савкино — деревни, в которой в 1831 году хотел поселиться сам А.С. Пушкин. Внешне русский цеп напоминает японское боевое оружие нунчаки. «Русские» нунчаки, в случае пренебрежительного отношения к выработанной веками технике безопасности, тоже становились грозным оружием. Потому что *тот дурак, кто сам себе враг*.

Когда молотильщики «сражались» на току, односельчане держались от них на некотором отдалении (*в избе драка — народ у ворот*). Иначе, *не ровен час*, в спешке, запарке или впопыхах можно было получить случайное ранение: *легка рана, а головы не доискаться*. Поэтому вовсе не случайно в «Слове о полку Игореве» описание сражения уподобляется молотьебе:

...А на речке, братья, на Немиге
Княжью честь в обиду не дают:
День и ночь снопы кладут на риге —
Не снопы, а головы кладут.
Не цепом — мечом своим булатным
В том краю молотит земледел,
И кладет он жизнь на поле ратном,
Веет душу из кровавых тел.

По свидетельству поэта и критика С.П. Шевырева, «Слово о полку Игореве» Пушкин «помнил от начала до конца наизусть». Александру Сергеевичу мог быть знаком еще более выразительный вариант описания битвы на древнерусском языке: «На Немизе снопы стелют головами, молотят чеши харалужными, на тоце живот кладут, веют душу от тела».

В мае 1834 года на обороте письма к Пушкину Н.В. Гоголь записал текст народной украинской песни:

Вспахана черная пашня,
Засеяна пулями,
Взборонена белым телом,
Взмочена кровью.

Работа крестьянина здесь также сравнивается с битвой. Только вместо «воина-молотильщика» появляется «воин-пахарь». Упоминаемые в песне «пули» свидетельствуют о позднем происхождении этой песни. Но суть остается всё той же: обыкновенное крестьянское гумно или пашня отзывались в поэтическом сознании Пушкина строками народных песен и сказаний. Эта «ратная» поэтика сельскохозяйственных работ дожила до советского времени. Достаточно вспомнить популярный в газетах заголовок «Битва за урожай».

Но не только в древнерусской литературе молотьба сравнивалась с битвой. Слово «гумно» происходит от слова «говядо», что означает «вол», «бык». Корень «мно» — от слова «мять». Дело в том, что в античности головки снопов не только околачивали цепами, но и мяли специальными приспособлениями. Для этого запрягали быков и отправляли в путешествие... по снопам. Снопы под тяжестью копыт осыпались. Дальше всё происходило так же, как у нас, в русских деревнях. О таком способе добычи зерен ячменя упомянул древнегреческий поэт Гомер в «Илиаде»:

Так же, как если лобастых волов запряжет земледелец
Белый ячмень молотить на току, хорошо уравненном,
И под ногами мычащих волов высыпаются зерна, —
Так же совсем ахиллесовы однокопытные кони
Трупы топтали, щиты оросились черною кровью...

Заметим, что «битвы» в гумне намного гуманнее бить на настоящем поле брани. Здесь проще стать чудо-богатырем, который *одним махом сто душ побивахом*.

В русском языке существует изящная загадка, в которой «царицарожь» горюет о своей незавидной участи: *Скрыпит скрыпица, едет царица, просится у царя ночевать: «Пусти меня, царь, ночевать, мне не год годовать, одну ночь ночевать; утре придут разбойнички, разобьют мои косточки, отнесут в пресветлый рай!»* «Скрыпица» — это телега, везущая с поля снопы, «ночь ночевать» — в овине сохнуть, «разбойнички» — помольщики, обивающие колосья-«косточки», «рай» — амбар, в который повезут зерно на радость крестьянам. Несмотря на то, что в «Слове о полку Игореве», «Илиаде» и в народной загадке процесс обмолота зерна сравнивается с битвой, здесь всё в конце концов заканчивается «хэппи эндом» и дорогой в «рай», где сытно, тепло и весело. В целом же в пословицах о гумне торжествуют простые и разумные истины: *в драке нет умолоту и худой мир лучше хорошей войны*.

После обмолота превратившиеся в солому колосья граблями отгребали в сторону и увозили в сеники. На полу оставалась большая куча, состоявшая из зерен, а также из обломков стеблей, шелухи, оболочек зерен. Зерно — это зерно. Всё остальное называлось мякиной. В псковских говорах — пелами. На данном этапе работ требовалось *отделить зерна от плевел*.

Всем известная Золушка справилась с похожей задачей при помощи сказочной феи. В реальной жизни крестьяне прибегали к помощи ветра, точнее, того зловредного сквозняка, которым мамы пугают своих детей: «Не стой на сквозняке!» Молотильщики открывали противоположные ворота в гумне, и возникал тот самый друг-помощник сквозняк. Затем лопатами подбрасывал вверх оставшуюся после обмолота массу. Зерна падали рядом, а легкие пелы разлетались по всему гумну. Далее зерно везли в амбар, а пелы заметали в прирубы, которые назывались пелевниками. Зимой пелы размачивали и кормили ими крупный рогатый скот. Зерно же любили все, рогатые и безрогие: люди, кони, свиньи, мыши, а также вездесущие воробьи. Последние устраивали на полу пиршество, достойное кисти великих фламандских художников-натуралистов. Отсюда растут корни известной поговорки *на мякине не проведешь*. В таком укороченном варианте смысл этой поговорки не совсем доступен для понимания. Полный вариант звучит так — *старого воробья на мякине не обманешь*. Понятно, что опытный воробей легко отличит вкусное зерно от «черствой» мякины. Неопытный может и оплошать. Всё как у людей — *молодость плечами покрепче, старость головой*.

Гумна с овинами всегда ставили на задворках, подальше от дома, так как овин, как, впрочем, и баня, считались самыми пожароопасными строениями. Поэтому, наряду с поговоркой *непрочная хоромина овин*, вспоминали еще об одной «огнедышащей» крестьянской постройке: *непрочная хоромина — баня да овин*.

Баня

Русская баня — настоящий кладень народных пословиц и поговорок! Чего тут только не происходило! «Старушка Ларина», героиня романа «Евгений Онегин», в полном соответствии с привычками «милой старины», «ходила в баню по субботам...» В том же романе присутствует описание девичьего гадания на суженого-ряженого, происходившего, как правило, в бане во время Святков:

Татьяна, по совету няни
Сбираясь ночью ворожить,
Тихонько приказала в бане
На два прибора стол накрыть...

Правда, сначала «гадать» начинали родители засидевшейся в девках дочери — *станешь гадать, как девку замуж отдать*. Перед тем, как предаться чародейству, влюбленная Татьяна должна была «распоясаться» и «расхристаться», т. е. снять с себя главные христианские обереги от нечистой силы, крест и пояс. После этого в мутном отражении видавшего виды зеркала увидеть своего возлюбленного Евгения Онегина. Но что-то пошло не так: то ли баня накренилась, то ли зеркало разбилось. Татьяна предпочла гадать не по-крестьянски, а по-дворянски, в своей собственной спальне.

Привилегия выбирать жениха по сердцу, по уму и внешним достоинствам была только у дворянок. Представители низкого сословия довольствовались малым — *мужчина, коли хоть немножко казистее черта, — красавец*. На крестьянской свадьбе роль жениха была незавидной. Над ним подтрунивали, подшучивали и подсмеивались. Будучи в Михайловском, Пушкин записал свадебную песню «Про жениха, как взойдет к невесте»:

Как сказали-то, Иванушко хорош да хорош!
Черт у него, не хорошество!
Сам шестом,
Голова пестом,
Уши ножницами,
Руки грабельками,
Ноги вилочками,
Глаза дырочками.
Соловьины-то глаза
По верхам глядят;
По верхам глядят,
Они каши хотят.
Вчера каша сварена,
Вчера съедена была.
Шея-то синя,
Будто в петле была!
Нос-от синь —
Это свахин сын!

Тогда же и там же, быть может, в нашем Бугрове, поэт познакомился с «банными» особенностями свадебного девичника:

«Невесту ведут в баню, в девичник, накануне свадьбы:

Затописья, баненька,
Раскалисья, каменка!
Расплачься, княгиня душа,
По своей сторонущке,
По родимой матушке,
По родимому батюшке, и проч.

В бане девушки, моя невесту, поют и пляшут, пьют и пивом поддают. Невеста между тем плачет голосом, приговаривая:

Как-то мне будет в чужие люди идти?
Что как будет назвать свекра батюшкой?
А как будет назвать свекровь матушкой?
(т. е. стыдно)
Бог тебе судья, свет мой, родимый батюшко!
Али я тебе, молодешенька, принаскучила? и проч.

Из бани пришед, девушки чешут ей голову, оденут, посадят за стол».

Незамужние подружки-веселушки успокаивали невесту: *день плакать, а век радоваться*. Если та была из бедной семьи, ее напутствовали словами *приданого гребень, да веник, да алтын денег*. Эта пословица есть в «Сборнике» В.И. Даля, а также в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Небогатые родители героини печалются: «Одна беда: Маша девка на выданье, а какое у ней приданое? *частый гребень, да веник, да алтын денег (прости Бог!), с чем в баню сходить*».

«...Из бани пришед», невесте в избе расчесывали волосы. Для этого использовали деревянные гребни или, как сейчас говорят, расчески. Однако в пословице «гребень» почему-то, наоборот, связан не с уходом из бани, а с «походом» в нее. Возможно, речь здесь идет о разных гребнях. Один — для расчесывания волос. Другой гребень — это «орудие для расчесывания льняной кудели при подготовке ее к прядению». В известной пушкинской сказке «три девицы под окном» прядут в доме. О том, что действие происходит в жилой постройке, свидетельствует сам автор: «...И в светлицу входит царь». В Псковской губернии лен обрабатывали не только в избах, но и в банях. В начале XX века известный этнограф

и фольклорист В.И. Чернышев записал в Пушкиногорье несколько сказок. Одна из них, записанная в деревне Носово, очень напоминает пушкинскую «Сказку о царе Салтане»: «Три сестренки чесали в бане лен. Онна и говорить: «Вот если б меня государь замуж взял, я б весь мир бы одела одной ллиной».

Пушкин не только «наше всё», но и тот человек, который описал «всё наше». В том числе обыкновенный веник. Это «орудие» висит у нас на гвоздике в предбаннике. О нем упоминает Пушкин в четвертой песне поэмы «Руслан и Людмила»:

Но прежде юношу ведут
К великолепной русской бане.
Уж волны дымные текут
В ее серебряные чаны...
...Над рыцарем иная машет
Ветвями молодых берез,
И жар от них душистый пахнет.

«Ветви молодых берез» — это и есть веник. Причем свежий. Так как действие пушкинской поэмы происходит во времена Древней Руси, Пушкин называет банное «орудие» так же, как в «Повести временных лет»: «...Идущу ми семо видех бани древяны. И пережгут и румяно и идут в ню, изволокутся и будут нази. И облиются квасом кислым и возьмут на ся прutie младое и бьются сами».

В пословицах и поговорках веник приобретает черты «добра молодца», властвующего над разгоряченными телами добровольных мучеников — *веник в бане всем господин*. В бане он «господин» не только над простым людом, но даже над царем-батюшкой. О том есть загадка *в поле в покате, в каменной палате, сидит молодец, играет в щелкунец: всех перебил и царю не спустил*. Царь царю рознь. Салтан — добрый и деятельный. Дадон — злой и ленивый: «Царствуй, лежа на боку!» Зло изжить можно добрым советом *добро помни, а зло забывай!* Ленъ — палкой, скалкой, тренингом, да голеным веником!

Баня — архиполезная и нужная в крестьянском хозяйстве постройка. Не случайно говорили: «*Когда б не баня, все б мы пропали*». Внутри парилки устанавливали печь-«каменку». Когда она топилась, дым уходил не вверх, а по изогнутой линии в находившееся в противоположной стене дымоволоковое окно. Потом окно затыкали тряпками

и отжившими свой короткий век вениками. Затем лили воду на камни. Пар восходил к потолку, поэтому *пар столбом, дым коромыслом*. Крестьяне внимательно следили за тем, чтобы в каменке прогорели все угли. Иначе могло случиться так, что *шел в баню на ногах, а из бани на дровнях (угорел)*. Если жить *без царя в голове*, пропасть можно было не только в бане, так как *не местом ведется порядок, а хозяином*. А если с «царем», то *живи, поколе господь грехам терпит*.

Пруд

В окрестностях сельца Михайловского есть два замечательных озера. Замечательны они тем, что однажды их заметил Пушкин и описал в стихотворении «Деревня»: «...Здесь вижу двух озер лазурные равнины». Одно озеро, Кучане, большое. Другое — маленькое. Поэтому оно называется Маленец. В Бугрове тоже есть свои большие и маленькие водоемы: большой пруд — «мельничный», маленький — «банный». Весной мельничный пруд превращался из большого в огромный, а *где много воды, там жди беды*. В эту пору наш мельник Петр зорко следит за тем, чтобы напор талой воды не разрушил мельничную плотину, так как *водой мельница стоит, да от воды ж и погибает*. Здесь же девушки полоскали выстиранное белье. Об этом обыденном, на первый взгляд, женском занятии Пушкин с умилением пишет в черновых вариантах «Путешествия Онегина»: «...да стройных прачек у плотины». Эти строки написаны поэтом в Болдине, где на берегу местной речки находилась водяная мельница и плотина. Но и в Бугрове были своя мельница и своя плотина. И здесь тоже могли заниматься своим привычным делом бугровские представительницы слабого пола: Анна, Гликерья, Агафья и, в «подмастерьях», юная Акулина. Впрочем, пушкинская строка таит в себе загадку. Как поэту удалось заметить, что прачки — стройные? Полоскали-то белье сидя на корточках. Ответов два: то ли поэт ранее был уже знаком с этими прелестными созданиями, то ли всех женщин на свете он считал стройными. Независимо от возраста, звания и положения — *княжна хороша, и барыня хороша, а живет красна и наша сестра*.

Бывало так, что от времени мельничная плотина разрушалась — *камень не человек, а и тот рушат*. Тогда на месте пруда образовывался узкий ручей, в котором ни уткам поплескаться, ни бабам белье прополоскать. Тогда они уходили на наш банный пруд. Проходящие мимо люди

обыкновенно кричали: *беленько тебе!* Таким образом, прачкам желали чистой, отбеленной после стирки до своего естественного цвета, льняной одежды. Но для этого следовало потрудиться, так как *не замоча платья, не вымоешь*. Если же трудиться не хотелось, девушки желали сами себе: *так бы платьице мылось, как бы вовсе не носилось*. Отчасти потому, что если *платье чисто, так и речь честна*.

В пушкинской повести «Барышня-крестьянка» героиня примеряет на себя крестьянскую одежду и, кажется, остается ею весьма довольна: «...И Лиза легла спать с намерением непременно исполнить веселое свое предположение. На другой же день приступила она к исполнению своего плана, послала купить на базаре толстого полотна, синей китайки и медных пуговиц, с помощью Насти скроила себе рубашку и сарафан, засадила за шитье всю девичью, и к вечеру всё было готово. Лиза примерила обнову и призналась пред зеркалом, что никогда еще так мила самой себе не казалась». К лицу героине и крестьянская одежда, и барская. Не случайно автор использует в качестве эпиграфа ставшую крылатой цитату из поэмы И.Ф. Богдановича: «Во всех ты, Душенька, нарядах хороша».

Иногда пруд становился местом физического и нравственного очищения. Чтобы *смыть с себя художества, намыть хорошества*, в него окунали деревенских «модниц», густо накрасивших щеки свекольным или ягодным настоями. Тем более, что *белила не сделают мила и подо нрав не подбелиться*. В пушкинское время естественная красота ценилась дороже того, что сейчас называют «макияжем» — *черны брови наводные, русы кудри накладные*. Внутренняя красота и благочестие возобладали над внешней показухой потому, что *смиренье — девичье ожерелье*.

Герой старой советской комедии «Волга-Волга» Леонид Утесов справедливо утверждал: «...без воды ни туды и не сюды». В пушкинское время крестьянские девушки «за водой поутру шли», чтобы набрать воду из пруда. «Транспортировка» осуществлялась при помощи коромысла. Об этом есть загадка *три братца пошли в реку купаться, два купаются, третий на берегу валяется. Искупались, вышли, на третьем повисли*.

Банный пруд невелик: всего-то 5–6 сажений в диаметре. Но *мал золотник, да дорог*, потому что *чей берег, того и рыба*. Рыба в нашем крестьянском пруду та же, что и в большом, мельничном — караси. Только там они большие, а у нас — маленькие. Впрочем, *всякая рыба хороша*,

коли на уду пошла. Недавно, невесть по чьему «веленью», завелась в пруду щука. Наверное, для того, *чтобы карась не дремал.* Карасиков стало меньше. Так что *год на год не приходится,* бывает, что и карась в пруду переводится! Тогда выручали крестьян поле и огород — *добра снесь и редька, коли нет рыбки.*

Поле

Будучи человеком любознательным, Пушкин не только вкушал за столом различные яства, но и интересовался тем, на каком дереве булки растут. Примечал, что, где и когда всходит, поспевает и зреет в поле и огороде:

Старайся наблюдать различные приметы:
Пастух и земледел в младенческие леты,
Взглянув на небеса, на западную тень,
Умеют уж предречь и ветер, и ясный день,
И майские дожди, младых полей отраду,
И мразов ранний хлад, опасный винограду.
Так, если лебеди, на лоне тихих вод
Плескаясь вечером, окличут твой приход,
Иль солнце яркое зайдет в печальны тучи,
Знай: завтра сонных дев разбудит дождь ревучий,
Иль бьющий в окны град — а ранний селянин,
Готовясь уж косить высокой злак долин,
Услыша бури шум, не выдит на работу
И погрузится вновь в ленивую дремоту.

О неподдельном интересе Пушкина к крестьянским сельскохозяйственным работам свидетельствовали очевидцы: «Как увидит, девки навоз возят, — всем велит вкруг сойти да песни петь, а сам пишет, а после денег даст». Собираясь на эту, казалось бы, грязную и неприятную работу, девушки надевали подчеркнуто белоснежные рубахи. Парадокс: рубахи белые и маркие, а работа явно не для белоручек! *Ларчик открывается* просто — поэт и крестьянки знали простую истину: *клади навоз густо, в амбаре не будет пусто.* Поэтому шли на работу, как на праздник, веселую гулянку или свадьбу, во всём праздничном — *когда у Ивашки белая рубашка, тогда у Ивашки и праздник.* А если барин по

случаю за труды земные да песни заводные копеечку пожалует, то *лучше некуда*.

Это натуральное удобрение имело в Псковской губернии два названия: навоз и назем. Навоз грузили на телеги и отправляли в огород. Там его сбрасывали, сгружали и закапывали в землю. Так, во всяком случае, поясняла семантические отличия одного слова от другого старожил деревни Бугрово тетя Маша. При этом она почти что цитировала наиболее откровенные пословицы из далевого сборника: *на поле с дермом — поле с добром; где лишняя навоза колышка, там лишняя хлеба коврижка*. В поговорке *на гладком поле навоз кладут, а на рябом паханом пшеницу сеют* в образной форме передана последовательность весенних полевых работ: разбрасывание навоза, вспашка земли, сев.

Однажды поэт вспомнил о навозе. Но не в связи с крестьянками, а из-за полемики, возникшей у него с коварным оппонентом Фаддеем Булгариным. В письме И.В. Киреевскому Пушкин использовал соответствующую пословицу, слегка ее подредактировав: «Запрещение Вашего журнала сделало здесь большое впечатление; все были на Вашей стороне, то есть на стороне совершенной безвинности; донос, сколько я мог узнать, ударил *не из болгаринской навозной кучи, но из тучи*». Попал, как говорится, *не в бровь, а в глаз*.

В одной из пословиц упоминается зерновая культура полба — *навоз кладут, чтоб больше хлеба родилось, а полбу сеют, чтоб людям годилась*. Это неприхотливое злаковое растение упоминается еще в Библии: «...когда уравниет поверхность ее, он сеет чернуху, или рассыпает тмин, или разбрасывает пшеницу рядами, и ячмень в определенном месте, и полбу рядом с ним». Затем, в «Одиссее» Гомера:

К яслям в конюшне они поводьями их привязали,
Полбу засыпали в ясли и к ней ячменю подмешали...

И, наконец, в девятнадцатом веке в пушкинской «Сказке о попе и о работнике его Балде»:

Буду служить тебе славно,
Усердно и очень исправно,
В год за три щелка тебе по лбу.
Есть же мне давай вареную полбу.

Чуткое филологическое ухо поэта уловило двусмысленность, присутствующую в этом слове: полба — это не только каша, но и намек на то, чем всё закончится. А заканчивается сказка щелками *по лбу* незадачливому хозяину. Впрочем, идея «поиграть» смыслами могла возникнуть у поэта после чтения имевшегося в его библиотеке «Собрания 4 291 древних российских пословиц», опубликованного в 1770 году. Там слово «полба» написано через дефис — *для того навоз кладут, чтобы больше хлеба родилось, а по-лбу сеют, чтоб людям же годилась*.

Человеческий лоб в пословицах и поговорках — место весьма уязвимое. Не только у попа: *Сенька везенька, вези бабу на санках: санки скок, Сеньку в лоб; гляди в оба, а не разбей лоба!* Незадачливому герою пушкинской сказки ближе, наверное, пословица *лоб широк, да мозгу мало*. Пословицы *всё одно, что в лоб, что в голову*, или *что в лоб, что по лбу*, не только о попе, но и о самонадеянной старухе из «Сказки о рыбаке и рыбке», а также другом известном персонаже — *Фоме неверующем (Не вижу, так и не верю)*.

Землю удобряли не только навозом, но и золой, скапливавшейся в печах после долгой зимы. Особенно полезной зола была для ржи, главной хлебной культуры на Псковщине — *сей рожь в золу, а пшеницу в пору*. Рожь любит сырость, поэтому уповали на небеса — *даст бог дождь, даст и рожь*. Но если хляби небесные так и не разверзлись, или, по небрежению, золу по ветру случайно развеяли, с грустью подытоживали: *сеяли рожь, а косим лебеду*.

Урожай напрямую зависел от погоды, так как *лето родит, а не поле, не земля родит, а год, не земля хлеб родит, а небо*. К сожалению, небо не всегда было благосклонно к местным земледельцам: то дождь, то снег, то, как выражаются исконные псковичи, «мокросень». В псковских средневековых летописях XVI века постоянно упоминалось о голоде, дурном климате и абсолютной непредсказуемости погоды — *либо дождь, либо снег, либо будет, либо нет*. О бедах псковского крестьянина знали далеко за пределами губернии. То ли сочувствовали нам, то ли насмехались — *не плачут в Рязани по псковскому недороду*. Не плакать, а рыдать навзрыд и молиться в Псковской губернии начинали зимой — в том случае, если небо посушилось на снежный покров. Весной сугробы должны были растаять и увлажнить почву для посевов: *зима пройдет, и снег сойдет, а что посеяно — взойдет*. Тогда вспоминали пословицу *у него середь зимы льду взаймы не выпросишь* (или: *снегу не купишь*). А если снега «недород» — озимые замерзали на корню.

В романе Пушкина «Евгений Онегин» происходят те же погодные катаклизмы, что и в жизни псковских земледельцев:

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа.
Снег выпал только в январе
На третье в ночь...

Учитывая разницу между григорианским и юлианским календарями, прибавим еще 13 дней. Получается, что снег выпал только 16 января. Поскольку *не по образцам зима и лето бывает, по воле божьей*, крестьянину пришлось замаливать в церкви невесть откуда взявшиеся грехи. Чудо свершилось! В конце концов снег всё-таки выпал. *Лучше поздно, чем никогда!*

С выпадением снега можно было надеяться на урожай. На земле образовывался твердый наст, что позволяло сменить вязнущую в грязи телегу на дровни, самый удобный в зимних условиях вид транспорта. Вообще-то, в старину дровни в русской деревне использовались и в летнее время. Однако изначально конструкция полозьев была приспособлена для движения по снегу. Поэтому радость крестьянина сопряжена с обретением вековой логики использования и предназначения транспортного средства, нарушенной в связи с поздно пришедшей зимой, — *мы с печалью, а бог с милостью*. Правды ради следует отметить, что для Псковской губернии были более характерны «кислые» зимы. И.А. Брандт в своем отчете по Опочецкому уезду отмечал: «Зима же не постоянна, холод часто меняется оттепелью и, напротив, снег иногда нападает очень поздно и русская зима известна здесь только по пословицам. Самая сильная стужа в январе и в начале февраля». Поистине, *это не зима, а лето в зимнем платье*.

Автор романа «Евгений Онегин» «встречает» долгожданную гостью по «имени» и с восклицательным знаком — «Зима!», а его крестьянин — с радостью в ее превосходной степени: «торжествуя». Профессор В.А. Кошелев обратил внимание на употребление Пушкиным слова «крестьянин», которое, на первый взгляд, выпадает из мажорного строя первой строки: «Здесь он единственный раз во всём романе назвал русского земледельца не «раб», не «поселянин», не «простолюдин», не «пахарь» и не «мужик» даже; он назвал его высоким именем

крестьянин — этимологически связанным с «христианин». «Высоким» также является нехарактерное для простонародного языка слово «торжествуя». Примечательно, что в «Сборнике пословиц и поговорок...» В.И. Даля оно не встречается ни разу. В.А. Кошелев продолжает: «Христианин «торжествует» потому, что наконец-то появился *снег*, потому что зимний снег связан с осенним урожаем хлеба. А строфой раньше Пушкин сообщил важную деталь: «Снег выпал только в *январе* / *На третье в ночь...*» Дело в том, что день 2 января по православному календарю — день Сильвестра Печерского, самый несчастный день в году. И по примете, если снег к этому дню не выпадет, то жди страшного неурожая... Снег выпал, что называется, в самый последний момент — и христианин торжествует преодоление несчастий...» Иначе — *в одну ночь зима становится*.

Торжествует крестьянин еще по одной причине. Одна из дорог, по которой он в скором времени отправится на своей лошадке, будет дорога в храм. Первые строфы пятой главы были написаны 4 января. А через два дня, 6 января, празднуется церковный праздник Крещение, присутствие на котором являлось обязательным для православного христианина. В храме «низкий» социальный статус крестьянина неизмеримо выростал. Его «звание», происходящее от имени Христа, в стенах Христовой церкви становилось созвучным главному содержанию праздника. Общий этимологический корень (крестьянин — христианин — крещение) делает приемлемым по отношению к простолудину употребление слова из «высокой» лексики: «торжествуя». «Торжество» крестьянина связано еще и с тем, что в храме перед алтарем он не только уравнивается с господами, но даже, на уровне слова, возвысится над ними. Его «имя» происходит от имени Господа Бога, «имя» же его хозяев, помещиков и дворян, всего-то лишь от таких обыденных слов, как «поместье» и «двор». Кроме того, наступившие холода дают еще один повод для торжества закаленного невзгодами простолудина.

Дворянская кровь и в Петровки мерзнет (зябнет), поэтому дворяне сахарные (пряничные), крестьяне аржаные. Несмотря на свою «пряничную» дворянскую родословную, в том, что касается здоровья и зачатки Пушкин всё-таки был ближе к «аржаным»:

Здоровью моему полезен русской холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь:

Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят — я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн — таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).

Склонная к переменчивости зима, а также буйная весна, засушливое лето и «гнилая» осень доставляли множество хлопот псковским земледельцам. От капризов погоды зависел урожай, от урожая — благосостояние семьи. Если *живет и такой год, что на день семь погод*, готовься к тому, что год будет голодным. Пословица старинная, но звучит очень современно!

В известной песне из известного фильма поется:

У природы нет плохой погоды,
Всякая погода...

С автором этого текста нельзя не согласиться. Но каждому *овощу свое время!* Времен года у нас четыре и каждое прекрасно по-своему! Любые климатические перемены в природе губительны для человека, поэтому пословица *зиме и лету перемены (союзу) нету* звучит, как закливание. А в римской мифологии существовал даже бог «всяких перемен». В том числе, перемен в погоде. Звали его Вертумн. Его женой была Помона, лесная нимфа созревших плодов и фруктовых деревьев. Пушкин хорошо знал историю любви Вертумна и Помоны, ярко описанную его любимым древнеримским поэтом Овидием в «Метаморфозах». Античный бог, несмотря на свой «почтенный возраст» и жизнь «за тридевять земель», ничем не отличается от русского крестьянина. Ухаживая за Помоной, он преобразуется то в садовода, то в рыбака, то в землепашца:

Сколько он ей, — как у грубых жнецов полагается, — в кошах
Спелых колосьев носил — и казался жнецом настоящим!
Часто в повязке бывал из травы свежескошенной, словно
Только что сам он косил иль ряды ворошил; а нередко
С дышлом в могучей руке, — поклясться было бы можно,
Что утомленных волов из плуга он только что выпраг.
То подчищателем лоз, садоводом с серпом появлялся...

Брачный союз бога, управляющего временами года, и его жены, покровительницы садоводства — идеальная пара для возделывания «плодов земных». Однако у русских землепашцев на первом месте, конечно же, находились не фрукты и овощи. *Хлеб — всему голова!*

В повести «История села Горюхина» Пушкин с легкой иронией описывает угоды горюхинцев: «Издrevле Горюхино славилось своим плодородием и благорастворенным климатом. Рожь, овес, ячмень и гречиха рождаются на тучных его нивах. Березовая роща и еловый лес снабжают обитателей деревьями и валежником на построение и отопку жилищ. Нет недостатка в орехах, клюкве, бруснике и чернике. Грибы произрастают в необыкновенном количестве; сжаренные в сметане представляют приятную, хотя и нездоровую пищу. Пруд наполнен карасями, а в реке Сивке водятся щуки и налимы». Академик, сотрудник Пушкинского Дома А.М. Панченко давно и справедливо заметил, что «Горюхино» — это вовсе не нижегородское Болдино, где это произведение создавалось, а псковское сельцо Михайловское, о котором поэт вспоминал, находясь в Болдине. В «Описи села Михайловского», составленной 19 мая 1838 года, говорится: «При сельце Михайловском находится Аглицкий сад с прудом, но по малому количеству фруктовых деревьев доходу не приносит. При нем же высевается ежегодно хлеба в каждом поле ржи 35 четвертей. Овса 20 четвертей 2 четверика. Гороху 1 четверть 4 четверика. Гречи 2 четверти 3 четверика. Семя льняного 2 четверти 2 четверика. Сена выставляется до 600 копен». В том же документе упомянуто о 31 четверти жита. В северо-западных говорах житом именовали ячмень, способный вызревать в очень суровом климате. Из зерен ячменя получали ячневую (яшную) крупу, более известную под именем перловой или попросту перловки. Название произошло от того, что зерна перловки своей белизной и формой напоминали людям перлы — жемчужины. Петр I яшную кашу считал самой «спорой» (питательной) и вкусной. Известно, что жемчужины, в том числе «перловые», весьма твердые. Отсюда пошла поговорка — *приелся, как сухой ячмень беззубой кобыле*.

Для тех, кто любит математику и кому интересно, что и в каких количествах сеяли и съедали михайловские помещики, предлагаем перевод упомянутых в описи устаревших мер в современную систему измерения:

1 четверть — 210 литров,

1 четверик — 26 литров,

1 гарнец — 3 литра.

Арифметику крестьяне уважали: *для счету и у нас голова на плечах, счет не обманет, счет всю правду скажет, никому не верь, только счету верь!* Правда, иногда «вера» в арифметику уступала «вере» в логику: *мужик купил три козы, заплатил за них двенадцать рублей, по чему каждая коза пришла?* Ответ: *по земле.* Или: *шел один, нашел пять рублей; трое пойдут, много ли найдут?* Ответа на эту задачку не дал даже В.И. Даль в своем сборнике пословиц и поговорок. Наверное, решается она на практике, экспериментальным путем. Следуя тем же путем «открытий чудных», мы можем посчитать количество хлебных запасов в семье Карпа и его соседей: «Лето выдалось на славу, зерна уродилось много. Сколько сусеков заполнили в амбаре»? Ответ: «Все».

Работа в поле считалась тяжелой. Перед севом землю вспахивали деревянной сохой — *держись за сошеньку, за кривую ноженьку.* Эта изнурительная работа считалась сугубо мужской: *орать (пахать) — так в дуду не играть.* По воспоминаниям местных крестьян, Пушкин сочувственно относился к труженикам полей: «...идет полем гулять, с барыней; видит — пахарь отдыхает. Пушкин сейчас верть назад. А барыня говорит: «Александр Сергеевич, куда?» Он скажет: «Видишь тут крестьянин спит: мы ему отдых испортим!»

Какова пашня, таково и брашно. Слово «брашно» в современном языке не употребляется. В пушкинское время оно означало следующее: «Яство, пища, кушанье, еда, ежа, харч, блюдо, приспешное, хлеб-соль, корм, варево, выть, продовольствие, съестное». В.И. Даль в «Словаре» приводит также выражение «брашенный стол». За подобным столом летом 1826 года пировали Пушкин и его брат по перу Н.М. Языков. Автором сего величественного произведения кулинарного искусства стала Арина Родионовна Яковлева:

...Как сладостно твое святое хлебосольство
Нам баловало вкус и жажды своевольство!
С каким радушием — красою древних лет —
Ты набирала нам затейливый обед!
Сама и водку нам, и брашна подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тесноте старинного стола!

После вспашки землю боронили — *борони по солнцу, лошадь не вскружится.* Это даже не столько поговорка, сколько ценный

практический результат многовековых наблюдений крестьян-земледельцев. Движение по солнцу иначе называлось «посолонь». «Посолонь», к примеру, рекомендовалось вращать ручные жернова, иначе из-под них «черти выскочат». Правда, это уже из сферы предрассудков. Однако общеизвестно, что великий Пушкин был суеверным человеком. Поэтому он обращал внимание и на то, по какой орбите движется солнце и с какой стороны находится луна:

Я ехал к вам: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И месяц с правой стороны
Сопровождал мой бег ретивый.
Я ехал прочь: иные сны...
Душе влюбленной грустно было,
И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло.
Мечтанью вечному в тиши
Так предаемся мы, поэты;
Так суеверные приметы
Согласны с чувствами души.

Затем наступал сев. Правда, при условии, что хозяева сохранили семена на посев — *семена съедим, так жать, спины не ломать*. В известной басне И.А. Крылова о подобных, живущих одним днем людях, говорится:

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол и дом.
Всё прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настает;
Стрекоза уж не поет:
И кому же в ум пойдет
На желудок петь голодный!

Языком не торопись, а делом не ленись; ленивому всегда праздник; ленивому будень чем не праздник? Это о стрекозе. А это о мужике: *лень мужика не кормит, поживешь счастливо, паши не лениво!* Легкомысленных существ в крестьянском мире было всё-таки меньшинство.

Для посева отбирали крупные полновесные зерна. *Лучше голодай, а добрым семенем засевай*, так как от этого зависело качество и количество будущего урожая — *посеешь крупным зерном, будешь с хлебом и вином*. Сеяли аккуратно, избегая потерь, — *если кто оставит в поле обсевок, то кому-либо из семьи умереть*, и расчетливо, так как *что посеешь, то и пожнешь*. В это время, а также в пору сбора урожая крестьянам было не до сна — *сей хлеб, не спи, будешь жать, не станешь дремать*. При сём, при том сеятели и жницы оставались людьми. Комбайнов тогда еще не придумали. Вот о чем вспоминала в 1937 году Мария Яковлевна, столетняя жительница деревни Губино: «Рассказывали: жали женщины поле барские. И вот одна женщина сомлела. Тогда ведь жали не разгибаясь. Идет мимо Александр Сергеевич: «Что такое? Разве так можно работать, и жара большая». Сейчас взял воды, дал ей, попрыскал. «Экое, — говорит, — горе! Бабы так убиваются». Ребята с собой взяты, тут же плачут тоже. «Погодите, говорит, — бабы, и вы будете когда-нибудь людьми». Он нас и вызволил, баб, из тяжелой жизни». Увы, крестьян было много, а Пушкин один.

О разных злаках народ сложил разные пословицы. Больше всего о ржи, потому что сеяли ее в большем количестве — *тот и хорош, у кого родилась рожь*. А если родилась хорошо и обильно, хозяин чувствовал себя независимым от прихотей помещиков и купцов — *не кланяюсь богачу, свою рожь молочу*.

Есть такая пословица — *красно поле рожью, а речь ложью*. С рожью, казалось бы, всё понятно: если в поле выросло много ржи, то и еды у хозяина будет вдоволь — *не красна изба углами, а красна пирогами*. Но почему в пословице восхваляется «ложь»? Потому, что «ложь» в устах народного сказителя или профессионального поэта превращается в нечто иное:

Сказка ложь, да в ней намек!
Добрым молодцам урок...

А «обман» порой оказывается полезней скучной правды:

...Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...

Так что «ложь» в данном случае — это искусство поэтично, красочно, а также остроумно выражаться. Пушкин этим владел в совершенстве. Местные крестьяне рассказывали: «Пушкин с царем не поладил. Ты, — говорит, — дурак! Тот его и сослал к нам сюда. Наш был, скор на язык!» Напротив, о человеке ограниченном и неразвитом говорили: *рожь в поле не околица, глупая речь не пословица*.

В пословице *хвали рожь в стогу, а барина в гробу* отражено отношение простого люда к бессердечным хозяевам. К Александру Сергеевичу это не относится. По воспоминаниям кучера Петра Парфенова барин был добрый и в крестьянские дела особо не вникал:

«Ну покажи нам, Петр, где тут больше проводил время твой покойный барин,

Где почивал он, кофе кушал,
Приказчика доклады слушал?

— Э, батюшка, наш Александр Сергеевич никогда этим не занимался: всем староста заведовал; а ему, бывало, всё равно, хошь мужик спи, хошь пей: он в эти дела не входил».

В поговорках отражены некоторые приметы и особенности выращивания ржи — *даст бог дождь, уродится и рожь, как в мае дождь, так будет и рожь*. Но *мокрый снег на озимь — тот же назем*. «Закаленная» непогодой рожь стала главной зерновой культурой северо-запада России — *посев ржи при северном ветре родит крепче и крупнее*.

С началом посевной связано одно малоприятное явление. В конце мая на Псковщине пробуждались комары, а *когда появятся комары, пора сеять рожь*. За это напоминание комарам спасибо! Плохо то, что эти «враги рода человеческого» пили кровь не только у простых крестьян, но и у гения. Гений сам упомянул об этом:

Ох, лето красное! Любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.

В августе, слава богу, комары исчезали. Тогда же убрали поспевшую рожь в копны. Радовались, если урожай выдался на славу! Печалились, если *копна от копны, как от Ростова до Москвы*.

В отличие от ржи, пшеница в Псковской губернии росла намного хуже. Не случайно в «Описи села Михайловского...» она даже не упомянута. В небольших количествах эта культура выращивалась на землях, принадлежавших Святогорскому монастырю. Пшеницу выращивали на близлежащих землях, молотили на монастырской мельнице в Бугрове. Затем выпекали просфоры, которые во время литургии вносили в храм. Поэтому *матушка-рожь кормит всех дураков сплошь, а пшеничка по выбору*.

Пшеница — знак, «богом данный». А там, где «от бога», непременно появляется кто-то от дьявола: *где господь пшеницу сеет, там черт — плевелы*. А раз уж такая напасть, то следует одно отделить от другого. В Евангелии от Матфея обыкновенная «прополка» приобретает высокий философский смысл: «Сеющий доброе семя есть Сын человеческий; поле есть мир; доброе семя, это сыны, а плевелы — сыны лукавого; враг, посеявший их, есть диавол; жатва есть кончина века, а жнецы суть Ангелы. Посему как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века сего: пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов; тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их. Кто имеет уши слышать, да слышит!» В подобной метафорической форме предстает описание будничного крестьянского занятия в стихотворении Пушкина:

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В поработанные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

Пшеница по праву «верховодила» среди других даров полей. Поэтому именно она стала символом превосходства хозяина-большака над женщиной — *торгуй мужик пшеницей, баба чечевицей*. Впрочем, в этом вопросе были свои нюансы. Но об этом речь ниже. Что же касается «мучных» пристрастий поэта, то ответ на этот вопрос кажется очевидным. Достаточно вспомнить красноречивый эпизод из путевого очерка «Путешествие в Арзрум»: «На половине дороги, в армянской деревне,

выстроенной в горах на берегу речки, вместо обеда съел я проклятый *чюрек*, армянский хлеб, испеченный в виде лепешки пополам с золою, о котором так тужили турецкие пленники в Дариальском ущелии. Дорого бы я дал за кусок русского черного хлеба, который был им так противен».

Русские пословицы «сосватали» рожь с гречкой: *гречневая каша — матушка наша, а хлебец ржаной — отец наш родной*. Уважение к «ба-тюшке», как и следовало ожидать, было значимее, чем к «матушке» — *ей рожь, а греча не печка* (не забота). Каша из гречки считалась диетическим блюдом: *мать наша — гречневая каша: не перцу чета, не прорвет живота*. О том, выращивали в Михайловском перец или нет, нам ничего неизвестно. Однако острых приправ к немудреным деревенским блюдам поэту явно не хватало. Их приходилось заказывать «спеппочтой». Так, например, 22 апреля 1825 года Пушкин просил привезти: «Вино, вино, ром (12 бутылок), горчицы... Сыру лимбургского». Если оказия задерживалась, «михайловскому анахорету» приходилось довольствоваться сытной, но пресной пищей. В число главных деревенских блюд входила гречневая каша, которую в больших количествах выращивали и в псковском Михайловском, и в нижегородском Болдине. Осенью 1833 года в письме Наталье Николаевне Пушкин рассказывал: «Просыпаюсь в семь часов, пью кофей и лежу до трех часов. Недавно расписался, и уже написал пропасть. В три часа сажусь верхом, в пять в ванну и потом обедаю картофелем да грешневой кашей. До девяти часов — читаю. Вот тебе мой день, и все на одно лицо». Каша эта вкусная. Но если употреблять ее в пищу каждый день, то получалось, как в поговорке — *горе наше — гречневая каша: есть не хочется, да и покинуть жаль*.

Одним из популярных продуктов в наше время стал овес и приготовленные из него овсяные хлопья. И в старину в иерархии круп овес приравнивался к «высшему сословию» — *овес говорит: топчи меня в грязь, так буду князь!* В грязь семена бросали потому, что овес, как и рожь, любит влагу. А грязь по определению влажная. История «возвышения» овса весьма поучительна, чего не скажешь о проходимцах из разряда тех, кто *из грязи — в князи* очутился на вершине власти. В качестве положительной альтернативы подобным выскочкам следует признать блистательный «овсяный» путь Абрама Петровича Ганнибала, совершившего восхождение от слуги до генерала-аншефа русской армии.

Из овса изготавливали лепешки и варили кашу. А еще овес был «бензином» XIX века: *не кони везут — овес везет, не лошадь, а корм*

везет. Овес в пословицах еще и «коробка передач»: не погоняй кнутом, погоняй овсом! Если учесть, что А.С. Пушкин проехал около 34 тысяч верст (36 тысяч километров), он должен был знать толк не только в лошадах, но и в овсе.

Огород

Главным овощем в огородах псковских крестьян и помещиков была капуста. Ее употребляли в свежем виде и квасили. Капусту шинковали, заправляли льняным или конопляным маслом, отправляли в рот — *капуста не пуста, сама летит во уста*. Зимой ели квашеную капусту. Из нее же готовили щи, а *где щи да каша, там и место наше*. «Место наше» находили по специфическому кисловатому запаху: *а где щи — тут и нас ищи!* Желательно, чтобы в щах, кроме капусты, еще и жирок плавал — *ешь щи с мясом, а нет, так хлеб с квасом*. А еще говорили: *Добрая жена да жирные щи — другого добра не ищи!* Если мясо в супе отсутствовало, образно выражались: *«Щи хоть кнутом хлещи, и пузырь не вскочит!»* Если же «доброй жены» в доме не было, довольствовались всё теми же щами — *красота приглядится, а щи не прихлебаются*. О щах и щеголях говорили: *дома — щи без круп; в людях — шапка в рубль*.

Блюда из капусты выручали крестьян в голодные дни — *капусту не густу, щи пожди, а хлеб да каша давно не наша*. Во время Гражданской войны мельником в Бугрове был Николай Николаевич Ольхин. Он не только молот зерно. На досуге любил *молоть языком*: выступать на революционных митингах и писать стихи. В стихотворении «Михайловское прежде» доморощенный поэт так описывал «пир на весь мир» у себя дома:

...Бывает так, что удавился б часом,
Домой пришел, а на столе у нас
Одна капуста и капуста с квасом,
И квас с капустой, и без хлеба квас.

В пословице *капуста лучше пуста: хоть в брюхе не порожне* речь, кажется, идет о том же — *не до жиру, быть бы живу! Голод не тетка, поэтому ельник, березник чем не дрова? Хрен да капуста чем не еда?*

Если к шам добавить свеклу, получится борщ. Если убрать капусту и вместо «корешков» положить в суп листья-«вершки», получится ботвинья. Это блюдо любили все: низы и верхи, нищие и цари, поэты и прозаики. К холодной ботвинье обычно подавалась стопка водки, для согрева и поднятия аппетита. Однажды Александр Сергеевич подшутил над своим братом Львом. В апреле 1834 года поэт пригласил его и своего друга Соболевского на «ботвинью и beafsteaks». О том, что из этого вышло, Пушкин поведал своей жене: «Третьего дня сыграл я славную шутку со Львом Сергеевичем. Соболевский, будто не нарочно, зовет его ко мне обедать. Лев Сергеевич является. Я перед ним извинился, как перед гастрономом, что, не ожидая его, заказал себе ботвинью да beafsteaks. Лев Сергеевич тому и рад. Садимся за стол; подают славную ботвинью; Лев Сергеевич хлебает две тарелки, убирает осетрину...» Когда же большой любитель вкусной еды и шампанского Лев Сергеевич потребовал вина, «...ему отвечают, нет вина. — Как нет? — Александр Сергеевич не приказал на стол подавать. И я объявляю, что с отъезда Натальи Николаевны я на диете — и пью воду. Надобно было видеть отчаяние и сардонический смех Льва Сергеевича, который уже ко мне, вероятно, обедать не явится. Во всё время Соболевский подливал себе воду то в стакан, то в рюмку, то в длинный бокал — и потчевал Льва Сергеевича, который чинился и отказывался. Вот тебе пример моих невинных упражнений». Мораль сей истории такова — *пей воду, вода не смутит ума.*

В словаре В.И. Даля дается следующее определение ботвиньи: «Ботвинья — холодное, обычно рыбное, кушанье на квасу с вареными травами (щавелем и др.), ботвою свеклы и мелко искрошенными овощами (огурцами, луком)». Название «ботвинья» происходит от древнерусского слова «ботеть», т. е. толстеть — *оботел, что в двери не лезет.* От этого слова произошло название свекольных листьев — *какова Устинья, таково у ней ботвинье, толкуй, Фетинья Савишна, про ботвинью давешню.* Про сам корнеплод загадывали такую загадку: *кругла, а не шар, красна, а не девка, зелена, да не яблоня, с хвостом, да не корова.*

Отчего свекла сравнивалась с «красной» девкой? Потому, что и та и другая были красивыми и аппетитными. Перед выходом в свет, у крестьян это называлось «на гулянку», девушки свеклой натирали на своих щеках румянец, чтобы стать еще краше и привлекательнее. Красным цветом отливала ледяная ботвинья, в красной рубахе Пушкин являлся

перед народом на Святогорских ярмарках. Красный цвет — это один из самых любимых праздничных цветов в русской культуре. После победы над Наполеоном (*летит гусь на святую Русь*) российская знать в очередной раз вознамерилась обратиться к своим истокам, заложенным в народной культуре. Всё это носило сугубо внешний характер и больше походило на модное течение. Против подобного поверхностного понимания того, с чего начинается Родина, резко выступал А.С. Пушкин: «Некоторые люди не заботятся ни о славе, ни о бедствиях отечества, его историю знают только со времени кн. Потемкина, имеют некоторое понятие о статистике только той губернии, в которой находятся их поместья, со всем тем почитают себя патриотами, потому что любят ботвинью и что дети их бегают в красной рубашке».

Подобно свекле, еще один замечательный овощ усердно «ботел» в крестьянских огородах. Так «ботел», что «выросла репка большая-пребольшая». Вытягивали репку сообща или, как говорили, «*миром*»: «Позвала кошка мышку. Мышка за кошку, кошка за Жучку, Жучка за внучку, внучка за бабу, бабка за дедку, дедка за репку — тянут-потянут, вытащили репку!» Сказка — не пушкинская, но очень поучительная. В ней рассказывается о дружбе и взаимопомощи. *Вся семья вместе, так и душа на месте*. И репка в подклете! Репа была очень распространена в крестьянской кулинарии. И вкусно, и сытно, и готовить легко.

В 1824 году в Михайловском Пушкин написал стихотворение «Разговор книгопродавца с поэтом». Далекий от поэзии торговец считает литературный труд простым и легким:

Стишки для вас одна забава,
Немного стоит вам присесть,
Уж разгласить успела слава
Везде приятнейшую весть:
Поэма, говорят, готова...

Если слова книгопродавца перевести на «крестьянский» язык, получится — *проще пареной репы*. Но с таким суждением трудно согласиться и автору, и его читателям. Что тут можно сказать — *про всякого дурака ума не напасешься*.

Репа была дешевым и распространенным крестьянским овощем — *служил семь лет, выслужил семь реп*. Однако у репы, как и ее «дружка» гороха, есть один существенный недостаток — *горох да репа животу*

не крепна. Альтернативой народным слабительным средствам были редька и чеснок — чеснок да редька, так и на животе крепко. Сложными были взаимоотношения между родной гречкой и заезжим перцем: мать наша — гречневая каша: не перцу чета, не прорвет живота. Но, как говорится, охота пуце неволи. Несмотря на предостережение ходи — не шатайся, говори — не заикайся, ешь — не объедайся, иногда ели и объедались, особенно по праздникам. Александр Сергеевич тоже желудок не жалел. Его знакомая А.О. Смирнова-Россет вспоминала: «Представьте себе, что блины бывают гречневые, потом с начинкой из рубленых яиц, потом крупинчатые розовые, со свеклой. Пушкин съедал их 30 штук, после каждого блина выпивал глоток воды и не испытывал ни малейшей тяжести в желудке». Но на то он и гений! Крестьяне же мучились да в кусты бегали. И вовсе не за ягодой — мягко съел, да черство в живот пошло; взяло котя поперек живота; разорви тому живот, кто неправдой живет; не то корова рычит, не то в животе бурчит; раздуй того живот, кто неправдой живет!

В ноябре 1825 года в письме П.А. Вяземскому Пушкин в простонародном духе высказался о тяготах литературного труда:

В глуши, измучась жизнью постной,
Изнемогая животом,
Я не парю — сию орлом
И болен праздностью поносной.
Бумаги берегу запас,
Натугу вдохновенья чуждый,
Хожу я редко на Парнас,
И только за большою нуждой.

Крылатым стало пушкинское изречение: «...И кюхельбекерно, и тошно». О том, как оно возникло, рассказывал в своих воспоминаниях Н.И. Греч:

«...он (Кюхельбекер) воспитывался в Лицее с Пушкиным, Дельвигом, Корфом и др., успел хорошо в науках и отличался необыкновенным добродушием, безмерным тщеславием, необузданным воображением, которое он называл поэзией, раздражительностью, которую можно было употреблять в дурную и хорошую стороны. Он был художав, долговяз, неуклюж, говорил протяжно с немецким акцентом... Пушкин любил Кюхельбекера, но жестоко над ним издевался. Жуковский был

зван куда-то на вечер и не явился. Когда его спросили, зачем он не был, он отвечал: «Мне что-то нездоровилось уж накануне, к тому пришел Кюхельбекер, и я остался дома». Пушкин написал:

За ужином объелся я,
Да Яков запер дверь оплошно,
Так было мне, мои друзья,
И кюхельбекерно и тошно.

Кюхельбекер взбесился и вызвал его на дуэль. Пушкин принял вызов. Оба выстрелили, но пистолеты были заряжены клюквою, и дело кончилось ничем...»

В последний раз Пушкин и Кюхельбекер встретились на станции Залазы 15 октября 1827 года. Пушкин ехал из Михайловского в Петербург. Эта станция находилась в Бежаницком уезде Псковской губернии.

Наиболее полезным для здоровья считался лук, репчатый и зеленый. Слово «фитонциды» крестьяне еще не знали, но о лечебных свойствах этой культуры всё понимали не понаслышке — *кто ест лук, того бог избавит вечных мук; лук семь недугов лечит; лук да баня всё правят.*

Оздоровительный эффект приписывался также огурцам. Правда, не от семи недугов, а от одного, носящего название «похмелье». В повести «Капитанская дочка» именно это, популярное и сейчас, средство рекомендует барину его слуга Савельич: «На другой день я проснулся с головною болью, смутно припоминая себе вчерашние происшествия. Размышления мои прерваны были Савельичем, вошедшим ко мне с чашкою чая. «Рано, Петр Андреич, — сказал он мне, качая головою, — рано начинаешь гулять. И в кого ты пошел? Кажется, ни батюшка, ни дедушка пьяницами не бывали; о матушке и говорить нечего: отроду, кроме квасу, в рот ничего не изволили брать. А кто всему виноват? проклятый мусье. То и дело, бывало, к Антипьевне забежит: «Мадам, же ву при, водкю». Вот тебе и же ву при! Нечего сказать: добру наставил, собачий сын. И нужно было нанимать в дядьки басурмана, как будто у барина не стало и своих людей! Мне было стыдно. Я отвернулся и сказал ему: «Поди вон, Савельич; я чаю не хочу». Но Савельича мудрено было унять, когда, бывало, примется за проповедь. «Вот видишь ли, Петр Андреич, каково подгуливать. И головке-то тяжело, и кушать-то не хочется. Человек пьющий ни на что не годен... Выпей-ка огуречного рассолу с медом, а всего бы лучше опохмелиться полстаканчиком настойки. Не прикажешь ли?»

Известно также, что Пушкин любил калью, которую умела хорошо готовить Арина Родионовна. В словаре В.И. Даля по поводу этого блюда имеется расшифровка: «...похлебка на огуречном рассоле, с огурцами, со свеклой и с мясом, а в пост с рыбой и икрой; похлебка из икры с солеными огурцами». Изысканная калья также способствовала выздоровлению после веселых пиров. Она лечила головную боль и в народе называлась «блюдом похмельным». Что это, как не доказательство силы народной медицины! Няня не только нянчила, но лечила чудодейственным средством перебравшего лишку поэта-дворянина. С помощью того же «лекарства» слуга приводил в чувство своего неопытного барина — *молодец, что огурец, а огурец, что молодец!* Но где огурцы, тут и пьяницы!

В наше время картофель зовут «вторым хлебом». На тех же вторых ролях этот заморский овощ находился и в пушкинское время: *картофель — хлебу подспорье, картошка — хлебу присошка*. Консервативные псковские крестьяне вплоть до конца XIX века не признавали «чертово яблоко» и на своих огородах его не выращивали. Тем не менее, в сентябре 1835 года, находясь в Михайловском, поэт сообщал жене: «Я много хожу, много езжу верхом, на клячах, которые очень тому рады, ибо им за то дается овес, к которому они не привыкли. Ем я печеный картофель, как маймист, и яйца всмятку, как Людовик XVIII. Вот мой обед». Очевидно, Пушкин довольствовался привозным картофелем. Возможно также, что в Михайловском специально для барина дворовые высаживали этот экзотический овощ. «Маймистами» в пушкинское время называли финнов (чухонцев), проживавших на северо-западе России. Няня Пушкина, Арина Родионовна, родом была из Суйды и тоже имела финно-угорские корни. Поэтому, скорей всего, Пушкин наслаждался блюдом, приготовленным няней по «финскому» рецепту.

Сад

В крестьянский рацион входили также лесные и садовые ягоды. На первом месте по популярности стояла смородина. Здесь, по-псковски, «экономя» на двух буквах, ее называли «смородой» и любили до самозабвения. Несмотря даже на избыток в ней витамина С — *люби сморозинку, люби и оскоминку*. Другая чудесная ягода, малина, плодоносила до поздней осени, поэтому баловала сладким духмяным вкусом устав-

ших от полевых работ крестьян — *опустя лето, в лес по малину*. Лесная малина в больших количествах росла вдоль проселочной дороги из Бугрова в Тригорское. Особенно много ее было в малинниках на той самой горке, где находятся «Три сосны».

Малинниками назывались не только места, где обильно росла ягода, но и село в Тверской губернии. Там Пушкин гостил у своих друзей в 1828 и 1829 годах. Имение принадлежало всё той же П.А. Осиповой. Как и в Тригорском, в Малинниках жили молодые и очаровательные особы, создававшие теплую и «сладкую» обстановку домашнего уюта. В общем, *не жизнь, а малина*. Наряду с «ягодками», стимулировавшими творческое вдохновение, просто ягоды ублажали желудок. Летом их ели, на зиму варили из них варенье. По воспоминаниям А.П. Керн, этим занимался муж Прасковьи Александровны: «...Варил в шлафроке варенье». Зимой угощали гостей:

...Обряд известный угощенья:
Несут на блюдечках варенья...

Далее всё происходило, как в поговорке *кушай варенье да слушай говоренье*.

В особом почете была вишня. Плод этот редко встречался в крестьянских подворьях — *сладко вишенье, да барско кушанье*. В помещичьих имениях эту ягоду выращивали для себя и на продажу. Сбором, как правило, занимались крепостные девушки. Чтобы часть урожая не осыпалась в рот сладколюбивых и сладкоголосых крестьянок, хозяева заставляли девушек петь. Об этом остроумном деревенском обычае упоминается в романе «Евгений Онегин»:

В саду служанки, на грядках,
Сбирали ягоду в кустах
И хором по наказу пели
(Наказ, основанный на том,
Чтоб барской ягоды тайком
Уста лукавые не ели
И пеньем были заняты:
Затея сельской остроты!)

Песня девушек:

Девицы, красавицы,
Душеньки, подруженьки,
Разыграйтесь, девицы,
Разгуляйтесь, милые!
Затяните песенку,
Песенку заветную,
Заманите молодца
К хороводу нашему,
Как заманим молодца,
Как завидим издали,
Разбежимтесь, милые,
Закидаем вишеньем,
Вишеньем, малиною,
Красною смородиной.
Не ходи подслушивать
Песенки заветные,
Не ходи подсматривать
Игры наши девичьи.

В черновых вариантах этой строфы упоминалась еще одна ягода: «алый барбарис». В наше время большой куст барбариса по-прежнему растет в парке Тригорского. Проходя мимо него, экскурсоводы обыкновенно цитируют выдержки из очерка М.И. Семевского «Прогулка в Тригорское»: «...недалеко кустарник барбарисовый, в середину которого Пушкин однажды впрыгнул, да насилу вылез оттуда». О том, зачем Пушкину понадобилось прыгать в куст барбариса, история умалчивает. В своей песне крестьянские девушки «закидывают» молодца вишеньем, красной смородиной, малиною. Поскольку *из песни слов не выкинешь*, можно предположить, что эти ягоды росли в саду Лариных-Осиповых. Но могли и не расти, так как песня народная — как перелетная птица: в одном краю сочинили, в другом спели. Куст барбариса как рос, так и растет, но имеет ли он какое-то отношение к песенному творчеству, нам неизвестно, поскольку *при нас читано, да не при нас писано*.

Ягоды заменяли дорогостоящий сахар — *с малинника лыки не велики, да ягоды сладки, а с калинника лык надерешь, да ягод в рот не возьмешь*. Но в целом ягоды считались скорее баловством, нежели полно-

ценной пищей — *ягода(у) не видал сорок два года, а хоть бы и век, так нужды нет*. Куда больше псковские крестьяне любили «блицы». Так здесь зовут грибы. Их собирали и солили в бочках. Зимой накладывали соленые хрустящие грузди да рыжики в деревянные тарелы и поглощали в больших количествах. При этом крестьяне посмеивались над утонченными манерами и изысканной диетой своих господ: *дворянское кушанье — два грибка на тарелочке, дворянский сын с погляденья сит*.

Изредка в крестьянских хозяйствах можно было встретить яблони. В статности и фигуристости эти «райские» деревья уступали корабельным соснам и елям. Зато плоды были вкусными и полезными: *сук да кривулина, а яблочки — сквознина*. В.И. Даль в «Толковом словаре» поясняет значение слова «сквознина»: «Сквозное яблоко, сквозной налив, сквозник или яблоко-сквознина, сквозящее от зрелости, при полном наливе соков». В сказках подобные яблоки росли на чудесных деревьях. Их зачастую называли «наливными»: «Яблочки на ней висят наливные, листвицы шумят золотые, веточки гнутся серебряные; кто ни едет мимо — останавливается, кто проходит близко — тот заглядывается». Это из народной сказки «Крошечка-Хаврошечка». В пушкинской «Сказке о мертвой царевне и семи богатырях» тоже присутствует яблочко, «молодое, золотое». Поэт красочно живописует соблазнительный плод:

...Оно
Соку спелого полно,
Так свежо и так душисто,
Так румяно-золотисто,
Будто медом налилось!
Видны семечки насквозь...

Но не всё то золото, что блестит. Яблочко оказалось отравленным.

В книге С.С. Гейченко «Завет внуку» есть рассказ, который называется «Яблочко». В нем легендарный хранитель Заповедника рассказывает о яблоне, которую собственноручно посадил напротив своего дома в Михайловском. Повествуя о ней, автор вспоминает также о сказке, услышанной А.С. Пушкиными от Арины Родионовны:

«Я давно приметил, что яблонево дерево, расстающееся с яблоками, старается сокрыть хоть одного своего детенышка, спасти его от жадных человеческих рук. Прячет дерево своего последыша, помогают ему все сучья, ветки, листья... Ловко прячут, сразу ни за что не найдешь!

Долго висело последнее яблочко на моей яблоне. Где оно было спрятано, знали лишь яблоня и я. Всё смотрел я на дерево и ждал того часа, когда яблочко заклюет свиристель или украдет сойка...

И вот однажды пришел в сад сторож. Долго и хитро разглядывал он каждое дерево, особенно мою старую яблоню. Тряс сучья, работал пронырливо и настойчиво. Знал, что есть у яблоня свой завет... Глядел, глядел и всё-таки высмотрел, нашел то, что искал. А яблочко-то уже было не простое: «Соку спелого полно, Так свежо и так душисто, Так румяно-золотисто. Будто медом налилось! Видны семечки насквозь...» Схватил сторож торопливо яблоко и исчез за углом.

— Эй, стой, куда ты? — крикнул я ему вдогонку.

Он повернул назад, подошел к моему окну и усмехнулся весело:

— Здравствуйте, а я яблочко нашел!

— Вижу, вижу... Приятного тебе аппетита, — ответил я и отвернулся.

За окном моей хижинки стоит старая бедная яблоня. Она совсем голая. Голо и пусто всё вокруг.

Голо, пусто и в сердце моем. Так бывает всегда поздней осенью, когда приближается первоснежье».

В девятнадцатом веке яблоневые сады у крестьян были большой редкостью, что, впрочем, не давало повод к унынию, так как *съешь и морковку, коли яблочка нет*.

И еще о яблоках и народной мудрости. В 1817 году друг Пушкина П. Вяземский написал стихотворение «Первый снег». В нем есть такие строки:

...По жизни так скользит горячность молодая,
И жить торопится, и чувствовать спешит!

Это произведение так понравилось Александру Сергеевичу, что вторую строку он ввел в качестве эпиграфа к первой главе романа «Евгений Онегин». Его герои, Татьяна, Онегин, Ленский, тоже молодые, порывисты, иногда упрямы и бесшабашны — *молодой на битву, а старый на думу, молодость плечами покрепче, старость головой*. С возрастом характер и поведение людей существенно меняется, так как *всякое семя знает свое время*. Поэтому *не срывай яблока, пока зелено: созреет, и само упадет*. В 1829–1830 годах была написана последняя глава романа «Евгений Онегин». Произведение «выросло», «созрело» и «упало» в руки восторженных читателей:

Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто вовремя созрел...

Созрев, любое яблоко, обыкновенное и сквозное, в соответствии с законами физики опадает не где-нибудь «за морем» или «у черта на куличках», а под своей материнской яблоней. Отсюда возникла поговорка *яблоко от яблони недалеко падает*, означающая, что дети своим поведением, обликом и поступками похожи на своих родителей. Близкие по смыслу поговорки представлены в «Толковом словаре» В.И. Даля: *мимо яблоньки яблочко не падает; яблоко от яблоньки не далеко откатывается; от яблоньки яблочко, а от ели шишка; от худого семени не жди доброго племени; от доброго дерева добрый и плод; по семени племя; по семени и плод.*

В 1825 году в Михайловском Пушкин написал драму «Борис Годунов». В завершающих строках произведения автор излагает диаметрально противоположные варианты «мнения народного» по отношению к оставшимся в живых царским детям. В ремарке «Голоса из толпы» одним по-человечески жаль невинных «отпрысков»: отец «был злодей, а детки невинны». Другие говорят поговоркой *яблоко от яблони недалеко падает* и проклинают весь род Годуновых.

Нельзя не вспомнить еще об одном местном лесном деликатесе. Это — орехи. О них, среди прочего, Пушкин упоминает в «Истории села Горюхина»: «Нет недостатка в орехах, клюкве, бруснике и чернике. Грибы произрастают в необыкновенном количестве; жаренные в сметане представляют приятную, хотя и нездоровую пищу. Пруд наполнен карасями, а в реке Сивке водятся щуки и налимы». Речь идет о тех же орехах, о которых поэт упоминал в письме Н.Н. Пушкиной 29 сентября 1835 года: «Я провожу время очень однообразно. Утром дела не делаю, а так из *пустого в порожнее* переливаю. Вечером езжу в Тригорское, роюсь в старых книгах, да орехи грызу». По-видимому, осенью 1835 году в Псковской губернии был большой урожай орехов, так как *урожая на орехи двух лет сряду не бывает.*

Орехи, которые растут в окрестностях Михайловского, называют «лещиной». Не следует, кстати, путать «лещину» с «лощиной». Лещина — орех, а лощина — «овраг с пологими склонами», о чем в стихотворении «Тригорское» в 1826 году писал поэт Николай Языков:

Там, у раздолья, горделиво
Гора трихолмная стоит;

На той горе, среди лощины,
Перед лазоревым прудом,
Белеется веселый дом
И сада темные картины,
Село и пажити кругом.

Не исключено, что Пушкин «грыз» в Тригорском лещину, растущую в лощине. Но тогда это уже не пословица, а скороговорка. Правда, бывали скороговорки и посложнее — *полчетверта четверика гороху, без червоточинки*. В том, что Пушкин «грыз орехи» именно в Тригорском, дамском «цветнике» и «малиннике», нет ничего удивительного, так как *орехи — девичьи потехи*.

В Пушкинском Заповеднике в больших количествах живут главные «орехоманы» — белки. В книге С.С. Гейченко «У лукоморья» есть рассказ о бельчонке Ванечке. Рассказ называется «Пушкинская белочка». Правда этот бельчонок, хотя и назван «пушкинским», не имеет никакого отношения к белке из «Сказки о царе Салтане»:

Белка песенку поет,
Золотой орех грызет,
Изумрудец вынимает
И в мешечек опускает;
И засеян двор большой
Золотою скорлупой...

В пословице *для потехи грызет орехи* процесс поглощения орехов предстает несерьезным, легкомысленным занятием. Но это не о Пушкине, который не только грызет орехи, но и с головой окунается в чтение книг. И не о его сказочной белке, чьи «потехи» обеспечивают благосостояние сказочного острова Буяна.

О белках и орехах писал не только Пушкин, но друг Александра Сергеевича баснописец И.А. Крылов. В басне «Белка» речь идет о зверьке, ждавшем награды за труды так долго, что в конце концов эта самая награда стала не нужной. Мораль сей басни такова:

...Отставку Белке дали,
И точно, целый воз орехов ей прислали.
Орехи славные, каких не видел свет;

Все на отбор: орех к ореху — чудо!
Одно лишь только худо —
Давно зубов у Белки нет.

В.И. Далю так понравилось это поучительное произведение, что, слегка его укоротив и подправив, он внес его в свой сборник русских пословиц и поговорок — *дали орехов белке, когда зубов не стало (Крылов)*.

Напомним, что орехи находились в ведении всё той же Помоны, римской богини фруктовых и ореховых деревьев. Она была нимфой. Статусом повыше была богиня по имени Флора. В 1831 году А.С. Пушкин жил в Царском Селе. Известно, что поэт много путешествовал по живописным окрестностям. Бывал он и в так называемой Александровой Даче. Здесь он мог любоваться скульптурами обеих покровительниц садов, ягод, орехов и цветов в павильоне храма Флоры и Помоны. Как, находясь в обществе двух богинь, было не вспомнить юношеское стихотворение «Послание Юдину», написанное в духе изящной античной поэзии:

На холме домик мой; с балкона
Могу сойти в веселый сад,
Где вместе Флора и Помона
Цветы с плодами мне дарят,
Где старых кленов темный ряд
Возносится до небосклона,
И глухо тополя шумят, —
Туда зарею спешаю
С смиренным заступом в руках,
В лугах тропинку извиваю,
Тюльпан и розу поливаю —
И счастлив в утренних трудах;
Вот здесь под дубом наклоненным
С Горацием и Лафонтеном
В приятных погружен мечтах.
Вблизи ручей шумит и скачет,
И мчится в влажных берегах,
И светлый ток с досадой прячет
В соседних рощах и лугах.

Но вот уж полдень, — В светлой зале
Весельем круглый стол накрыт;
Хлеб-соль на чистом покрывале,
Дымятся щи, вино в бокале,
И щука в скатерти лежит.
Соседи шумною толпою
Взошли, прервали тишину,
Садятся; чаш внимаем звону:
Все хвалят Вакха и Помону
И с ними красную весну.

Тяжелую работу в поле выполняли, по преимуществу, мужчины. Более легкую, при сборе урожая, женщины — *где пахарь плачет (от усиленной работы), там жнея скачет (хороший урожай)*. В саду и огороде также трудились представительницы слабого пола. Поэтому не случайно в популярной народной песне пушкинского времени «Во саду ли, в огороде» «девица» гуляет по саду и огороду, «сажает» и «поливает». Эту же песенку исполняет белка в «Сказке о царе Салтане». При этом она:

Золотой грызет орех,
Изумрудец вынимает...

Доказательством того, что белка «она», а не «он», является следующее обстоятельство. Драгоценные камни и золотые украшения, как правило, более характерны для женской бижутерии — *у девки уши золотом завешаны, всё красные девки золотом изошьют*.

Ал лал, бел алмаз, зелен изумруд. «Лал» — это рубин, или просто драгоценный камень. Ограненные рубины, алмазы и изумруды вставляли в перстни и любовались ими. Но бывало и так — *разорился парень бедный: купил девке перстень медный. Жаль, жаль, а пособить нечем!*

Двор

С «задов» деревни дорожка ведет в центр крестьянского двора. Здесь находятся жилой дом, постройки чистого двора и скотный двор. Как-то многовато дворов получается! Внутри большого двора

есть еще и маленькие. Как в матрешке! Разберемся в том, на каком дворе — трава, на каком — дрова, где — семья, а где свинья! В описях деревень, составленных местными писарями, под словом «двор» подразумевалась семья, имевшая собственный дом, хозяйственные постройки и надел земли. Так как в описи жителей деревни Бугрово от 1825 года отсутствует перечень их недвижимого имущества, обратимся к составленной в 1838 году «Описи с. Михайловского». В ней подробно перечислены не только имена владельцев, но и постройки крепостных крестьян, принадлежавших матери поэта Н.О. Ганнибал. Например, в небольшой деревне Каюхново, как и в Бугрове, было три крестьянских двора. В них проживали три крестьянские семьи. В первой хозяином числится Павел Иванов, хозяйкой его жена, Авдотья Иванова. При них дети: Петр, Федот, Пелагея, Матрена. Вместе с ними здесь также жил старший сын Пантелей Павлов, его жена Акуинья и дочь Акулина, а также «внуки Петра Михайлова Ефрем и Афросинья». Семья была большая и состояла из нескольких поколений родственников — *вся семья вместе, так и душа на месте*. У них было две избы, «истопка», «анбар», хлев, «ток с ирьем», две повети, баня. Это у писарей называлось «один крестьянский двор». Кроме семьи Ивановых, в деревне жили семьи Григорьевых и Афанасьевых, у которых тоже были свои избы, повети и хлева. Правда, баня — одна на всю деревню! Таким образом, получалось, что в деревне — три двора. Для Псковщины это уже почти что мегаполис, так как, например, в соседней деревне Цыблово жила всего одна семья в одном дворе. Жили без излишеств, скромно — *шуми, деревня: четыре двора, двое ворот, одна труба*. Но если включить воображение, которого у местных крестьян было в избытке, то станет двор, что город, изба, что терем.

Внутри этих «больших» дворов находились скотные дворы для животных. На чистых дворах располагались конюшня, повети и амбары. Как правило, фасады дома, скотного двора и амбара выстраивались в один ряд напротив улицы. Пространство между постройками «забиралось» бревнами-«заборниками», так как *изба крепка забором, а двор забором*. Псковичи — народ дружелюбный. Однако в течение веков местным жителям приходилось отражать нападения буйных соседей то с запада, то с востока. Поэтому заборы строили прочные — *с соседом дружись, а тын (забор) городи*. Руководствовались при этом пословицей, которую, скорей всего, не знали (пословица-то английская): *мой*

дом — моя крепость. Но кажущееся недоразумение жители растолковывали по-своему, с присущим местному наречию цоканьем: «*Опоцане — чисто англичане, только нареце на «ц».*

В «крепостной стене», точнее, в заборе, сооружались распашные ворота для повозок, а также калитка для людей — *двор обо двор, и калитка во двор.* Ворота были разные. Но в пословицах их размеры зависели не от величины транспортного средства, а от взаимоотношений хозяина и работника — *в боярский двор ворота широки, да вон узки.* Так говорили, чтобы предостеречь крестьян от кабалы, в которую они могли попасть, заключая договор с лукавым работодателем. Как в пушкинской «Сказке о попе и о работнике его Балде»! В подобные «ворота» предложил «войти» Балде поп — *толоконный лоб. Слава богу, Балда оказался не таким уж и балдой — думает плотник с топором, да писака с пером.* Как в ворота вошел, так и вышел. Что же касается расплаты за работу, то тут, как говорится, *скупой платит дважды!*

Двор еще называли «подворьем». Именно здесь оказалась героиня записанной в Михайловском «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях»:

...невеста молодая,
До зари в лесу блуждая,
Между тем всё шла да шла
И на терем набрела.
Ей навстречу пес, залая,
Прибежал и смолк, играя.
В ворота вошла она,
На подворье тишина.

Во всяком подворье свое поверье, гласит пословица. Действительно, быт братьев-богатырей отличался от жизни в царском дворце. Судя по тексту, они стояли на охране южных рубежей Русской земли, или, в переводе на современный язык, были пограничниками:

Перед утренней зарею
Братья дружною толпою
Выезжают погулять,
Серых уток пострелять,
Руку правую потешить,
Сорочина в поле спешить,

Иль башку с широких плеч
У татарина отсечь,
Или вытравить из леса
Пятигорского черкеса.

В другой пословице фигурирует слово «задворье» — *ждали из заморья, а прибыл из задворья*. Речь в данном случае идет о завышенных ожиданиях и живущем по соседству неказистом женихе.

Летом во дворе было шумно: кони ржали, гуси гоготали. Последние были своей особой псковской породы. Им посвятил свою новеллу «Белая слава псковских гусей» С.С. Гейченко: «С древних времен на Псковщине была своя порода домашних гусей. Они назывались «псковские лысые» и отличались вкусным мясом, добротным чистым пером, мощными красными лапами и большой лысой головой на длинной шее. У жителей столицы они пользовались большой славой. На Сенной площади Петербурга был даже особый торговый ряд, в котором продавали только псковских гусей. Разводили гусей на Псковщине повсеместно, в том числе и в Святогорье. Были они в фаворе и у помещиков, и у простых крестьян, в особенности тех, что жили вблизи рек Сороти, Великой, Луговки, Кучановки».

Именно псковский гусь стал одним из действующих «лиц» пушкинского романа. В сороковой строфе четвертой главы автор рисует картины, характерные для поздней осени:

Гусей крикливый караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.

Далее, в сорок второй строфе, наступает зима:

На красных лапках гусь тяжелый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лед,
Скользит и падает...

«Трещат морозы», замерзает река. Дикие гуси давно улетели в «заморье», а домашний остался зимовать на своем «подворье».

Гуси свободно разгуливали по двору, уходили на реку, на пруд. Другие домашние животные зиму коротали в хлевах. Летом покидали свои «жилища» и под присмотром пастухов щипали свежую травку на лугах. Главными «хлеwnыми» затворниками были свиньи — *где свинье на небо глядеть! где тому бывать, свинье на небо видать; не видать свинье неба*. Оттого-то *гусь свинье не товарищ*.

Непременно в крестьянском дворе находилась сторожевая собака. Присутствует она и в упомянутой выше сказке:

Ей навстречу пес, залая,
Прибежал и смолк, играя.
В ворота вошла она,
На подворье тишина.
Пес бежит за ней, ласкаясь...

Понятно, что в сказке со счастливым концом и собака должна быть счастливой — *добрый пес на ветер не лает*. Защищая хозяйку и спасая хозяев, Соколко умирает — *стар пес, да верно служит*. «Дворовыми» считались не только гуси и собаки, но и мужики, «домашними» — женщины и кошки. Потому что *мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка всегда в избе*.

В годы нашествий на Псковскую землю соседей-захватчиков хозяйства крестьян разорялись, люди покидали родные места, дома пустовали и разрушались. Сюда приходили новые обитатели *пустой хоромины* — *либо сын, либо сова, либо бешена собака*. Таким же, брошенным на произвол судьбы, предстал перед журналистом К.А. Тимофеевым дом поэта в Михайловском в 1859 году: «...И вот через 22 года после смерти поэта крыша провалилась, балки перегнили, потолок обрушился; под стропилами, на перекрестке двух жердей, в углу сидит сова, эмблема мудрости, единственная поэтическая принадлежность».

Конюшня

В 1827 году Пушкин посвятил лошадям, конюшне, а также нечистой силе стихотворение «Всем красны боярские конюшни...»:

Всем красны боярские конюшни:
Чистотой, прислугой и конями;
Всем довольны добрые кони:

Кормом, стойлами и надзором.
Сбруя блещет на стойках дубовых,
В стойлах лоснятся борзые кони...

В добром житье кудри вьются, в худом секутся. У доброго и заботливого хозяина нрав у лошадей спокойный и покладистый — *от хозяйского глаза и конь добреет.* А если взбрыкнул, то *добрую лошадь одной рукой бей, другую слезы утирай.* Но *не каждый конь ко двору приходится.* Александр Сергеевич к этим благородным животным относился с уважением и любовью. Причем барской ласки удостаивались животные всех лошадиных «сословий». Мария, дочь Прасковьи Александровны Осиповой, вспоминала, что в Тригорское Пушкин приезжал «...обыкновенно верхом на прекрасном вороном аргамаке, а то, бывало, приволочится на крестьянской лошаденке».

В 1826 году в Михайловское приехал тайный агент А.К. Бошняк, посланный сюда для проверки благонадежности опального поэта. От местных жителей он узнал, что Пушкин: «...иногда ездит верхом и, достигнув цели своего путешествия, приказывает человеку своему отпустить лошадь одну, говоря, что всякое животное имеет право на свободу». Заметим, что в «Сборнике» В.И. Даля нет ни одного фразеологизма со словом «свобода». Его синонимом в крестьянской речи было слово «воля». Поэтому выражение «Всякое животное имеет право на свободу» может быть «переведено» как *белый свет на волю дан.* В «Толковом словаре» В.И. Даль так объясняет, что такое свобода: «Своя воля, простор, возможность действовать по-своему; отсутствие стеснения, неволи, рабства, подчинения чужой воле». Понятно, что подобная трактовка слова портила в целом положительную характеристику помещика Пушкина. Воля волей, свобода свободой, но лошади еще и хороший сытный корм любят. Причем не только травушку-муравушку и сено, но и кое-что посуше — *скотину гладь не рукой, а мукой; не рукой гладь, мешком.*

Случалось так, что *не каждый конь ко двору приходится.* Всё дело в характере животного — *молода лошадь, да норов стар.* Это наблюдение может быть соотнесено с характером человека — *молода годами жена, да стара норовом.*

В пушкинском стихотворении происходят загадочные события. По утрам:

Конь не тих, весь в мыле, жаром пышет,
С морды каплет кровавая пена.

Причина сей беды кроется не в норове коня, а в удали молодца, влюбленного в красну девицу. Молодой конюх ездит к своей «любушке» по ночам. В эту пору *лошадь человеку крылья*. Старый конюх забыл, что такое любовь. Поэтому винит во всём домового, которому лошадь *серая (негая, саврасая) не ко двору приходится*.

Ах ты, старый конюх, неразумный,
Разгадаешь ли, старый, загадку?

Разгадка таится в пословицах. *Старый хочет спать, а молодой — играть*, поэтому старому неведомо, что происходит в конюшне по ночам. Легче всё свалить на нечистую силу, так как *старые дураки глупее молодых*. Но закон жизни таков, что *старое стареется, а молодое растет*, поэтому есть надежда на то, что *молод — перебесится, стар — не переменится*.

Иногда «верный товарищ» превращался в носителя опасности и даже смерти — *лошадь холь, корми, как сына, а берегись, как ворога (как вора)*. Лошадь — друг, но бессловесный. Зайдет что-то в голову, а поделиться с хозяином своими печальями не может. Поэтому «изъяняется» на языке жестов: то лягнет, а то и укусит — *козла спереди бойся, коня сзади, а злого человека со всех сторон*. Голова коня тоже могла принести несчастье, поэтому коню *не верь: кобылью голову найдешь и ту зануздай*.

В пушкинской «Песни о вещем Олеге» некий волхв предсказывает князю смерть от коня. Правда, предсказатель не уточняет, как это произойдет:

Твой конь не боится опасных трудов:
Он, чуя господскую волю,
То смирный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю,
И холод и сеча ему ничего.
Но примешь ты смерть от коня своего.

Олег приходит на могилу уже бездыханного друга, предсказание сбывается:

Из мертвой главы гробовая змия
Шипя между тем выползала;
Как черная лента, вокруг ног обвилась:
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Смерть приходит не от самой лошади, а опосредованно, от укуса ядовитой змеи. На то она и *из куста шипуля за ногу тупуля*. Но змея змее рознь. В псковских говорах уж — это «уж», гадюка — «гад», «змея», «поганик рябый». В семье *жена да муж — змея да уж*.

О дурном коне говорили: *конь о четырех ногах, да спотыкается*. О плохом наезднике — *ногой в стремя, да обземь темем — и бойко, да не споро*. Пушкин был опытным наездником, поэтому к любым падениям, в том числе с коня, относился весьма чувствительно. 28 января 1825 года он писал П.А. Вяземскому: «Пишу тебе в гостях с разбитой рукой — упал на льду не с лошади, а с лошадыю: большая разница для моего наезднического честолюбия». Правда, в данном случае причиной падения стало не отсутствие профессиональных навыков, а пренебрежение правилами техники безопасности:

В глуши что делать в эту пору?
Гулять? Деревня той порой
Невольно докучает взору
Однообразной наготой.
Скакать верхом в степи суровой?
Но конь, притупленной подковой
Неверный зацепляя лед,
Того и жди, что упадет.

В пословице речь идет о том же — *спотыкается и конь, да поправляется; конь о четырех ногах, да спотыкается*.

В романе «Евгений Онегин» присутствует еще один «падший» с коня наездник:

И то сказать, что и в сраженье
Раз в настоящем упоенье
Он отличился, смело в грязь
С коня калмыцкого сваясь,
Как зюзя пьяный, и французам
Достался в плен: драгой залог!
Новейший Регул, чести бог.

«Наездник» — это секундант Онегина, в прошлом «буян, картежной шайки атаман» помещик Зарецкий. «Зюзя» в псковских говорах —

«свинья». Падение с лошади в грязь означает, что наездник *напился, как свинья*. В «Сборнике» В.И. Даля есть близкие по содержанию поговорки: *дома Илья, а в людях свинья* или *свинья найдет грязь*. Есть здесь и поговорки, осуждающие женщин, — *пьяная баба свиньям прибавя*. А есть фразеологизм, почти дословно передающий «подвиги» Зарецкого: *да не все разом (сказал хмельной казак, который полез на коня, прося помощи угодников, и перекинулся через седло наземь)*. О псковских корнях слова «зюзя» на страницах книги «В глубь поговорки» В.М. Мокиенко пишет: «Трудно придумать более русское сравнение. И действительно, кто бывал на Псковщине, тому, быть может, довелось слышать словцо «зюзя» не только в применении к пьяницам. «Зюзя», «зюха», «зюзька», «зюшка» — так там называют свиней. Вывалялся в грязи, зюзя зюзей! — говорят псковские родители своему неаккуратному ребенку. Сравнение понятно: *напился как свинья, измарался в грязи как свинья*. Ничего оригинального! Просто перевод с «псковского» на «русский литературный».

Падение с лошади — дело привычное как для крестьян, так и для дворян: *кто бывал на коне, тот бывал и под конем; хотелось на коня, а досталось под коня; счастье на коне, несчастье под конем*. На самом деле, не виноват ни конь, ни его хозяин, так как *не конь везет, бог несет*.

На стенах конюшни висит лошадиное снаряжение. Это хомуты (*с хвоста хомута не надевают*); вожжи (*на ретивого коня не кнут, а вожжи*); дуга и сбруя (*дуга золоченая, сбруя ременная, а лошадь не кормленая*). Здесь же находится «ботало», звонкое «ожерелье» для коров. Полный комплект конской амуниции назывался «обороть» (вариант — «оброть»). В пятой главе романа «Евгений Онегин» есть известные всем строки:

...В салазки жучку посадив,
Себя в коня преобразив...

Дворовый мальчик во время Святков перевоплощается в коня. Ряжение являлось обязательным элементом святочного «маскарада». Но для того, чтобы преобразиться в коня, недостаточно посадить на свое место собаку и весело «нарезать» круги по аллеям Михайловского парка. По законам жанра следовало еще и внешне походить на животное. Автор ничего не говорит ни о «лошадиной» маске, ни о сбруе или хомуте. Зато он дает подсказку относительно «конского наряда» мальчика. В известном всем печатном варианте Пушкин употребил слово «преобразив». Но первоначально в черновике было «оборотив». Но «оборотить»

и «оборотиться» в данном случае вовсе не означает, что герой превратился в оборотня. Надеть «оброть» — значить надеть на себя ездовые конские принадлежности. То есть поступить так, как о том говорится в пословице: *взяли лошадь — возьмите и оброть*.

Повесть (возовня)

Повесть (возовня) — это крестьянский гараж XIX века. Здесь хранились средства передвижения. В большой стране большие расстояния, поэтому без них как без рук. В центре экспонируется традиционное зимнее транспортное средство на полозьях, по поводу которого пословица гласит: *мужицкие сани да дровни — те ж ровни*. «Средство» — одно, а названий два. Этот фразеологический парадокс объясняется следующим образом. Когда ехали люди — это называлось «сани». Отсюда, кстати, появилась пословица, вынесенная впоследствии А.Н. Островским в название комедии «Не в свои сани не садись». Та же пословица фигурирует в «Сказке о рыбаке и рыбке»:

Старика взашей затолкали.
А в дверях-то стража подбежала,
Топорами чуть не изрубила,
А народ-то над ним насмеялся:
«Поделом тебе, старый невежа!
Впредь тебе, невежа, наука:
Не садися не в свои сани!»

Эта пословица не столько о людях, сколько о «табели о рангах», существовавшей в России.

Когда зимой крестьяне вывозили из лесу дрова, «сани» превращались в «дровни». А где дровни, там и Пушкин. Точнее, строки из пятой главы романа «Евгений Онегин»:

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысю как-нибудь.

Уяснив причинно-следственную связь между крестьянскими терминами, временами года и количеством перевозимого груза, посетителю легче понять, куда едет «торжествующий» крестьянин: в лес за хворостом и дровами. По состоянию саней-дровней зачастую определяли хозяйственность крестьянина — *каковы сани, таковы и сами*. Судя по тому, как пушкинский крестьянин уверенно, без поломок, «обновляет путь», становится понятным, что руководствовался он мудрым наставлением: *готовь летом сани, а зимой телегу*.

В том же «гарaje» экспонируется обыкновенная телега. В пословице *телега хлеб в дом возит, сани на базар* говорится о том, что летом на телегах в амбары привозили обмолоченное зерно. Поздней осенью, когда дороги покрывались твердым настом, ездили на ярмарки за привозным товаром в санях. Главной осенней ярмаркой в Святогорье считалась Покровская. Сохранилось ее описание, сделанное игуменом Иоанном: «В Святогорский монастырь... перед праздником Покрова Богоматери, когда бывает крестный ход вокруг монастыря, издавна собирается несметное количество народа: одни для того, чтобы помолиться Царице Небесной и излить перед Нею все свои скорби и радости и принять участие в крестных ходах, а другие для удовлетворения своих многообразных житейских нужд». На телегах местные крестьяне приезжали на летнюю ярмарку, происходившую в конце мая и знаменитую тем, что однажды поэт явился сюда облаченным в народный костюм.

Переход от зимнего транспорта к летнему зачастую соотносился с приметам природного календаря — *овсянка запела веснянку: «Покинь санки, возьми воз!»*

Слово «воз» обозначает телегу, груженную всякой всячиной. Тем же словом, наряду с дровнями, называли зимние грузовые сани. Однако если названия «дровни» и «сани» в большей степени сигнализируют о содержании груза, «воз» характеризует его количество. «Воз» — это всегда много. Отсюда, в частности, на контрасте между большим возом и маленьким «человечком», возникают нотки сочувствия автора стихотворения «Крестьянские дети» Н.А. Некрасова к своему юному герою:

Однажды, в студеную зимнюю пору
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И шествуя важно, в спокойствии чинном,

Лошадку ведет под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!

Стремление зараз, за один раз, в один раз, одним приемом, махом, разом; вдруг, вместе, дружно, тотчас, сейчас, сию минуту, мигом перевезти как можно больше груза влекло экономические издержки. В дороге часть собранного в лесу хвороста или обмолоченной в гумне соломы осыпалась. Это привычное для дурных дорог и ленивых возниц обстоятельство лежит в основе пословицы *что с возу упало, то пропало*. Ее вспоминает герой повести Пушкина «Станционный смотритель» Самсон Вырин: «Ваше высокоблагородие!.. сделайте такую божескую милость!..» Минский взглянул на него быстро, вспыхнул, взял его за руку, повел в кабинет и запер за собою дверь. «Ваше высокоблагородие! — продолжал старик, — что с возу упало, то пропало: отдайте мне, по крайней мере, бедную мою Дуню. Ведь вы натешились ею; не погубите ж ее понапрасну». — «Что сделано, того не воротишь, — сказал молодой человек в крайнем замешательстве...»

«Сущий мученик четырнадцатого класса», смотритель почтовой станции, по сути, большой воеводи, излагает свою «правду». По воле автора и вовсе не случайно в своей речи он употребляет профессиональную лексику, связанную с перевозками, возами и возничими. Однако в целом народная пословица в пушкинской интерпретации приобретает дополнительные смыслы. «Упало», «пропало», но не совсем и не окончательно. «Пропало» только то, что связано с моралью, принятой в крестьянской среде. О том, что дочь рано или поздно должна будет покинуть родительский дом, сыграть свадьбу, выйти замуж, смотритель, конечно же, знал, поскольку *дочь — чужая добыча*. Кроме того, у *батюшки девка промеж пальчиков, у мужа в руках*. Поэтому *пока ветры не обвеяли да собака не облаяла, отдавай*. Но в данном случае не были соблюдены обычаи: дочь не спросила благословение отца, сбежала, не попрощавшись, забыла отчий дом и пословицу *помни своих, не забывай наших!* От неизвестности возникает тревога, а в голову лезут дурные мысли — *милому дитятке да горькая часть*. Уже потом выяснится, что «похищенная» Дуняша абсолютно довольна новой жизнью. Кто самый несчастный в этой истории? Одиноким отец, «сущий мученик».

Дворянин Минский отвечает на пословицу Самсона Вырина пословицей, у которой есть множество близких по смыслу вариантов: *что*

о том тужить, чего нельзя воротить (или: чему нельзя пособить)? чего не воротить, про то лучше забыть; потерянного не воротить; что про то говорить, чего нельзя воротить? о чем том тужить, чего нельзя воротить; перестань о том тужить, чему нельзя пособить; времени не поворотить; чего не можно возратить, то лучше позабыть. В книге «Русские пословицы, собранные Ипполитом Богдановичем», изданной в 1785 году, присутствует рифмованный вариант:

Прошедшего не возратить,
А думай, как на предке жить.

Минский *сказал, как отрезал*. Причиной его смущения становится неожиданная встреча, а вовсе не угрызения совести. Ведь он осчастливил Дуняшу! Что же касается до ее отца и его внутренних переживаний, то это уже не проблема героя пушкинской повести, а предмет филологических исследований на тему «маленького человека в русской классической литературе» — *времени не поворотить, всё минется, одна правда останется*.

Пословица *что сделано, того не воротить* близка по смыслу большому количеству пословиц, снятых собирателями фольклора «с языка» носителей. Вариант, присутствующий в пушкинской повести, отличается от других наличием слова «сделано». Из чьих уст Пушкин мог слышать этот уникальный вариант, нам неизвестно. Поэтому мы вправе предположить, что слово было вставлено в пословицу самим автором. История этой пушкинской «вставки» представляется весьма любопытной.

Известно, что, находясь в Михайловском и создавая драму «Борис Годунов», Пушкин перечитывал творения В. Шекспира, в частности, драму «Ричард III». Известно также о попытках перевода поэтом с английского языка на русский. В четвертой сцене четвертого явления король Англии говорит:

...Что сделано, того не воротить,
И люди ошибаются нередко,
Чтоб каяться в своих делах потом.
У сыновей твоих я отнял царство,
Но каюсь я — и дочери твоей
Венец я предлагаю...

Английский оборот «What is done cannot be undone» переводится как «что сделано, того не переделаешь» и «сделанного не воротишь». Так же мог прочитать эту фразу Пушкин, а затем вложить ее в уста дворянина Минского.

В «Плане истории русской литературы» (1834) присутствует пункт «Сказки, пословицы: доказательство сближения с Европою». Может быть, пословица из пушкинской повести является доказательством этой близости?

Примечательно, что в переводах драмы Шекспира, осуществленных Г.П. Данилевским и А.В. Дружининым во второй половине XIX века, монолог Ричарда III начинается с пушкинского перевода фразы, ставшей пословицей: «*Что сделано, того не воротить*».

Слева у стены стоят беговые санки. Для беззаботных помещиков катание на подобных доморощенных «буранах» было связано с приятными прогулками в обществе дам. Друг Пушкина П.А. Вяземский в стихотворении «Первый снег» писал:

Счастлив, кто испытал прогулки зимней сладость!
Кто в тесноте саней с красавицей младой,
Ревнивых не боясь, сидел нога с ногой,
Жал руку, нежную...

Действительно, вольготно в узких беговых санках не разместишься! Но, как говорится, *в тесноте, да не в обиде!* Автор «Евгения Онегина», восхищенный поэтической силой стиха, вторил собрату по перу:

Другой поэт роскошным слогом
Живописал на первый снег
И все оттенки зимних нег:
Он вас пленит, я в том уверен,
Рисую в пламенных стихах
Прогулки тайные в санях...

О тех же приятных чувственных мгновениях, которые дарит русская зима, рассказывает поэт в стихотворении «Осень»:

Сурово зимой я более доволен,
Люблю ее снега; в присутствии луны

Как легкий бег саней с подругой быстр и волен,
Когда под сободем, согрета и свежа,
Она вам руку жмет, пылая и дрожа!

Для крестьян *холодная зима — благодать*, так как предвещает урожай. Для поэтов мороз и холод — к страсти повод (*в зимний холод всякий молод*).

В повети к стене прислонена борона, предназначенная для обработки почвы. Сюда ее ставили на зиму для защиты от дождя и снега. Борона — это один из двух «китов», на которых держалось крестьянское хозяйство: ткачество и землепашество. Свидетельство тому русская поговорка: *иглой да бороной деревня стоит*. Ленивый хозяин мог использовать бороны в качестве затвора — *я ли не хозяин, у меня ль ворота не бороной запираются?* А еще деревенские шутники могли посоветовать не следящему за своей внешностью соседу: *возьми бороны да расчеши бороду!* Подобный «совет» мог получить сам Пушкин. Как известно, поэт носил бакенбарды. Но так как *бурды (бакенбарды) косматы, а без шубы нельзя*, находясь в деревне поэт «утеплялся» — «дорацивал» свои дворянские бакенбарды до состояния бороды. Но о том, как Пушкин бороду растил, мы расскажем в доме крестьянина.

Амбар

В амбарах хранилось самое ценное крестьянское «имущество» — зерно. Существовало еще одно древнее название этой постройки — «житница», произошедшее от слова «жить». Это слово встречается в исторической драме А.С. Пушкина «Борис Годунов»: «Я отворил им житницы, я злато рассыпал им». Внутри житницы находились «сусеки», «засеки», «закрома». Названий несколько, а суть одна: внутри помещения огораживали досками место, куда ссыпали привезенное из гумна зерно. В Псковской губернии чаще употребляли слово «закрома». Слово произошло от глагола «закромить», или «огородить». Даже в центре Пскова находится Кром. Поэтому защитники крепости во время осады Крома, по сути, находились внутри прочных каменных «закромов».

Зимой довольные хлебопашцы лежали на печи, ели калачи, плясали до ночи. Радовались напитому за лето и осень, так как *полны сусеки, богатый мужик*. Проходили дни, недели, месяцы. К весне закрома опустошались до дна — *зимой без шубы не стыдно, а холодно*;

а в шубе без хлеба и тепло, да голодно. Хлеб — наше богатство, гласит пословица. А если зерна нет, то и хлеба нет. Такая вот диалектика: что в апреле зародится, в июне — июле расцветет, созреет, а в августе в закрома и амбары схоронится, в долгую зиму дотла подберется. В зависимости от региона и рачительности хозяина сусеки опустошались в разное время — в середине весны (апрельские ветры в закрома дуют) и в начале лета (июнь, в закрома дунь: нет ли жита по углам забыта).

Сейчас слово «сусеки», как правило, вспоминают в связи со сказкой о Колобке: «По сусекам поскребли, по амбару помели...» Мало кто задумывается о том, зачем деду и бабке понадобилось скрести и мести в амбаре, когда можно было просто-напросто зачерпнуть зерно деревянным ковшиком, насыпать в мешок или кадушку и отнести в избу. *Ларчик открывается просто*: зерно закончилось, поэтому «родителям» Колобка пришлось соскрести мучную пыль со стенок сусеков или внутренней поверхности кади и выметать из щелей застрявшие зернышки. Запасы зерна на Псковщине заканчивались, как правило, поздней весной. Тогда-то и следует отмечать день рождения псковского Колобка! Стоит задаться и таким вопросом: кто такой Колобок, человек или пицца? И то, и другое, так как *человек из еды живет*.

В Псковской губернии «колобком», «колобом», «колобаем», «колобкой» и «колобашкой» называли мучные изделия из пшеницы, ячменя и ржи. По праздникам, в Егорьев день, местные крестьяне пекли колобки. На Сороки — колобашки. Окающие соседи-вологодцы словом «колобашка» называли кухонную посуду, «грубо обделанную деревянную чашу, миску, черпачок», в Сибири, где отбывали каторгу друзья Пушкина декабристы, «калабашкой» звалась «лепешка, хлебный ком, хлебец из поскребков». Петухов с кривыми ногами псковичи называли «колабкими»: «В твоём пятуне ноги колабкие». О холеной упитанной корове говорили «колобенчатая». Толстого неуклюжего человека звали «колобухой», «колобом» или «комом». «Колобаем» звали «булку округлой формы». Причем эта булка была говорящей, так как «колобоить» означало «болтать, врать, молоть вздор», а «колобоиться» — «дурачиться, шалить». Выражение «печь колобы» означает «острить, шутить, балясничать». Сказочный Колобок тоже острил, шутил и балясничал! Невысокую женщину псковичи звали калобкой и колобушкой. Однако Колобочек в псковских говорах — это вовсе не сын *Калобки*, а всего лишь «клубок ниток или шерсти». Но это уже совсем другая история, отчасти связанная с няней Пушкина Ариной Родионовной.

Вид опустевших амбаров вселял в крестьян тревогу: будет ли новый урожай столь же полновесным, как прошлогодний? Поэтому говорили: *верь всходам, как зерно в закром засыплешь или хвались урожаем, когда рожь в засеку посыплешь!* К весне заканчивался яровой хлеб, посаженный летом. По наблюдениям крестьян 29 мая, на день святого Феодосия, начинала колоситься озимая рожь, посаженная осенью. В промежутке наступали голодные дни, так как *хлеб поспеваает из закрома в закром в восемь недель*. Озимые поспевали только на следующий год. Поэтому подрастающим чадам объясняли: *осенней озими в закром не сыплют. Дай срок, что умолот скажет*.

Пушкин, живя в Михайловском, хозяйственными делами не занимался. Но не потому, что *перо сохи легче*. А потому, что торопился — и жить, и чувствовать, и стихи писать. Этим на жизнь и зарабатывал. Хозяйством же занимались приказчики.

В отличие от крепостных крестьян, дворовым не позавидуешь. И кучер Петр Парфенов, и прочие обитатели сельца Михайловского, переходя из крепостных в дворовые, лишались собственного хозяйства — *тянулся с барами, да распроцался с анбарами*. Зато они стали «свидетелями», «очевидцами» и «современниками» великого поэта. Много любопытного порассказали приезжавшим сюда любителям литературы. А поскольку *хороший рассказчик — плохой приказчик*, жили бедно, но счастливо!

Отсеки в закромах назывались «карманами». Так же, как карманы на одежде купцов или помещиков. И здесь, и там хранились ценные вещи: монетки и зерно. Но ценность «амбарных» карманов была выше — *нет в кармане, да есть в анбаре*. Оно и понятно, откуда у крестьянина деньги, если он жил натуральным хозяйством! Когда амбарные карманы опустошались, приходилось играть словами — *в одном кармане пусто, в другом нет ничего*.

Многим известна пословица у *любопытной Варвары нос оторвали*. Эта же загадочная Варвара в других пословицах предстает не только любопытной, но и вороватой — *пошел было по хлеб к Варваре, да нашел у себя в анбаре, прогнали Варвару из чужого анбара*. Да простят современные Варвары наших словоохотливых предков, которые при создании пословиц больше думали о рифме, нежели об имени!

Содержимое суеков влекло к себе, кроме вороватых Варвар, вездесущих вредителей — мышей. В пушкинском прологе к поэме «Руслан и Людмила» среди прочих персонажей присутствует «кот ученый». Одна-

ко в реальной жизни главной кошачьей «наукой» была наука побеждать мышей, главных расхитителей содержимого сусеков. Об обиженном человеке говорили: *раздулся (дуется), как мышь на крупу*. Мышей раздувало не от обиды, а от зерна, уворованного из амбара. От мышей спасали кошки, ласки и ужи. От «Варвар» — замки. Один для амбара, другой для дома — *черненькая собачка свернувшись лежит; не лает, не кусает, а в дом не пускает и маленький, пузатенький весь дом бережет*.

Напротив приземистых построек чистого хозяйственного двора стоит высокий двухчастный дом псковского крестьянина. Дом состоит из двух изб, соединенных сенями. Сначала крестьяне ставили, как правило, черную курную избу. Окна в подобных избах были маленькими. Наряду с окнами для света в стенах прорубались небольшие отверстия, которые назывались волоковыми окнами. Поднакопив денег (в *мошине густо, так и дома не пусто*), обретя друзей (*сделав другу добро, себе жди того же*), прожив с женой и детьми годы (*жена ль моя не баба, дети ль мои не ребята*), хозяин напротив курной избы строил более современную. Окна в подобных избах были побольше и назывались «косячатыми», а на крыше красовалась кирпичная труба. Процесс перехода от курных изб к избам «по-белому» зафиксировал А.С. Пушкин в очерке «Путешествие из Москвы в Петербург»: «Наружный вид русской избы мало переменился со времен Мейерберга. Посмотрите на рисунки, присовокупленные к его «Путешествию». Ничто так не похоже на русскую деревню в 1662 году, как русская деревня в 1833 году. Изба, мельница, забор — даже эта елка, это печальное тавро северной природы — ничто, кажется, не изменилось. Однако произошли улучшения, по крайней мере на больших дорогах: труба в каждой избе; стекла заменили натянутый пузырь; вообще более чистоты, удобства, того, что англичане называют *comfort*».

Определение «изба» было распространено на всей территории Псковской губернии. В южных уездах бытовало также определение «хата»: *хата как изба: четыре стены и четыре угла*. «Хатами» зачастую называли небольшие, ветхие постройки без подклета — *улицато прямая, да хата кривая*. В стихотворении «Деревня» (1819) среди прочих архитектурных достопримечательностей окрестных деревень поэт упомянет «вдали рассыпанные хаты». Однако более привычное название местных жилых построек — «изба». Избы соединялись сенями. Так постепенно на пустом месте вырастал большой и уютный крестьянский дом — *двор, что город, изба, что терем*. Избы в Опочечком

уезде Псковской губернии ставились на высоких подызбицах, в которых хранили бочки с солеными огурцами и квашеной капустой, а также свеклу, репу, морковь и другие «витаминные» запасы на зиму. На то и *лето припасиха, а зима подбериха*. Подызбицы «до краев» заполняли всякой съедобной всячиной: *на чужой обед надейся, а свой припасай*. Иначе зимой перед пришедшим в гости соседом можно было «похвалиться» лишь тем, что *всякого нета припасено с лета*.

Крыльцо

Чтобы войти внутрь, необходимо по деревянной лестнице подняться на высокое крыльцо и открыть дверь, взявшись за круглое металлическое кольцо. То есть повторить путь пушкинской героини из «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях»:

...А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась.

Для современного человека в этом коротком четверостишии присутствуют сразу три загадки. Во-первых, как она «подбиралась»? Во время экскурсии современные дети, а нередко и взрослые, высказывают предположение, что юная особа поднималась по лестнице медленно и осторожно — *тише воды, ниже травы*. В этом предположении есть свой резон, так как *лучше бояться, чем не бояться*. Но *волка бояться, так и в лес не ходить*. Однако в страшном ночном лесу девушка уже побывала, «до зари» в нем проблуждала, «зверю в когти» не попала. И наконец-то пришла к добрым людям — туда, где даже «пес бежит за ней, ласкаясь». Поскольку *в ногах правды нет*, поднялася на крыльцо. Царевна ступала гордо и величаво, *подбирая* при этом длинные полы своего царского одеяния.

Во-вторых, сказочная героиня «поднялася». То есть вошла в дом не сразу, а потратила некоторое время на подъем. Следовательно, «сказочное» крыльцо было такое же высокое, как у нас в музее. Ступенек было много. У нас их — восемь. Есть повод не только подняться, но и посчитаться — *первой, другой, согнул дугой; три, четыре — прискочили; пять, шесть — бьют шерсть; семь, восемь — сено косим*. Именно здесь умест-

но вспомнить популярную в прошлом веке считалку: *На золотом крыльце сидели царь, царевич, король, королевич. Кто ты будешь такой...*

С высокого крыльца хорошо видны крестьянские владения: двор, овин, гумно, баня. Находясь вдали от больших и шумных городов, в том числе столицы государства Российского, псковские крестьяне жили скромно, довольствовались малым и надеялись, прежде всего, на самих себя — *в тереме высоко, а до Москвы далеко*. То же самое можно сказать о поэте, очутившемся в ссылке в «глухом» Михайловском. Осенью 1826 года Пушкин написал стихотворение, строки которого звучат в унисон с особенностями местного менталитета:

Как счастлив я, когда могу покинуть
Докучный шум столицы и двора
И убежать в пустынные дубровы,
На берега сих молчаливых вод...

Пушкин был не *из высоких дворян, чьи терема под небеса ушли*. Но он был поэтом, способным своим творчеством преобразовать низкое и близкое в высокое и возвышенное. Двор — в город, избу — в терем, «ветхую лачужку» — в царство творческих прозрений. Тем более что над его головой всегда находилось *небо — терем божий; звезды — окна, откуда ангелы смотрят*.

Третья загадка связана с кольцом, с помощью которого царевна открыла дверь. Попробуйте взяться за него так, чтобы дверь отворилась! Многие пробовали — не получалось. А всё потому, что принимали кольцо за обыкновенную дверную ручку: взялся, толкнул... *Всю хитрость не изучишь, а себя измучишь*, поэтому объясняем. С внутренней стороны двери крепилась щеколда. Чтобы открыть дверь, надо взяться за кольцо и повернуть его по окружности по солнцу, «посолонь». Но прежде следует вспомнить о том, что мы входим в дом за царевной, которую многочисленные мамки и няньки учили хорошим манерам. Поэтому перед тем как «повернуть» кольцо, героиня постучала им по двери, тем самым «предупреждая» хозяев о своем приходе: *скок на крыльечко, бряк во колечко — дама ли хозяйин?* Вслед за справившейся со всеми тремя заданиями царевной пройдем в сени...

ПУШКИНСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «МИХАЙЛОВСКОЕ»: ВЗГЛЯД ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ

20 лет прошло со времени выпуска первого тома Пушкинской энциклопедии «Михайловское», проект которой, к сожалению, не был завершен. Автором его является директор Пушкинского Заповедника, кандидат экономических наук Г.Н. Василевич, а научным руководителем был в то время ведущий научный сотрудник — кандидат педагогических наук Иосиф Теодорович Будылин. Он смог в короткие сроки, за три года, собрать и мобилизовать коллектив авторов, как сторонних, так и работающих в Заповеднике: хранителей, научных сотрудников и специалистов в разных сферах, которые написали и подготовили для печати более 350 статей. Принципом построения словника энциклопедии мы выбрали алфавитно-тематический, разбив материал на три раздела (две усадьбы и монастырь). Дополнительно ввели раздел «Заповедник — персоналии (1922–2002)» с хронологическим продолжением в томах последующих. Подразумевалось, что будет выпущено всего три тома: в первый войдут основные материалы по усадьбам Михайловского и Тригорского и Святогорскому монастырю. Во втором планировалось издать статьи по усадьбе Петровского и музею в Бугрове и продолжить персоналии. В третьем — систематизировать большой накопившийся материал по усадьбам пушкинской поры и в целом по Заповеднику. Но проект — в то время, безусловно, новаторский, на стыке филологии, истории и музееведения — был отложен. Несмотря на то, что издание ограничилось одним томом и в нем имеются простительные для такого большого труда неточности, оно до сих пор является важным источником сведений по Пушкинскому Заповеднику. Недавно у руководства Заповедника появилось желание продолжить этот проект, и это хорошая новость. Но прежде, как мне кажется, необходимо проанализировать наш прошлый опыт, что поможет работе над новыми томами, а может, и над обновленным выпуском энциклопедии.

Подготавливая статьи, мы разделили их по тематическим блокам, расшифровывавшим название нашего учреждения: «Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник «Михайловское». Из этого последовали направления,

«которые включают статьи об окружении поэта, бытовых и культурных реалиях, памятных местах, флоре и фауне и т. п.»¹ Пушкин своим творчеством зафиксировал, почти документально, многие стороны своего культурно-общественного и природного окружения. Недаром роман «Евгений Онегин» В.Г. Белинский назвал «энциклопедией русской жизни». Бытовое, этнографическое направление, над которым я работала, курировала кандидат исторических наук Л.С. Лаврентьева — ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии РАН имени Петра Великого (Кунсткамера). Ее имя не упомянуто среди научных руководителей и консультантов, поэтому хочется исправить эту несправедливость. Определяя задачи нашей работы, Людмила Сергеевна писала: «Появление этнографических мотивов в Пушкинской михайловской энциклопедии не случайно. Об А.С. Пушкине как поэте-этнографе впервые заговорил известный историк, этнограф В.Ф. Миллер (1899)»². Для первого тома мною (М.А. Бесарабовой) были написаны, а ею отредактированы статьи для раздела «Тригорское»: Банька, Лен, Фабрика полотняная; для раздела «Михайловское» — статьи: Амбар, Ванна, Веретено, Гумно, Дворовые, Дворовый мальчик, Льнохранилище, Мельница ветряная, Овин, Печь, Погреб, Полотно, Рей, Рига, Сени, Сень, Флигель № 1, Флигель «Кухня», Яковлева Арина Родионовна. Чтобы написать статью о предмете или понятии локальном, устаревшем и не совсем знакомом современным читателям, порой приходилось проводить большое научное исследование в рамках истории, филологии, лингвистики, топонимики и т. д. Уже после выхода в свет Пушкинской энциклопедии «Михайловское» появились отзывы на этот коллективный труд, как хвалебные, так и достаточно критичные. И не могло быть иначе, ведь мы взялись за огромный труд систематизации знаний о Заповеднике более чем за 100 лет! К примеру, журналист Е.В. Холшевникова опубликовала отзыв, который называется «Всё о Михайловском можно найти в новой Пушкинской энциклопедии». Автор считает, что «из мозаики отдельных небольших статей возникает цельная картина, образ минувших веков, атмосфера времени»³. Литературовед Н.С. Брагинская так же

¹ Пушкинская энциклопедия «Михайловское». В 3 т. Сельцо Михайловское; М. Ч. 1. С. 10.

² Архив Пушкинского Заповедника. Научный архив (АПЗ. Н/а). Д. 22885.

³ Холшевникова Е.В. Всё о Михайловском можно найти в новой Пушкинской энциклопедии // Михайловская пушкиниана. Вып. 37. Пушкинские Горы; М., 2005. С. 278.

подчеркивала, что это своего рода монументальный и систематический труд, в котором «безусловная ценность многих словарных статей — в их наполненности пушкинскими текстами»⁴.

Основной блок этнографических статей должен был быть представлен во втором томе энциклопедии в разделе «Мельница в Бугрове». Этнография». Статьи были написаны нами как информационная база к расшифровке и воссозданию реалий псковского быта и жизни в XIX веке в период реконструкции музея «Мельница в Бугрове», как основа к его расширенной тематико-экспозиционной структуре, включая не только первоначальный «Музей-мельницу», но и «Крестьянский двор»⁵. Реконструкция музея продолжалась до 2007 года, и о том, как будут выглядеть обновленные экспозиции, знал наверняка только хранитель В.Ю. Козмин⁶. Будучи также сотрудником этого музея и членом редколлегии, параллельно работая над Энциклопедией и ее вторым томом «Бугрово — Мельница. Этнография», совместно с хранителем мы думали о грядущем музее⁷. В рамках этой работы мною и коллегами было подготовлено, в качестве рабочих материалов, более 70 статей: Балалайка, Балахон, Баня, Бармы, Блины (М.А. Бесарабова), Бугрово (В.Ю. Козмин), Великий четверг, Венец, Верования народные, Ворожба, Гадания, Гудок, Гуляния, Гусли (М.А. Бесарабова), Деревня псковская (В.Ю. Козмин), Душегрейка, Егорий, Жилище (М.А. Бесарабова), Жернова (В.Ю. Козмин), Игры народные, Календарь, Кафтан, Каша, Камча, Качели, Квас, Кичка, Кокошник, Краса, Кружка, Кухня народная, Лапти (М.А. Бесарабова), Легенды, Луговка (В.Ю. Козмин), Масленица, Медицина народная (М.А. Бесарабова), Мельник (В.Ю. Козмин), Мельница в Бугрове (О.В. Емелина), Механик, Одежда народная, Оборы, Обувь, Одежда, Одежда народная, Охота, Пастух, Платок, Повязка, Посиделки,

⁴ Брагинская Н.С. Пушкинская энциклопедия «Михайловское» // Михайловская пушкиниана. Вып. 37. Пушкинские Горы ; М., 2005. С. 281.

⁵ 30 лет музею «Мельница в Бугрове»: история и современные проблемы // Вещи. Экспозиции. Музеи. СПб., 2019. С. 154–171.

⁶ Козмин В.Ю. Этнопушкинографический музей «Мельница в деревне Бугрово» // Михайловская пушкиниана. Вып. 34. Пушкинские Горы ; М., 2004. С. 162–178.

⁷ Бесарабова М.А. Принципы и основные положения тематико-экспозиционной структуры музея «Мельница в деревне Бугрово» (по материалам создания литературно-этнографических экспозиций) // Михайловская пушкиниана. Вып. 34. Пушкинские Горы ; М., 2004. С. 213–233.

Пояс, Рождество, Рожок, Рубаха, Русалка, Рясы, Самопрялка, Свадьба, Свирель, Святки, Смотрины (М.А. Бесарабова), Солома (В.Ю. Козмин), Строители (О.В. Емелина), Телогрейка, Халат, (М.А. Бесарабова), Хага (В.Ю. Козмин), Чупрун, Цевница, Ширинка, Фага, Язык (М.А. Бесарабова)⁸.

И сегодня я встречаю новый виток обращения к теме пушкинской энциклопедии «Михайловское» не без грусти: «Иных уж нет, а те далече» (VI, 190). Ушел из жизни в 2023 году наш научный руководитель — замечательный краевед, кандидат педагогических наук и писатель И.Т. Будылин, унеся с собой огромный материал знаний по усадьбам пушкинской поры, накопленный в поездках и архивной работе с кандидатом исторических наук Михаилом Ефимовичем Васильевым (1924–2003), бессменным хранителем музея в Святогорском монастыре (с 1969 и до его передачи Церкви в 1992 году). В год выпуска энциклопедии (2003) скоропостижно скончалась замечательный библиограф и автор статей Лидия Леонидовна Суворова — заведующая отделом книжных фондов, собравшая специализированную библиотеку по пушкиноведению. В 2011 году покинула наш мир старший научный сотрудник Пушкинского Заповедника, член Союза писателей Валентина Филипповна Бутрина (Тульчина). Давно не работает в музее еще один член редколлегии энциклопедии, старший научный сотрудник, а ныне пенсионер, Лариса Васильевна Левкова. Теперь задача осмысления нашего личного и коллективного опыта предстоит новому коллективу пушкинской энциклопедии «Михайловское». Но есть надежда на то, что наш «задел» войдет в обновленную энциклопедию в виде статей по этнографии, часть из которых я представляю на ваш суд.

⁸ АПЗ. Н/а. Д. 22885.

*Крестьяне псковские. Из альбома Ф.Г. Солнцева
«Одежды русского государства». 1869 год*

Балалайка — народный струнный, щипковый музыкальный инструмент, известный в России с 1714 года⁹. Ее полый, выдолбленный из дерева корпус был вначале овальной, полусферической формы, с двумя струнами, настроенными в унисон. Недлинная шейка Б. заканчивается головкой в виде завитка или прямоугольника. Б. в начале XIX века была составляющей народной культуры, не связанной с профессиональной музыкой¹⁰. К.Н. Батюшков писал в 1811 году в стихотворении «Мои пенаты»:

О воин, ...
 Двуструнной балалайкой
 Походы прозвени¹¹.

Пушкин в 1823–1825 годах, критикуя поэтов-романтиков за перенесение современных образов в сферу высокой поэзии, писал: «Христианское воображение... переносят нас в гре[ческую] хижину, где с неудовольствием находим... Суворовского солдата с двухструнной балалайкой» (XII, 273). Постепенно, со второй половины XVIII века Б. приобретает еще одну струну (из конского волоса или жил), но еще долго бытовал вариант с двумя струнами¹². Преимущественная манера игры на Б. — когда по ним ударяли всей кистью руки, вызывая своеобразный дребезжащий звук¹³. А.С. Пушкин, не без иронии, писал: «Музыка всегда была любимое искусство образованных горюхинцев, балалайка и волынка, услаждая чувствительные сердца, поныне раздаются в их жилищах» (VIII, 136). Музыкант был самым почетным участником деревенских посиделок и гуляний, включаясь в празднично-обрядовую сферу жизни псковской деревни¹⁴. Пушкин, заканчивая «Евгения

⁹ См.: Соколов Ф.В. Русская народная балалайка. М., 1962.

¹⁰ Белкин А.А. Русские скоморохи. М., 1975. С. 54.

¹¹ Батюшков К.Н. Нечто о поэте и поэзии / сост., вступ. ст. и коммент. В.А. Кошелева. М., 1985. С. 53.

¹² Финченко А.Е. Восточнославянские народные музыкальные инструменты в собрании МАЭ // Этнографические труды. Л., 1985. С. 82–94.

¹³ См.: Петухов М. Нечто о наших народных музыкальных инструментах // Баян. 1888. № 1.

¹⁴ Пушкин А.С. История села Горюхина / предисл. А. Панченко. СПб., 2001. С. 4.

Онегина», в черновиках признавался (см.: Евгений Онегин. Отрывки из путешествий Онегина (VI, 201):

Теперь мила мне балалайка
Да пьяный топот трепака
Перед порогом кабака.

Бармы (ожерелье, диадимы) — оплечное украшение из драгоценных тканей, металла, жемчуга и (или) драгоценных камней, упомянуты Пушкиным в трагедии «Борис Годунов» в качестве символической детали облачения московских царей. Является древнейшим видом украшения нагрудной одежды, встречается в археологических слоях и кладах уже в XII веке¹⁵. Также сохраняется поныне у некоторых народностей Латгалии и Псковской губернии, в частности народа сету¹⁶. Б. являлись деталью традиционного костюма, сохранившейся до начала XX века у женщин многих областей России, в частности Тверской и Архангельской губерний под названием «наборушник», а в пару к ним носился венец-«наборошник»¹⁷. В традиции репрезентативного костюма, наряду с венцом, были атрибутами венчальной и царской символики, первыми возлагались Б., а затем корона.

К IV веку относится первое упоминание о чине коронации православных монархов, подкрепленное традицией преемственности и священности знаков (инсигний) царской власти. Отец греческой царевны Анны, будущей жены русского князя Владимира Крестителя¹⁸, Константин VII Порфирогенит (912–959) был категорически против передачи их язычникам, если «хазары или турки, или россы... потребуют в знак рабства и подчиненности присылки царских инсигний: венцов или одежд». Он писал своему сыну: «Должно знать, что эти одежды и венцы не людьми изготовлены... что Бог, поставив Константина Великого первым христианским царем, через ангела своего послал ему эти одежды и венцы»¹⁹.

¹⁵ Яровой Е.В. По следам древних кладов: мистика и реальность // М., 2010. С. 445.

¹⁶ Историко-этнографические очерки Псковского края. Псков, 1999. С. 278.

¹⁷ Русский традиционный костюм. Иллюстрированная энциклопедия / авт.-сост. Н. Соснина, И. Шангина. СПб., 1999. С. 180.

¹⁸ Православная энциклопедия. Т. 2. М., 1997. С. 458.

¹⁹ См.: Чин венчания // Православная жизнь. Джорданвиль, 1988.

*Неизвестный художник. Борис Годунов. Холст, масло. 85 × 71 см.
Копия Н.П. Нератовой. 1968 год.
Из собрания Пушкинского Заповедника*

Но его сын, царь Константин VIII Мономах (959–1028), был вынужден послать их со своей сестрой Анной, поскольку нельзя было греческую царевну выдавать за язычника. Владимира Святославича и Анну венчали на брак и одновременно на царство Русское, с тех пор «который государь тем венцом венчается, тот и пишется царем русским»²⁰. Поэтому в русской традиции свадебной церемонии невеста и жених именовались «князь и княгиня», вне зависимости от происхождения (см. Свадьба)²¹. Исповедание православной веры и миропомазание было непременной частью обряда венчания на царство, символизируя высшую ответственность перед Богом. Взаимосвязь эта живо описана Пушкиным в драме «Борис Годунов» (см. раздел «Святогорский монастырь»). Неотвратимость Божьего Суда делает бессмысленными пышные ритуалы, что показал художественными средствами Пушкин. В 1601 году митрополит Ростовский Иона объявил патриарху и царю, что в московском Чудовском монастыре «недостойный инок Григорий хочет быть сосудом дявольским» и русским царем²². «Самовластье» надолго становится проклятием русского трона²³. Пушкин в качестве критерия высшей правды выводит на сцену народ²⁴ и от лица боярина Шуйского негодует, как

Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,
Зять палача и сам в душе палач,
Возьмет венец и бармы Мономаха...

(VII, 7)

Блины — тонкие круглые лепешки из муки, наиболее древняя форма хлеба, ритуальное блюдо²⁵. Пушкин, иллюстрируя быт патриархальных Лариных, писал:

Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины;

²⁰ *Покровский Н.В.* Брачные венцы и царские короны. Исторический очерк. СПб., 1882.

²¹ *Альшиц Д.Н.* Начало самодержавия в России. Л., 1988. С. 161.

²² *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. XII. С. 106.

²³ *Скрынников Р.Г.* Смута в России в начале XVII века. Л., 1988. С. 75.

²⁴ *Листов В.С., Тархова Н.А.* К истории ремарки «Народ безмолвствует» в «Борисе Годунове» // Временник Пушкинской комиссии. 1979. Л., 1982. С. 96.

²⁵ *Лаврентьева Л.С., Гура А.* Блины // Русская речь. 1999. № 1.

У них на масленице жирной
Водились русские блины...

(Евгений Онегин. II, XXXV)

Эта строфа появилась в черновиках в конце второй главы, написанной в Одессе, но по впечатлениям от пребывания в Михайловском и Тригорском²⁶. Окончательные строфы второй главы появятся позже, после смерти мужа хозяйки Тригорского (см. раздел «Тригорское», Осипова П.А.) в феврале 1824 года (см. раздел «Тригорское», Осипов Иван Сафонович). В беловом варианте Пушкин в конце этой главы очерчивает жизненный путь отца семейства Лариных, а заканчивает размышлениями и о своей посмертной участи: «Быть может в Лете не потонет / Строфа, слагаемая мной» (Евгений Онегин. II, XL). Думается, эти размышления тут закономерны — в духе традиций старины, которые чтили Ларины, поскольку именно Б. начинались поминальные трапезы на «родительских» днях, когда после панихид поселяне оделяли Б. священников и причт²⁷.

Касательно «русских блинов», они пеклись из гречневой и пшеничной муки. В рецепте XIX века пишется, что они «толще блинчиков, должны быть рыхлые, ноздреватые, легкие»²⁸. Б. только из гречневой муки назывались «красными». Б. могли печь из пшеничной, ржаной, ячменной, овсяной, просяной муки; они могли быть кислыми (на дрожжах) и пресными, а если добавляли молоко и яйца — молочными²⁹. С древнейших времен Б. являются неотъемлемой частью всевозможных русских обрядов, в том числе на Псковщине³⁰. Угощение на второй день после свадьбы так и называлось — Б. Кроме того, Б. — обычная пища на завтрак во многих регионах нашей страны, в том числе у жителей Псковской области (см. Кухня народная)³¹.

²⁶ *Сидяков Л.С.* К истории работы Пушкина над второй главой «Евгения Онегина» // *Временник Пушкинской комиссии.* 1973. Л., 1975. С. 5.

²⁷ *Псковский областной словарь с историческими данными.* Л., 1989. Вып. 2. С. 42.

²⁸ *Молоховец Е.* Простая общедоступная кухня. СПб., 1896. С. 309.

²⁹ *Костомаров Н.И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVII–XVIII столетиях. СПб., 1992. С. 101.

³⁰ *Мехнецов А.М.* Народные традиции культуры Псковской области. СПб., 2002. Т. 1. С. 428.

³¹ *Лутовинова И.С.* Слово о пище русских. СПб., 1997. С. 79–87.

Вертеп — первоначально пещера (от греческого), укромное место; позже — притон³². Пушкин использует это слово, к примеру, в письме к Н.И. Гнедичу из Михайловского 23 февраля 1825 года, с пометой «день объявления греческого бунта Александром Ипсиланти»: «Что предприимете вы в полном цвете гения, возмужав во храме Гомеровом, как Ахилл в вертепе кентавра?» (XIII, 145). В. называли и народный кукольный театр, свое название получивший от изображения пещеры Рождества Христова в Вифлееме, отчего еще его называли «батлейка» и «раёк»³³. Истоки В., возможно, были в т. н. «пещном халдейском действии», которое показывалось на Рождество в храмах по позволению Патриарха³⁴. Оно производилось артелью скоморохов или халдеев, которые надевали высокие деревянные шапки, изображая рабов вавилонского царя Навуходоносора. Уже за неделю до Рождества Христова они начинали свое представление, бегая с горящими лучинами, размалеванные, с дерзкими шутками скомороха, который «поет и потешает, и побирается, и пристает к тем, кто его кормит, льстит и бранит кого попало, смотря по обстоятельствам и кошельку»³⁵. В XIX веке наблюдалась трансформация средневековой культуры скоморошества, перешедшей затем в народную среду в виде праздничной традиции «волочбников» и колядовщиков (см. Святки).

Традиция более широких по тематике театрализованных народных постановок на религиозные и жанровые темы проникла в Россию в XVII веке из Польши через Украину и Белоруссию. В. в XIX веке представлял собой небольшой деревянный ящик в два яруса, в верхнем исполнялась духовная часть действия, в нижнем — интермедия на тексты виршевой поэзии определенной тематики³⁶. В усадьбу Глубокое Опочецкого уезда «раз в год приходил человек лет шестидесяти с мальчиком. Он нес на спине большой квадрат. Этот квадрат разворачивался в красивый кукольный театр. Он стоял на ножках, покрытых спереди за-

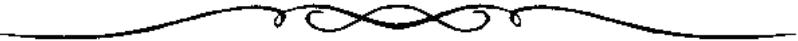
³² *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1. С. 182.

³³ Русский праздник. Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2002. С. 62.

³⁴ *Олеарий А.* Описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию. М., 2003.

³⁵ *Власова З.И.* Скоморохи и фольклор. СПб., 2001. С. 150.

³⁶ См.: *Петров К.* Старинный южнорусский театр и, в частности, вертеп. М., 1882.

навеской. Насколько я помню, было только две кулисные сцены. Одна была внутренностью дворца, в центре на возвышенности стоял золотой трон... Вторая сцена была снаружи: слева золотые колонны какого-то дворца или храма, а на заднике пейзаж — горы, кипарисы и вдали белые здания с плоскими крышами. Нам, детям, эти кулисы казались замечательно красивыми. Пьес было только две и обе из Старого Завета и Евангелия»³⁷. Из Ветхого Завета популярностью пользовалась сцены с Адамом и Евой, отсюда позднее название В. — «райк»³⁸. Тех артистов, кто делал эти представления, также называли «райками», они пели различные тропари, кондаки и песню «о злключениях Адама и Евы»³⁹. В В., или «райке», стали представлять и различные сцены из повседневной жизни: деда с бабою, цыганку, танцующего краковяк поляка с женой, казака-запорожца. Казак показывался героем, борющимся против засилья поляков в южных русских землях и церковной унии, поющим направленные против Римско-католической церкви канты и украинские песни⁴⁰. Думается, именно здесь надо искать истоки сатирических фольклорных образов монахов и попов, а первоначально ксендзов и панов. Чаще всего представлениями В. занимались в период Святков странники, нищие, отправленные за подаянием монахи, отставные солдаты: «28 декабря (ст. ст.) 1819 года. Был на вечеринке... В сей вечер здесь же один солдат представлял чудесную маску игумена в всём виде и разные припевал шуточные ирмосы. Также представлял двух кукол, которые выскочив в подобия из гроба, плясали»⁴¹.

В России и Белоруссии В. окрашивался своими национальными типажам и песнями в сопровождении гуслей и гудошников (см. Гудок и Гусли)⁴². Музыкальное сопровождение вертепных драм, популярных на ярмарках и народных праздниках, состояло из псалмов и кантов, распространенных в школьной и студенческой семинарской среде,

³⁷ Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М., 2003. С. 245.

³⁸ Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники увеселения и зрелища конца XVIII — начала XX века. Л., 1988, С. 95.

³⁹ Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 322.

⁴⁰ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза — И.А. Ефрона. М., 1991. Т. 11. С. 54.

⁴¹ Дневник Ивана Игнатьевича Лапина. Псков ; село Михайловское, 1997. С. 95.

⁴² Чудновцев М.И. Церковь и театр. М., 1970. С. 9.

*Реконструкция: вертеп в исполнении семейного ансамбля «Поозерье».
Руководитель Андрей Ролецкий. 2010 год. Фото М.А. Козминой*

а также традиций скоморошества⁴³. Для сопровождения кукольного театра использовались народные украинские, польские, русские, венгерские, еврейские и цыганские плясовые мелодии, которые вводились в соответствии с появлением персонажей.

По структуре текстов вертепные стихи были близки силлаботонической системе народного «раешного» стиха со смежными рифмами, определяемыми «интонационно-фразовыми и паузными членениями»⁴⁴, примененной Пушкиным в «Сказке о попе и о работнике его Балде».

Венец — повязка на голову, в виде конструкции из луба, бересты, металла или другого материала, украшенная цветами, лентами, камнями и вышивкой. Поэт упомянет о нем 88 раз, в том числе как символе чести, награды, царской, свадебной и похоронной атрибутики. В день смерти няни Арины Родионовны Пушкин нарисует ее в венце неслучайно⁴⁵, поскольку была традиция хоронить женщин в этом головном уборе (см. раздел «Михайловское», Яковлева Арина Родионовна). Брачный В. как часть ритуального обряда был богато украшен драгоценными материалами и самоцветными камнями и часто передавался по наследству⁴⁶.

Существует устойчивое фразеологическое выражение «идти под венец» — выходить замуж или жениться. Пушкин отметил вступление в возраст невесты Евпраксии Вульф стихами:

Вот, Зина, вам совет: играйте,
Из роз веселых заплетайте
Себе торжественный венец —
И впредь у нас не разрывайте
Ни мадригалов, ни сердец.

(III, 13)

⁴³ Орлова Е.М. Лекции по истории русской музыки. М., 1979. С. 142.

⁴⁴ Квятковский А.П. Словарь литературоведческих терминов. М., 1965. С. 26.

⁴⁵ Козмин В.Ю., Бесарабова М.А. Этнографический комментарий к портрету Арины Родионовны Яковлевой // Проблемы современного пушкиноведения. Памяти Е.А. Маймина. Псков, 1999. С. 251.

⁴⁶ Покровский Н.В. Брачные венцы и царские короны: Исторические очерки. СПб., 1882.

Могли быть и различные венки из живых или искусственных цветов, которые делали сами девушки: «Приколот был искусственный, ею сделанный цветок-роза, которую я сорвал хищною своею рукою... и она извинялась, что не столь искусствен (цветок)...»⁴⁷ В. снимал на следующий день после свадьбы или сразу после венчания сам жених, что имело символическое значение⁴⁸:

И сладостной любви венков
Его восторгов ожидали.

(Евгений Онегин. IV, L)

В свадебном обряде надевание В. на голову невесты предварялось ритуальным обрядом чесания головы и накрыванием ее фатой⁴⁹. Девушки ходили с одной косой, невесте косу расплетали накануне венчания на девичнике в бане, там же снимался девичий В. и «участвовал» в обрядовых действиях, записанных Пушкиным («красу носить»⁵⁰). В церкви ее уже венчали брачным В. из различных драгоценных материалов, металла, в виде царской короны, такая форма появилась у славян после Крещения (см. Бармы). Пушкинская героиня, Марина Мнишек, перед сценой объяснения с Лжедмитрием (см. раздел «Святогорский монастырь», «Борис Годунов») выбирает не только головной убор, но и судьбу:

Что Вы наденете, жемчужную ли нить
Иль полумесяц изумрудный?

Марина:

Алмазный мой венец.

(VII, 265)

⁴⁷ Дневник Ивана Игнатьевича Лапина. С. 90.

⁴⁸ *Бернштам Т.А.* Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян. СПб., 2000. С. 215.

⁴⁹ *Молотова Л.Н.* К вопросу о функциях девичьих головных уборов в северно-русском свадебном обряде XVIII — XIX веков // Советская этнография. 1979. № 1. С. 116.

⁵⁰ *Козмина М.А.* Псковская народная свадьба — традиции и сохранение: опыт музейной реконструкции // Девятые Псковские региональные краеведческие чтения. Псков, 2019. С. 127–140.

А.С. Пушкин. Сказка о царе Салтане. Мастерская Кучеренко.
Иллюстрация. Из собрания Пушкинского Заповедника

Замеченная во внебрачной связи девушка могла носить одну косу, но не имела права на В. при венчании⁵¹. Соккрытие «греха» сулило несчастья семье, в искупление которого девушка покрывалась темным покрывалом, делала вклады в церковь, раздавала милостынню или что-либо другое по обету⁵².

В. в качестве головного убора в пушкинское время носили крестьяне, мещане, купцы, их также можно было увидеть в театре на сцене. Пушкин нарисует Е.С. Семенову в венце и напишет: «Говоря о русской трагедии, говоришь о Семеновской и, м. б. только о ней» (XI, 10). В. или кокошник в качестве национального элемента появляется в придворном костюме времен Екатерины II, а закрепляется, наряду с женским повойником и сарафаном, как обязательный элемент «дамского мундира» приказом 1834 года⁵³. Это вызывает живой интерес у матери Пушкина: «Мне пришла фантазия отправиться на хоры поглядеть на бал, я простояла на ногах с 5 часов до полуночи... чтобы поглядеть на новые платья придворных дам; вы несомненно уже знаете, что носят Кокошники, а поверх Сарафанов бархатные плащи, это очень красиво»⁵⁴.

Гуляния — традиционные развлечения, включающие в себя песни, пляски, кулачные бои, различные катания, когда все приходящие, вне зависимости от возраста, могут выбрать себе виды отдыха — посылки, хороводы, качели, игры, ярмарку⁵⁵. Г. проходили повсеместно в дни великих церковных праздников: Покрова, Рождества, Крещения, Пасхи, Троицы и других храмовых. Пушкин писал жене: «Не люблю я Святой недели в Москве; не слушайся сестер, не таскайся по гуляниям с утра до ночи, не пляши на бале до заутрени» (XV, 130). В Москве Г. происходили в Сокольниках, в Марьиной роще, на

⁵¹ Историко-этнографические очерки Псковского края. С. 197.

⁵² *Бесарабова М.А.* Женский головной убор как часть народного костюма в произведениях Пушкина // Михайловская пушкиниана. Вып. 3. М., 1999. С. 119–128.

⁵³ *Кирсанова Р.М.* Костюм в русской художественной культуре XVIII — первой половины XX века (опыт энциклопедии). М., 1995. С. 247.

⁵⁴ Письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к их дочери Ольге Сергеевне Павлицевой. 1828–1835. СПб., 1993. С. 191.

⁵⁵ *Лаврентьева Л.С.* Культура русского народа. Обычаи. Обряды. Занятия. Фольклор. СПб., 2004. С. 38.

Москве-реке и Пресне. В Петербурге — в общедоступных садах Нарышкина, Апраксина, на Елагином острове, Летнем саду, зимой на Исаакиевской площади и Адмиралтейском бульваре, на реке Неве перед Зимним дворцом, на Царицыном лугу, весной в Екатерингофе (на Петергофской дороге)⁵⁶. Не обходились и без торговли: «При гуляниях и других публичных собраниях дозволено иметь палатки для продажи чаю, кофе и проч.»⁵⁷ Г. носили всеобщий характер, но привилегированное общество старалось держаться подалеже от балаганов, качелей, предпочитая наблюдать их из экипажей. И наоборот, как писал Пушкин, — «народ не участвует в увеселениях высшего класса...» (XIII, 127). Самого же поэта нередко видели на Г.: «29 мая. В Святых Горах был о 9 пятнице... И здесь я имел счастье видеть Александра Сергеевича Пушкина, который некоторым образом удивил странною своею одежною (одеждой)...»⁵⁸ А.Н. Вульф (см. раздел «Тригорское») также писал, что «именно в девятую пятницу после Пасхи Пушкин вышел на Святогорскую ярмарку в русской красной рубахе, подпоясанной ремнем, с палкой и в корневой шляпе, привезенной им из Одессы. Весь новоржевский beau mond... увидя Пушкина в таком костюме, весьма был этим скандализован»⁵⁹ (см. раздел «Михайловское», Ярмарка, т. 1). Пушкин вел себя, с точки зрения высшего общества, неподобающе не только тем, что надевал запрещенную для ношения дворянином одежду народную. Но и тем, что прилюдно «очищал шкорлупу в апельсинах и ел их с большим аппетитом, я думаю — около ½ дюжины»⁶⁰. У нас сейчас это не вызывает возмущения, но в XIX веке правила приличия предписывали для вкушения пицци только определенное время и место. Причем вначале читалась молитва: «...крестясь, / Толпа жужжит за стол садясь» (Евгений Онегин. V, 110). Пушкин же вел себя независимо от условностей: «Всего больше любил он армянский базар... там видели его, как он шел, обнявшись с татаринном, в другом месте он переносил в открытую целую стопку чурчуров... покупал груши, и тут же, в открытую и не стесняясь никем поедал

⁵⁶ Российский историко-бытовой словарь / авт.-сост. Л.В. Беловинский. М., 1999. С. 105.

⁵⁷ Онегинская энциклопедия / под ред. Н.М. Михайловой. М., 1999. Т. 1. С. 324.

⁵⁸ Дневник Ивана Игнатьевича Лапина. С. 135.

⁵⁹ Вульф А.Н. Рассказы о Пушкине... // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1974. С. 447.

⁶⁰ Дневник Ивана Игнатьевича Лапина. С. 136.

*С. Мошин. Александр Сергеевич Пушкин. 1862 год.
Холст, масло. 67 × 54 см. Из собрания Пушкинского Заповедника*

их»⁶¹. Так поступали молодые люди из непривилегированных сословий, покупая и разделяя с девушками пряники, орехи, фрукты и другие сладости. Такое поведение позволяло Пушкину удобнее наблюдать жизнь в ее многообразии: «Разговорный язык простого народа... достоин также глубочайших исследований. Альфиери изучал итальянский язык на флорентийском базаре: не худо нам иногда прислушиваться к московским просвириям. Они говорят удивительно чистым и правильным языком» (XI, 148–149). Он же советовал блюстителям благопристойности и приличий не «заменять просторечие простомыслием» (XI, 155).

Большие ярмарки (см. раздел «Михайловское»), длившиеся 2–3 дня, были только в городах или селах в дни святых, в честь которых был освящен приходской храм или престол. Соседи, родственники, захватив лучшие наряды, приходили на Г., а позже ждали к себе. Утром, по возможности, все шли в церковь, затем был крестный ход с заходом в каждое подворье, праздничное угощение в складчину. К вечеру все выходили на Г., которые носили характер древних «игрищ»⁶². Так назывались народные сборища с целью забавы: «Жители среднего и низших классов имеют большую склонность и расположены к гуляниям и увеселениям, напоминающим собой времена языческие»⁶³. В летнее время гуляли около духовного центра поселения — церкви, кладбища, древних руин, особых камней или в рощах (см. Верования), в XIX веке — около кабака⁶⁴. Как писал житель Псковской губернии: «15 сентября 1826 года. Был общественный праздник о благополучном короновании Николая Павловича 22 августа. В обедню пели певчие на хорах, а по окончании обедни говорил протопоп... достойнейшую проповедь. В магистрате было всё купечество и мещанство угощено лучшим образом, а для черни и инвалидной команды была выставлена неисчерпаемая кадь с вином, и всем совершенно давали пить по хорошему стакану, и тоже закуска, состоящая из ситников и сельдей. Наконец, разгулявшись, начали пить без запрещения сами, кто сколько хотел, отчего двое из мещан

⁶¹ *Тархова Н.А.* Жизнь Александра Сергеевича Пушкина. М., 2009. С. 436–437.

⁶² *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1979. Т. 2. С. 7.

⁶³ Архив Российского географического общества (АРГО). Ф. 32. Оп. 1. № 18.

⁶⁴ *Семевский М.И.* Торopez. Уездный город Псковской губернии. 1016–1864 годы. СПб., 1864 [репринтное издание: Тверь, 1999]. С. 64.

в тот день умерли, а многих едва могли привести в чувство и обратить к жизни»⁶⁵. А Пушкин в своей «Истории села Горюхина» сатирически описывал подобное Г.: «В день храмового праздника, когда весь народ шумно окружал увеселительное здание (кабаком в просторечии именуемое) или бродил по улицам, обнявшись между собой и громко воспевая песни» (VIII, 137).

В каждой деревне также были свои Г., приуроченные к престольному празднику церкви, к которой она была приписана. Повсеместно отмечали время Святков, Масленицу, Пасху, Троицу целую седмицу. Особые молодежные Г. начинались с Красной горки (вторая неделя после Пасхи) и с перерывами продолжались до Петрова дня (29 июня ст. ст.). «День Вознесения Христова прекрасный. Был в Посадском монастыре, т. е. в церкви; оттоле шли с крестным ходом. По обыкновению, в шестом часу вышед из лавки, пошел на общесборную гору, где собираются нимфы... Подходя к тамошнему увеселительному месту, находим милых девушек, играющих в веревку... став на несколько расстоянии от оных, близ играющих в рюхи, взирал на оных с жаднейшим взором... Проворно бегая в середине веревки, искусной рукой поражали (они) платочком тех рыцарей, кои с удовольствием были уже готовы посвятить себя той же жертве...»⁶⁶ Г. могли проходить по воскресеньям и в будние дни, когда холостая молодежь собиралась на «вечорки», с вечерней до утренней зори на открытом воздухе «наслаждаясь взаимными разговорами и нежными песенками»⁶⁷. Иногда выбирали более живописные места, к примеру, старинные крепости: «4 июня (ст. ст.) 1818 года. Был я с прекрасными девушками на валу... где провели несколько времени текущего приятнейшим выражениями вечера, где бегали, играли, сидели и песни пели, и я с А.С. скатился с поверхности вала»⁶⁸. Г. могли быть в помещении, в доме или комнате, заранее подготовленной (см. Посиделки). «Иногда... приходили в находящуюся там комнату, чтобы разговоры наши были не так чувствительны иногда, в случае любопытных вестников, и там... часы и минуты протекали у нас невидимо. Там играли в короли и в прятки, невзирая на краткость комнаты, так и на тусклость света»⁶⁹. Целью Г. была возможность повесе-

⁶⁵ Дневник Ивана Игнатьевича Лапина. С. 139.

⁶⁶ Там же. С. 55–56.

⁶⁷ Там же. С. 56.

⁶⁸ Там же. С. 58.

⁶⁹ Там же. С. 60.

*Н.И. Шестопалов. Пушкин на ярмарке в Святогорском монастыре.
1950 год. Бумага, картон, гуашь, акварель. 440 × 650 мм.
Из собрания Пушкинского Заповедника*

литься и познакомиться друг с другом с перспективой создания пар (см. Игры). Обычно Г. регламентировались обрядами и традициями, передаваемыми из поколения в поколение в каждой местности. Несоблюдение правил Г. наказывалось: «В сию ночь случилось несколько достопамятных анекдотов: 1. у Анны Семеновны Кудрявцевой вымазали двери дегтем, с присовокуплением масла постного; 2. у Алены Лукашевой то же самое; и, наконец, сказывают некоторые, что и у Маши были выбиты стекла...»⁷⁰ Подобные действия производили парни, претендовавшие на безраздельное внимание своей избранницы в том случае, если видели ее с другим.

На Г. обязательно были танцы, при появлении чужаков, приглашавших местных девушек, заканчивающиеся драками⁷¹. В народной

⁷⁰ Дневник Ивана Игнатьевича Лапина. С. 57.

⁷¹ *Бернштам Т.А.* Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян. СПб., 2000. С. 185.

традиции подобные Г. признавались «удачными», существовали даже специальные раззадоривающие танцевальные мелодии «под драку» (см. Музыка народная). Посмотреть на это зрелище сбегалось много народу, Пушкин в письме в 1834 году иронизирует: «На гуляниях было скушно, драки не было» (XIII, 127).

Гудок — старинный русский народный струнный смычковый инструмент, в позднейшее время — смычок у скрипки⁷². Инструмент имеет овальную форму с плоской декой и спинкой без вырезов по бокам, трехструнный, две струны строились в унисон, одна квинтою вверх⁷³. Играли на нем в свободной манере, держа вертикально на колене или прислонив к бедру⁷⁴. Инструменты скоморохов, «иереев смеха»⁷⁵, рожки, свирели, трубы, бубны, Г. стали эпитетами поэтического инструментария⁷⁶.

Г. известен по многочисленным упоминаниям в летописях уже начиная с 1068 года, а в Пскове обнаружен во время археологических раскопок в слоях XIII века⁷⁷. Без него не обходился ни один народный праздник⁷⁸. Церковь осуждала развлечения с конца XV века по указанию византийского патриарха, боровшегося с языческими обычаями константинопольского двора. Веселая инструментальная музыка подвергалась гонению, поощрялось лишь пение, исключением были гусли⁷⁹. Пушкин делает запись народной сказки, где проклятый матерью младенец среди чертей играет на Г. (XVII, 368). XVII век стал переломным для судьбы всех народных инструментов, их стали нещадно уничтожать по челобитной патриарху Иоасафу. «Скомороси и игрецы с личинами и с позорными блудными орудии, з бубнами и с сурнами и со всякими сатанинскими блудными прелестями» притаились даже в монастырях,

⁷² См.: *Фамицын А.* Домра и сродные ей инструменты. СПб., 1890.

⁷³ См.: *Привалов Н.И.* Гудок, древнерусский музыкальный инструмент, в связи с смычковыми инструментами. СПб., 1904.

⁷⁴ *Тереженко А.* Быт русского народа. СПб., 1848 [репринтное издание: 1999]. Ч. 1. С. 481.

⁷⁵ *Панченко А.М.* Русская история и культура. СПб., 1999. С. 174.

⁷⁶ *Кошелев В.А.* Пушкин: история и предание. СПб., 2000. С. 124.

⁷⁷ Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1992. С. 18.

⁷⁸ См.: *Власова З.И.* Скоморохи и фольклор. СПб., 2001.

⁷⁹ *Козмина М.А.* «Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли: нам всё равно...»

// Михайловская пушкиниана. Вып. 80. Сельцо Михайловское, 2020. С. 210.

рассадником этого непотребства признавался нижегородский Вознесенский Печерский монастырь⁸⁰. А в драме А.С. Пушкина «Борис Годунов» (см. раздел «Святогорский монастырь») монах-бродяга Варлаам, напоминая бродячего скомороха, насмешливо произносит: «Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли: всё нам равно, было бы вино...» (IV, 28). Как раз к XVI веку сложился класс «крестцового» духовенства, представители которого собирались на перекрестках (крестцах) в ожидании найма на работу. В XVIII веке началось систематическое искоренение их, вплоть до «забривания» в солдаты и ссылки на каторгу, но до начала XX века были «наймиты», или «ранние попы» — на первую литургию, и «придельные попы», служившие требы⁸¹. Все они обладали, как правило, музыкальными талантами, владели инструментами, что делало их в глазах начальствующих «неблагонадежными» и «раскольниками»⁸².

Инструментально-хореографическая народная традиция дошла до наших дней, что говорит о богатстве и устойчивости древних форм⁸³. Современные гусельные и скрипичные записи народных самодеятельных ансамблей раскрывают архаические закономерности «гудошной» игры⁸⁴. Реставраторы делают успешные попытки восстановления этих традиций (Великий Новгород)⁸⁵.

Гусли — старинный русский щипковый, многострунный музыкальный инструмент⁸⁶. Наиболее древние Г. имели большое сходство с греческим струнным инструментом — кифарой, устойчивым символом поэзии.

⁸⁰ Садоков Р.Л. Веселые скоморохи // Глазами этнографов: сборник. М., 1982. С. 125–157.

⁸¹ Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. СПб., 2005. С. 70–71.

⁸² Розов А.Н. Священник в духовной жизни русской деревни. СПб., 2003. С. 181.

⁸³ Разумовская Е.Н. Народная инструментальная традиция Псковщины // Михайловская пушкиниана. Вып. 32. М., 2004. С. 73.

⁸⁴ Мехнецов А.М. Народные традиции культуры Псковской области. Т. 1. С. 412.

⁸⁵ Поветкин В.И. Гудебные сосуды древних псковичей // Псков в российской и европейской истории. Т. 1. М., 2003. С. 224.

⁸⁶ Фаминцин А. Гусли — русский народный инструмент. СПб., 1890.

Число струн в разное время было разным, иногда даже в несколько рядов, архаичный способ игры — когда пальцы ставятся между струн. Репертуар преимущественно историко-эпический, исполнялись различные старины (былины) и «славы» на общих пирах и тризнах. В древнерусском языке слово Г. означает наряду с инструментом и текст, исполняемый под аккомпанемент⁸⁷. Пушкин, встретив сборник П. Мери-ме «Гусли»⁸⁸, переводит их как «Песни западных славян» (III, 340–361). Современными реставраторами восстановлены Г. раннего периода X–XII веков⁸⁹. Их звук был громким, как описано в Задонщине: «Вещий Боян... восхваляя их песнями и гусленными буйными словесы» (1470), и в то же время мелодичным, как в пушкинском отрывке, считающемся началом работы над драмой «Русалка», действие которой происходит в «Киевской Руси»:

А речь ее... Какие звуки могут
Сравниться с ней — младенца первый лепет,
Журчанье вод, иль майской шум небес,
Иль звонкого Бояна Славья струны...

(II, 36)

Г. звучали на боярских пирах, в антураже усадебного дворянского быта XVIII–XIX веков, как упомянуто Г.Р. Державиным в поэме «Евгения. Жизнь Званская»: «При гусях под вечер...»⁹⁰ Играл «обученный на гусях» М.И. Калашников (см. раздел «Михайловское»), ганнибаловский слуга, а затем пушкинский управляющий⁹¹. Бытовали Г. в XIX веке наряду с гитарой, опочецкий купец И.И. Лапин⁹² (см. раздел «Михайловское») писал: «28 марта 1820 года. Воскресение Христово. После обеда не спал, а был у Петра Ив. Покровского, где играли на гитаре

⁸⁷ Привалов Н. Звончатые гусли на Руси // Музыка и пение. 1908. № 7–9.

⁸⁸ Гузла, или Избранные иллирийские стихотворения, собранные в Далмации, Боснии, Кроации и Герцеговине.

⁸⁹ Колчин Б.А. Гусли Древнего Новгорода // Древняя Русь и славяне. М., 1978.

⁹⁰ Державин Г.Р. Стихотворения. М., 1989.

⁹¹ Анучин Д.Н. А.С. Пушкин (антропологический эскиз). М., 1989. С. 30.

⁹² Бudyлин И.Т. Лапин И.И. // Пушкинская энциклопедия «Михайловское». Сельцо Михайловское; М., 2003. С. 270.

и гусях, и там превесело провели время дня»⁹³. Г. типа финского кантеле встречаются на Псковщине в западных ее районах до сих пор в качестве упрощенного варианта, причем материал используется разный, не только дерево⁹⁴. Но первоначально Г. делались только из «дуба», так раньше называли дерево вообще, вне зависимости от его породы⁹⁵. Этот своеобразный исторический символ укорененных отечественных традиций послужил Пушкину метафорой для его знаменитого стихотворения: «У Лукоморья дуб зеленый...». В народе существовало множество выражений о певцах, играющих на Г. и поющих на разные интонации: «курнявкая» (тихо) или «вякая» (вопя)⁹⁶. В сочетании с манерой мягкого перебирания струн, сменяющейся звучными ударами по ним с помощью медиатора, сделанного из настоящего когтя, надеваемого на большой палец, это рождает сравнение музыканта с котом. Возможно, подобную народную загадку о гусяре записал Пушкин в Михайловском в 1824–1825 годах: «У моря лукоморья стоит дуб а на том дубу золотые цепи и по тем цепям ходит кот в верх идет сказки сказывает вниз идет песни поет» (XVII, 362). Вернувшись из михайловской ссылки, в 1828 году поэт напишет пролог к поэме «Руслан и Людмила», где даст нам развернутое описание не только образа народного музыканта, который и «песнь заводит», и «сказки говорит»⁹⁷, но и очертит репертуар его песнопений, записанных позже этномузыкантами вместе с сохранившимися гусельными наигрышами⁹⁸.

Выявлено несколько разновидностей Г.: т. н. гусли-псалтырь (шлемовидные), звончатые (крыловидные) и прямоугольные (столообразные)⁹⁹. Последний вид — клавирообразные или столообразные —

⁹³ Дневник Ивана Игнатьевича Лапина. С. 100.

⁹⁴ Историко-этнографические очерки Псковского края. С. 261.

⁹⁵ *Миронова Л.В.* Миф и реальность в балладе А.С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге» / Творчество А.С. Пушкина и русская традиция. Материалы международной научной конференции. Липецк, 2000. С. 68.

⁹⁶ Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. СПб., 2001. С. 100.

⁹⁷ *Козмина М.А.* «Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли: нам всё равно...» С. 201.

⁹⁸ *Разумовская Е.Н.* Народная инструментальная традиция Псковщины // Михайловская пушкиниана. Вып. 32. М., 2004. С. 73.

⁹⁹ *Вертков К.А.* Типы русских гуселей // Славянский музыкальный фольклор. М., 1972. С. 59.

усовершенствованные прямоугольные Г. в виде резонаторного ящика с крышкой, с хроматическим строем. Последние использовались в основном в церковной среде и дворянском быту. В XVIII–XIX веках могли исполнять церковную службу под аккомпанемент инструмента: «18 апреля 1820 года. В сей же вечер был на зоре (часть вечернего богослужения), коей еще с музыкой в этом году ни разу не было. Какая чудесная молитва!»¹⁰⁰ То, что здесь имеется в виду инструмент, говорит замечание автора о том, как «ходили по городу с песнями, с присокуплением музыки»¹⁰¹. Различные сохранившиеся формы Г. говорят о разнообразии исполняемого репертуара и основных трех категориях певцов: дружинные — знатоки старой эпики и создатели эпики современной, бродячие — скоморохи и лицедеи, знахари и культовые — участвующие в богослужениях¹⁰².

В древние времена певцы-вещуны стояли выше всех по социальной лестнице, недаром пушкинский кудесник обращается к князю: «Волхвы не боятся могучих владык / И княжеский дар им не нужен» (II, 21). В новое и новейшее время их положение становится незавидным из-за преследования властей; народных певцов, помнящих «заговоры, магические действия, зовут и боятся как знахаря. Он поет и потешает, и побирается, и пристаёт к тем, кто его кормит, льстит и бранит кого попало, смотря по обстоятельствам и кошельку»¹⁰³. Хотя Г. пользовались определенным уважением, освященным авторитетом царя Давида, сказавшим: «Пойте Господеву в гуслех и гласе псалосте» (Псалтырь, Кафизма XIII).

В XIX веке гуслиеры сохранились в полной мере только у западных славян — сербов и словаков. В своем предисловии к «Заметке о Иакинфе Маилановиче» П. Мериме пишет: «Иакинф... единственный мне знакомый гуслиер, который в то же время был поэтом; большинство гуслиеров повторяют старые песни, или самое большое — сочиняют подражания» (III, 1311). Это мнение разделял и Пушкин, но ценил народную поэзию как источник своего творчества, а не как повод «смеяться над «местным колоритом» (письмо П. Мериме Пушкину) (III, 1310). Обращение поэта в «Песнях западных славян» 1834 года к прошлому славянских народов не случайно. Будучи с 1833 года действительным членом Российской

¹⁰⁰ Дневник Ивана Игнатьевича Лапина. С. 101.

¹⁰¹ Там же. С. 68.

¹⁰² Власова З.И. Скоморохи и фольклор. СПб., 2001.

¹⁰³ Там же. С. 150.

*Выставочная кинетическая композиция «Кот ученый» и «Дуб у Лукоморья»
Татьяны и Андрея Криксиных. Из собрания Пушкинского Заповедника*

Академии наук, в соответствии с проектом ее президента А.С. Шишкова и планом академических словарных работ он занимался созданием этимологического общеславянского сравнительного словаря¹⁰⁴.

Игры народные — забавы, увеселения, зрелища, соревнования. Включали в себя элемент театра, цирка, танцевального, музыкального, песенного, интеллектуального, поэтического искусства и древних религиозных культов¹⁰⁵. Различаются И., сопровождающие торжества, связанные с календарными праздниками и обрядами, и игры бытовые. Дети играли в игрушки (куклы, кони, бирюльки и т. д.), спортивные И. (бабки, свайку, рюхи, лапту, городки) и ролевые, воспроизводя стороны взрослой жизни (молотьба, пахота, забота о детях и т. д.) Детские И. делились на И. мальчиков и девочек¹⁰⁶. Подростки начинали участвовать во взрослых развлечениях, таких как: шахматы, шашки, карты, охота и проч.¹⁰⁷ Молодежные И. имели ярко выраженный брачный характер и происходили, как правило, в Святки и после Пасхи (см. Гуляния): «1820 год. 2 мая. Вечеру в 5-м, был на посаде, где играл с любезнейшими нимфочками в холостые, в веревку и в дитяти»¹⁰⁸.

В пушкинское время в народных И. принимали участие все слои народонаселения России, летом 1821 года в Кишиневе Пушкин, Горчаков и Вельтман «на широком дворе квартиры» Липранди играли в свайку¹⁰⁹. Свайка — большой железный гвоздь, который метают в железное кольцо: «Эта игра уже с неделю постоянно занимает празднующую нашу молодежь»¹¹⁰. Многие традиционные И. в свайку, с кубарями, бабками, закидушками и другие, требовали не только физической подготовки, но сообразительности и разнообразных навыков и знаний¹¹¹. Пушкин

¹⁰⁴ Коломинов В.В., Файнштейн М.И. Храм муз словесных (из истории Российской Академии). Л., 1986. С. 70–102.

¹⁰⁵ Симаков Г.Н. Игры народные // Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 4. М., 1991. С. 47–49.

¹⁰⁶ Русские дети. Основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2006. С. 136–147.

¹⁰⁷ Российский историко-бытовой словарь. С. 160.

¹⁰⁸ Дневник Ивана Игнатьевича Лапина. С. 102.

¹⁰⁹ Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина / сост. М.А. Цявловский. Л., 1991. С. 272.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Григорьев В.М. Игрушки пушкинского детства: актуализация, рекон-

с увлечением включался в игровую стихию, иногда прямо на улице. Псковский чиновник однажды встретил поэта, играющего с мальчишками: «Как-то раз, отправившись на утреннюю прогулку, в задумчивости набрел я на кучку ребят, игравших в бабки. От нечего делать я засмотрелся, как ловко взвивалась тяжелая свинчатка, подымая пыль столбом. Переведя затем глаза на игрока, я немного опешил, увидя человека если еще не старого, то и не первой юности. Незнакомец одет был в белый армяк нараспашку; летний картуз небрежно покрывал ему голову; кудрявая борода вилась на щеках и на подбородке. Было в нем нечто цыганское, своевольное... Не обращая на меня внимания, незнакомец метко и уверенно выбивал игру за игрой, чуть припадая на колено и щуря глаза; потом встряхнулся, потер свои маленькие загорелые руки, дал мальчишкам пятак»¹¹². Известно, что Пушкин мастерски играл в бабки, чижа и другие игры с шарами и палкой. А михайловского периода стихотворение «Прятелям» носит черты наблюдения за детской игрой «В ястреба и цыплят (гусят)»¹¹³:

Как налечу нежданный, беспощадный.
Так в облаках кружится ястреб жадный
И сторожит индеек и гусей.

(XIII, 136)

Обычное праздничное времяпрепровождение в то время включало И. в карты: «6 декабря (ст. ст.) 1818 года. Был вечером на именинах у Николая Ивановича Слесарева, куда пришел я в 5 часов вечера... и мы четверо начали играть в карты, и так забавлялись мы уже часа два или три... Потом играли на гусях, на флейте и на бубне, а некоторые плясали. В первом часу ужинали. Поужинав, тоже мы трое играли в горку, а некоторые в бостон...»¹¹⁴ Карточные И. подразделялись на азартные, коммерческие и неазартные. И хотя азартные И. были запрещены, в силу привлекательности момента непредсказуемости ими

струкция, возрождение // Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Большие Вяземы, 2002. Ч. 1. С. 94.

¹¹² Гордин А.М. Пушкин в Михайловском. Псков ; М., 2012. С. 209–210.

¹¹³ См.: Покровский Е.А. Детские игры, преимущественно русские. М., 1895 [репринтное издание: СПб., 1994].

¹¹⁴ Дневник Ивана Игнатьевича Лапина. С. 79–80.

Игры народные в Бугрово. 2014 год. Фото Н.А. Алексеева

увлекались многие, в том числе Пушкин¹¹⁵. Играл он, правда, чаще всего неудачно; единственный человек, у которого он всё время выигрывал, был И.Е. Великопольский, с которым они встречались во Пскове у Г.П. Назимова¹¹⁶. К светским И., получившим распространение в народе в пушкинское время, относились шашки, шахматы, лото и бильярд, имевшийся во Пскове и других губернских городах: «1822 год. 7 августа.. В сей вечер, начиная с 10 часов и до 5 часов утра, я играл с винным приставом на бильярде... Я еще отроду впервые сыграл, не отходя от бильярда, 73 партии ночных»¹¹⁷.

Своеобразной моделью крестьянского традиционного мира были обрядовые И., сопровождающие различные народные праздники. Они могли восприниматься и как развлечения для господ, как зрителей, так участников. По воспоминанию А.П. Керн, «любимым развлечением нашим были Святки... и свадьбы дворовых»¹¹⁸. Подобные И., дошедшие до наших дней, имели древнее происхождение, их мог видеть Пушкин в Михайловском в 1824–1825 годах.

Песенная игра «Как у горыди царевна, царевна»: все стоят в кругу и поют, а одна пара ходит по кругу, держась за руки, затем она выбирает других партнеров, кланяется и возвращается в круг¹¹⁹. Хороводная игра «Просо»: ходили ряд на ряд. Наборный хоровод: парни ходили по кругу под песню «Как на бережок конь бежит», потом запевали «Завадитека, ребята, сваю кругавую» и выбирали девушек, которые приглашали других парней и эти пары, под песню «Я стаяла у калодца, у вады», шли всей «артелью», становились в круг и кружились. «Хажу я, гуляю»: парень сначала выбирал «тестя», «тещу», «шурина», «свояченицу», потом их разгонял и со словами «Я сваю милую два раза цалую» оставался с «невестой».

Многие плясовые И. сохранились до XX века, к примеру, под названием «Бес» (возможно, с этой игрой связано выражение «мелким бесом рассыпался», попавшее и в роман «Евгений Онегин» (VII, XXVI).

¹¹⁵ Лотман М.Ю. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начала XIX века). СПб., 1994. С. 136–163.

¹¹⁶ Парчевский Г.Ф. Пушкин и карты. Налево ляжет ли валет? СПб., 1996. С. 32.

¹¹⁷ Дневник Ивана Игнатьевича Лапина. С. 119.

¹¹⁸ Керн А.П. Воспоминания. Записки о А.С. Пушкине. М., 1974. С. 170.

¹¹⁹ Мехнецов А.М. Народные традиции культуры Псковской области. Т. 1. С. 421–423.

Пляски «Суп варить», «Лянова», «Лобанка», «Звездочка», «На первого» были упрощением классических или современных по тем временам танцев. Молодой человек того времени знал таких, как правило, несколько: «1818 год. 5 ноября. Был на вечеринке... занимались разными танцами — вальцами, экосесы, кадрили, журавля и алагрек. Начальствующим был улан, человек добрый, который нам много колен новых насажал»¹²⁰. Другие популярные — «Кружка», «Трепака», «Русского», «Елочка» — были традиционные, существовали с незапамятных времен; «никакой другой национальной танец в мире не сравнится по привлекательности с этой пляской»¹²¹.

На посиделках играли в «Золота хароня (хоронить, прятать)», «Холостые», «Тес пилить», «Монахи». Возможно, отголосок последней можно найти в пушкинском юношеском стихотворении: «Знай, Наталья, я монах!» (I, 17). Дошедшая до наших дней, эта И. состояла в том, что два парня подходили к двум девушкам, легонько ударяли их — выбирая, подводили к порогу и целовали, потом девушки делали то же¹²². Маски и ряжения часто сопровождали И. молодежи: «1818 год. 5 ноября. Был тоже по приглашению Федора Федоровича и у него на вечеринке... Анна Степановна Лобкова была обрядясь коновалом, так же и я был обрядясь, и плясали... Весело было!»¹²³

Брачные И. зависели от окружения и моды, в XIX веке термин «поиграть»¹²⁴ означал полюбезничать друг с другом. Молодые люди при знакомстве друг с другом часто затевали своеобразную И., стараясь произвести выгодное впечатление: «Алексей продолжал играть роль рассеянного и задумчивого» (VIII, 120). А выбранная Лизой роль «барышни-крестьянки» заканчивается предложением руки и сердца (VIII, 123).

Изба — истопка (пск.) — в простейшем варианте состояла из помещения с хлебопекарной печью, полуземляночного типа, находимого

¹²⁰ Дневник Ивана Игнатьевича Лапина. С. 77.

¹²¹ Штелин Я. Музыка и балет в России XVIII века / под ред. Б.И. Загурского. Л., 1935. 175 с.

¹²² Козмин В.Ю. Михайловское: возвращение в Захарово // Хозяева и гости усадьбы Вяземы: материалы IX Голицынских чтений (26–27 января 2002 года). Большие Вяземы, 2002. С. 268–275.

¹²³ Дневник Ивана Игнатьевича Лапина. С. 77–78.

¹²⁴ Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. СПб., 2005. С. 326.

*А.Н. Якобсон. Барышня-крестьянка.
Иллюстрация. С рисунка 1937 года. Бумага, печать. 215 × 162 мм.
Из собрания Пушкинского Заповедника*

при археологических раскопках в слоях уже VIII–IX веков¹²⁵. Такие избы могли называться хатой или клетью¹²⁶. При переходе к срубной технике И. приобретает прямоугольную однокамерную форму, затем появляются сени (см. раздел «Михайловское», Сени, т. 1) без потолка, с двумя сквозными дверями для входа и выхода на скотный двор¹²⁷. И. в Пушкиногорье и окрестностях ставились на довольно высоком фундаменте, т. н. «стульях» (вбитых в землю столбах) или камнях, с «подызбицами» для хранения домашних припасов. И. были высотой в 14–19 венцов бревен, сложенных по преимуществу «в чашу» и «в обло»¹²⁸. При этом сборка венцов происходит с помощью вырубаемого в предыдущем бревне углубления. Перекрытие кровли делалось «самцовым», т. е. на бревенчатом фронте, в котором по скату врубались горизонтальные слезы¹²⁹, количество и расстояния между которыми зависели от материала покрытия, чаще всего соломенного, у богатых тесового и дранью (щепой)¹³⁰. Форма кровли имела местные особенности и была т. н. «переходного» типа от двухскатного к шатровому четырехскатному — т. н. «дымниковая». «Пристрешек», «залобяк» (пск.) — небольшой скос для защиты от косо-го дождя, с треугольным отверстием для выхода дыма у конца охлупня, венчающего кровлю балки, уложенной на каркасно-стропильную конструкцию¹³¹. Первоначальное сводчатое перекрытие курной И. меняется на трапециевидное, составлявшее единое пространство с И. Вытянутый объем И. без потолка, для поднятия дыма, сменяется стропильной конструкцией с потолком, членением на сам дом и чердак. Древнейший вид

¹²⁵ Историко-этнографические очерки Псковского края. С. 176–178.

¹²⁶ Андреев В.К. Названия построек в псковских говорах // Михайловская пушкиниана. Вып. 7. М., 2000. С. 126.

¹²⁷ Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник: Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 31. М., 1956. С. 419–453.

¹²⁸ Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Языки славянской культуры. М., 2005. С. 87.

¹²⁹ Бесарабова М.А. «Ни огня, ни черной хаты!» К вопросу о наполнении архитектурного пейзажа пушкинского времени // Псков. 1998. № 9. С. 171.

¹³⁰ Тимошенкова З.А. Социокультурный облик северо-западной деревни XVII–XVIII веков. Псков, 1999.

¹³¹ Ганцкая О.А. Методика картографического определения типов и комплексов крестьянского жилища (По материалам историко-этнографического атласа «Русские»). М., 1964. С. 5.

этой конструкции, крыша на сошках и полусошках — т. н. каркасно-прогонная крыша с опорой на сруб, сохранилась до сих пор в хозяйственных постройках Пушкиногорья¹³².

Пушкин писал: «В России нет человека, который бы не имел своего собственного жилища. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет свою избу» (XI, 258). И. в XIX веке ставили, как правило, «двойню»: изба — сени — изба. Одна И. зимняя, курная, другая чистая, летняя, горница (для хранения вещей и для приема гостей). Горница вначале была без печи, в XIX веке уже с печью. Печь (см. раздел «Михайловское») была главным оборудованием и принадлежностью интерьера, в западно-русском варианте была развернута устьем ко входу и поэтому делалась чаще без «шестка», с нишей, чтобы не загораживать проход. Там же, в нише, делался т. н. «жаратник» («загнеток», «камелек») — остаток очага, куда загребались угли после того, как печь протопилась, с висячим над ним котелком, а с конца XIX века — с чайником на поворотном кронштейне¹³³. По диагонали от печи находился наиболее освещенный двумя окнами Красный, или Божий угол (обрóзник, образница)¹³⁴ с находящимися там иконами, образами¹³⁵. Это было место для хозяина, чистое, украшенное полотенцами, где проходили наиболее важные моменты жизни семьи: совместные молитвы, приемы гостей, проводы невесты и другие важные моменты свадьбы, похоронного и других обрядов календаря народного. Туда же ставили последний убранный в поле сноп, именовавшийся «дед», «баба» или «Харитон», который «освящался» в течение зимнего периода, а затем его зернами засеивали поле нового урожая¹³⁶.

Внутреннее убранство традиционного жилища строилось и рубилось одновременно с И. и составляло с ним неразрывное целое. Это лавки, полки, полати, голбец (конструкция у печи)¹³⁷, посудники. Такой интерьер был прост, но в высшей степени целесообразен. Каждый член

¹³² Ланцев В.В. Амбары крестьянских хозяйств Псковской области (конец XIX — начало XX века) // Труды Псковского политехнического института. № 2. СПб. ; Псков, 1998. С. 163–170.

¹³³ Ушаков Н.В. Функции «жаратника» в северо-западной традиции // Живая старина. 1993. № 3. С. 31.

¹³⁴ Русская изба. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 1999. С. 97.

¹³⁵ Там же. С. 30.

¹³⁶ Историко-этнографические очерки Псковского края. С. 69.

¹³⁷ Русская изба. Иллюстрированная энциклопедия. С. 19.

*Красный угол. Киот в Красном углу.
Экспозиция М. Козминой. Фото М. Тимофеевой*

*Красный угол в черной избе. 2024 год.
Фото М. Тимофеевой*

*А. Заславский. Приезд И.И. Пущина. 1948 год.
Бумага, карандаш. 315 × 425; 415 × 500 мм.
Из собрания Пушкинского Заповедника*

семьи имел свое место для сна и работы. Мужчины держали свои принадлежности в конике (у входа), женский угол находился у печки, люлька с младенцем была подвешена посреди избы. Ночью старики спали на печи, взрослые на лавках или «полу» — нарах у печи, дети на полотах. Невстроенной мебели было немного: стол, скамьи, сундуки, коробья, которые были обычным хранилищем для одежды, наравне с кубелом — липовой кадкой с крышкой. Числом сундуков и коробов измерялось богатство семьи. При появлении горницы помещения стали обставляться кроватями, шкафами, поставцами, буфетами и т. д.¹³⁸

Пушкин приводит «замечательное» описание И. у Радищева: «Четыре стены, до половины покрытые, так как и весь потолок, сажею; пол в щелях, на вершок по крайней мере поросший грязью; печь без трубы, но лучшая защита от холода, и дым, всякое утро зимою и летом на-

¹³⁸ *Тыдман Л.В.* Изба. Дом. Дворец. История интерьера России с 1700 по 1840 год. М., 2000. С. 67.

полняющий избу; окончины, в коих натянутой пузырь, смеркающийся в полдень, пропускал свет; горшка два или три (счастлива изба, коли в одном из них всякой день есть пустые шти!)... Корыто кормить свиней или телят, буде есть, спать с ним вместе, глотая воздух, в коем горящая свеча как будто в тумане... К счастью кадка с квасом на уксус похожим, и на дворе баня, в коей, коли не парятся, то спит скотина» (XI, 256). И тут же спорит с ним¹³⁹: «Однако произошли улучшения, по крайней мере на больших дорогах: труба в каждой избе; стекла заменили натянутый пузырь; вообще больше чистоты, удобства... Очевидно, что Радищев начертил карикатуру» (XI, 256).

А по поводу приезда в Михайловское в 1826 году радуется: «Вот я снова в своей избе...» (XIII, 304). Надо отдать должное его наблюдательности, дворянские провинциальные усадьбы в конце XVIII — начале XIX века мало отличались от крестьянских дворов, часто лишь размерами и числом внутренних помещений.

Качели — различные механические устройства для раскачивания, увеселения¹⁴⁰. Зыбка (пск.) — качель, зыбить, зыбнуть — качать, колебать. К. широко применялись на Семик, Пасху, во всю Светлую неделю как наиболее полно выражающую праздничную стихию. Опочецкий купец пишет как об особом поведении то, что в 1822 году «в продолжение всей Пасхи под зыбками я ни разу не был»¹⁴¹. Воспринимались как простонародное развлечение: «Зыбался на качелях, инно голову вскружило»¹⁴². А Пушкин писал: «Гуляя под качелями, вы толкнули лавочника, и не скажете же ему: mille pardons» (XII, 95). Качание на К. носило оттенок предсвадебных игр, поэтому Пушкин, будучи женатым, отослал супруге «всепокорнейший отчет»: «Святую неделю провел я чинно дома, был всего вчера [у] (в пятницу) у Карамзиной да у Смирновой. На качелях не являлся» (XV, 134). А неженатый Лапин пишет: «1 мая 1821 года. День провел превесело. Был на качелях у ..., где

¹³⁹ Архив Пушкинского Заповедника (АПЗ). Выставка «Всё было как в обыкновенной избе...» // Проект Бугрово. «Пушкинская деревня». 2014 год / авт. концепции выставки и ТЭПа М.А. Козмина.

¹⁴⁰ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 218–219.

¹⁴¹ Дневник Ивана Игнатьевича Лапина. С. 108.

¹⁴² *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1. С. 697.

Качели в Бугрово. 2014 год. Фото Н.А. Алексеева

качались барышни и наши девушки, с продолжением музыки...»¹⁴³ По-видимому, качели часто дополнялись музыкальным сопровождением. Кроме Пасхи, молодежь качалась и в другие весенние праздники: Масленицу, Сороки, Вербное воскресенье¹⁴⁴. Но К. в это время вешали в помещении, чаще всего Гумна, пустого сарая или в пристройке к дому.

В XVIII–XIX веках были К. различной конструкции, а простейшие — в виде вертящегося столба с веревками и с петлями¹⁴⁵. Адам Олеарий в XVII веке отмечал широкое распространение у нас еще двух видов К. — рычаговых, в виде переброшенной через чурбан доски, на которой двое или больше участников как бы взвешивались, подпрыгивая¹⁴⁶, и других — со столбами с перекладной, на которой крепится

¹⁴³ Дневник Ивана Игнатьевича Лапина. С. 110.

¹⁴⁴ Русский праздник. Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия. С. 235.

¹⁴⁵ Российский историко-бытовой словарь. С. 187.

¹⁴⁶ Русский праздник. Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия. С. 231–235.

с помощью веревок или палок доска для сидения или стояния. Такие К. предназначались в основном для молодых и имели выраженную брачную семантику: мужчины демонстрировали удаль — «парни зыбались очень высоко», а у девушек полы сарафанов развевались к удовольствию «подкачальников». Это были добровольцы, с помощью которых раскачивали К.

Для любителей острых ощущений был вид К. на столбах: «круговые», или «круглые» К., которые раскручивались либо горизонтально, либо вертикально, наподобие «колеса обозрения»¹⁴⁷. «На двух столбах была прикреплена вращающаяся ось, от которой с краев по радиусам шли балки. На концах двух параллельных балок была подвешена кабинка, в которую и помещались желающие покататься. Ось приводилась во вращательное движение, и кабинки с земли поднимались высоко над толпой»¹⁴⁸. Качели ставил обычно помещик для своих крестьян и всех желающих после Пасхи на своей усадьбе¹⁴⁹. Ларины, как известно, «любили круглые качели» (Евгений Онегин, II, XXXV), названные Пушкиным «сельскими» (в черновиках) (VI, 301). Скорее всего, Ларины качались в возках, сплетенных из прутьев или сколоченных из досок. Причем конструкция их могла совмещать черты обычных К. с перекладной и элемент вращения, могла быть похожа на крылья мельницы, так называемая «мельничная зыбка»¹⁵⁰. Такие К. «в виде вращающегося вала с протетыми сквозь него брусьями, на которых подвешены ящики с сидениями»¹⁵¹. Качели раскачивали руками или с помощью механизма «подкачальники». К. производят колебательные движения вплоть до полных оборотов: «Там (на ярмарке) были две зыпки — зыпок на столбах и кругавой зыпок»¹⁵².

¹⁴⁷ См.: Увеселения, праздники // Москва / сост. Т.Я. Брисман и др. М., 1998.

¹⁴⁸ Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища конца XVIII — начала XX века. Л., 1988. С. 22.

¹⁴⁹ Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. С. 249.

¹⁵⁰ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 2. С. 248.

¹⁵¹ Лотман Ю.М. Роман Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. СПб., 2008. С. 352.

¹⁵² АПК II, 30. Псков, Старухино, 1977.

*Квасник из собрания Пушкинского Заповедника.
2024 год. Фото М. Тимофеевой*

Квасникъ и Сбитенщикъ.
Le vendeur du Kivasse et le vendeur du Sbitène.
Der Kwass-Verkäufer und der Sbiten-Verkäufer.

Квасник и сбитенщик. 1817 год.
Лубочная картинка. 412 × 524 мм

Квас — старинный русский кисловатый на вкус напиток, настаиваемый с дрожжами на солоде, а также на ржаном хлебе, на сухарях¹⁵³. Как в переписке, так и своем творчестве Пушкин неоднократно упоминает К., хвалит Радищева за то, что он «упоминает... о квасе как о необходимости русского быта» (XI, 256). В письме к Н.Н. Пушкиной рекомендует содержательницу гостиницы в Торжке Дарью Пожарскую, «которая варит славный квас и жарит славные котлеты» (XV, 73). Как синоним трезвой жизни К. упомянут в «Капитанской дочке»: «Кажется, ни батюшка, ни дедушка пьяницами не бывали; о матушке и говорить нечего: отроду, кроме кваса, в рот ничего не изволила брать» (VIII, 284). В «Домострое» сказано: «Пила бы жена безхмельную брагу и квас — дома и в людех»¹⁵⁴. К. был признаком «мирного» быта семейства Лариных: «Им квас как воздух был потребен» (Евгений Онегин, II, XXXV). У А.А. Бестужева-Марлинского, современника Пушкина, К. назван «некрещеным напитком, без которого ни один русский не может существовать»¹⁵⁵, т. е. исконно, еще до крещения Руси, являвшимся принадлежностью русской национальной кухни.

К. известен по памятникам письменности с X века¹⁵⁶. Из них мы узнаем, что он мог быть разных сортов: медвяный, ягодный, хлебный¹⁵⁷. Популярен был К. из яблок и груш, которые в моченом виде шли после в пищу и были лакомством, в том числе для Пушкина¹⁵⁸. К. делали даже из репы и арбуза, он назывался «ягодным». Медвяный К., «имеющий вкус меда», делался чаще всего на патоке. Кроме того, известен был «щавный квас», кислощейный, или просто «кислые щи»: «Удастся — квас, а не удастся — кислы щи»¹⁵⁹. Самым древним был

¹⁵³ Российской хозяйственной винокур, пивовар, медовар, водочный мастер и погребщик. Собрано из разных иностранных и российских сочинений и записок. СПб., 1792.

¹⁵⁴ Домострой / сост., пер. и коммент. В.В. Колесова. М., 1990. С. 45.

¹⁵⁵ Бестужев-Марлинский А.А. Повести и рассказы. М., 1992. С. 59.

¹⁵⁶ Повесть временных лет // Хрестоматия по истории русской литературы. М., 1983. С. 27.

¹⁵⁷ Псковский областной словарь. Л., 1980. Ч. 5. С. 18.

¹⁵⁸ Осипова М.И. / А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 1. СПб., 1998. С. 430.

¹⁵⁹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 3. С. 103.

хлебный К., по-видимому, появившийся с возникновением земледелия. Его готовили обычно из квашеной ржаной муки или печеного хлеба с солодом¹⁶⁰. Для приготовления такого К. пекли специальные хлеба, которые до сих пор в псковских деревнях называются «квасами» или «квасовыми»¹⁶¹. Для приготовления К. пользовались глиняными сосудами — корчагами или деревянными кадками с небольшим отверстием внизу для слива сусла. Готовый напиток хранили в глиняном кваснике, дисковидная форма которого позволяла напитку долго оставаться холодным. Кроме того, были и особые кожевенные, ремесленные К., используемые и в бане: «И облиются квасом усняным» — особым настоем на дубовой коре, использующимся для оздоровления кожи¹⁶².

Коляда — кануны Рождества, Нового года и Крещения. Так же назывался последний сноп сжатого зерна с поля («дед» или «Харитон»), который ставился на Рождество под иконы¹⁶³. Колядование — народный обычай в Святки совершать обходы домов со звездой, вертепом, исполняя поздравительные песни и припевки-колядки. В ответ хозяева одаривали колядовщиков провизией и другими необходимыми предметами: льном, лучиной для освещения избы, где проходили святочные игрища молодежи¹⁶⁴.

На Новый Год хозяева обязательно надевали что-нибудь новое из одежды — тогда, по приметам, весь год будешь ходить в обновлениях. Старались не занимать денег или другого имущества, а в гости шли не с пустыми руками, чтобы в доме был прибыльок. В К. варили кутью и поминали родителей на могилках, выходили на крыльцо, звали К. и «Мороз кричали»: «Каляда, К., приходи в дом!», затем хозяин разбрасывал кутью и приговаривал:

Мароз, Мароз,
Приходи ка мне кутью исть,

¹⁶⁰ *Этерлей Е.Н.* Напenea кружку кислых щей // Русская речь. 1969. № 5.

¹⁶¹ *Терещенко А.* Быт русского народа. В 3 т. СПб., 1847, 1999. Т. 2. С. 12.

¹⁶² *Лутовинава И.С.* Слово о пище русских. СПб., 1997. С. 212.

¹⁶³ Соломенное чудо. Выставка «Рождественская игрушка своими руками»: буклет / авт.-сост. М.А. Козмина. Деревня Бугрово, 2008.

¹⁶⁴ Русский праздник. Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия. С. 262–269.

Летым пад мяжой ляжи,
А зимой у дом зыхади, пажалуста!

(Пушкинские Горы)¹⁶⁵

В канун Рождества, в ночь, ходили колядовщики с пением христианских тропарей, кондаков и поздравительных песен — «виноградий»: «Пришла Коляда, накануне Рождества, виноградье красно-зеленое!»¹⁶⁶ Славили Христа обычно в канун Рождества, а колядки все К. Хозяева с нетерпением ожидали колядовщиков, за благопожелания подавали продукты, деньги. Ходили по дворам и нищие с вертепом, пением рождественского тропаря и духовных стихов-рацей¹⁶⁷. Могли приходиться и ряженые, которые кричали: «Коляда, железный тын, подавай в окошко блин!», требовали подаяния, шутили, а если их выгоняли, пугали и ругали хозяев. Это всё считалось необходимым ритуалом, направленным на приумножение богатства, проявления жадности со стороны хозяев не сулили им ничего хорошего¹⁶⁸. Колядовщики, обычно дети и девушки, презентовали себя, обходя дворы потенциальных женихов, а на собранное устраивали общие «вечера» во время всех Святков. Для этого выкупали избу на деньги, собранные во время Рождественского «славления»¹⁶⁹. А после Рождества начинались «игрища», праздник неженатой молодежи, поэтому центральными моментами здесь были гадания, смотрины, инсценировка свадьбы, ряжения¹⁷⁰. Ряженые, чаще парни, в вывороченных одеждах, «абделавши» цыганами, «шутами», приходили на «вечера» высматривать невест. Часто озоровали, пугали молодежь, разыгрывали всевозможные сценки, игры: «Тес пилить», «Шубу шить», «Сметану лизать», «Пчелы роем», «Продавали поросят» (носили ребятишек в корзинах) и т. д.¹⁷¹

¹⁶⁵ Мехнецов А.М. Народные традиции культуры Псковской области. Т. 1. С. 242.

¹⁶⁶ Громько М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 322.

¹⁶⁷ См.: Никифоровский Н.Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи. Витебск, 1897.

¹⁶⁸ Русский праздник. Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия. С. 268.

¹⁶⁹ Там же. С. 269.

¹⁷⁰ Носова Г.А. Язычество в православии. М., 1975. С. 51.

¹⁷¹ Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1887. Т. 1. Ч. 1. С. 90.

Распространенная святочная игра с передаваемой по кругу лучиной — «в курилку» стала фигуральным прообразом для поэтической эпиграммы 1825 года Пушкина на Каченовского «Жив, жив Курилка!»:

— Фу! Надоел Курилка журналист!
Как загасить вонючую лучинку?
Как уморить Курилку моего?
Дай мне совет. — Да... плюнуть на него.

(XIII, 174)

В романе «Евгений Онегин» множество упоминаний о детских играх, самым известным примером являются строки:

Вот бегают дворовый мальчик,
В салазки жучку посадив,
Себя в коня преобразив...

(Евгений Онегин. V, II)

Смысл этой святочной игры состоял в особом, ритуальном «озорстве» молодежи в это время (см. Святки) — ржании, шуточном воровстве с демонстрируемым молодечеством¹⁷². Подобные игры были разнообразны и имели целью ритуальную подготовку молодежи к брачному возрасту, поэтому включали в себя элементы свадебного ритуала. В соседнем Новоржевском районе записано свидетельство об игре детей «в свадьбу»: в маленькие санки впрягались ребятишки, на санки садились двое — мальчик и девочка, и «молодых» везли венчаться¹⁷³. Распространенной была и святочная забава с ржанием «покойником», который ассоциировался со старым годом¹⁷⁴.

¹⁷² Козмин В.Ю. «Себя в коня преобразив» (из комментариев к «Евгению Онегину») // Время и текст: историко-литературный сборник. СПб., 2002. С. 102–110.

¹⁷³ Мехнецов А.М. Народные традиции культуры Псковской области. Т. 1. С. 421–423.

¹⁷⁴ Русские дети. Основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2006. С. 134.

Особое удовольствие у присутствующих вызывали ряженые, переодетые в традиционные зооморфные маски: «жоров» (журавль), «медведь», «гусак», «конь», «волк», «рак». Но были и антропоморфные: «смерть», «ведьма», «мельник», «цыган». Дети боялись их, а у взрослых эти впечатления могли потом трансформироваться во сне:

Сидят чудовища кругом:
Один в рогах с собачьей мордой,
Другой с петушьей головой,
Здесь ведьма с козьей бородой,
Тут остов чопорный и гордый.

Там карла с хвостиком, а вот
Полужуравль и полукот.

(Евгений Онегин. V, XVI)

Чаще всего «обдeldывались» — рядились — в вывороченные шубы, старые вещи, лохмотья, старинные наряды и головные уборы. «Журавль» в рукав вставлял «мяхалку» (ею мешали кисель), которой он всех клевал, вместо хвоста приделывали веник. При описании этих масок псковские крестьяне так объясняли: «Чтоб страшней и чуднее»¹⁷⁵. Теми же словами Пушкин передает состояние чудесного сна Татьяны:

Еще страшней, еще чуднее:
Вот рак верхом на пауке,
Вот череп на гусиной шее
Вертится в красном колпаке...

(Евгений Онегин. V, XVII)

«28 декабря (ст. ст.) 1819 года. Был на вечеринке..., такое множество было обмаскерованных чудесным образом...»¹⁷⁶ Состоятельные горожане шили себе костюмы: «1822 год. 27 декабря. Была вечеринка у город-

¹⁷⁵ Мехнецов А.М. Народные традиции культуры Псковской области. Т. 1. С. 421–423.

¹⁷⁶ Дневник Ивана Игнатьевича Лапина. С. 95.

ничева Обернибесова, и я был обряжен турком, да еще со мной товарищ был во фраке и Дунюшка Телепнева, и нас там никто не узнал»¹⁷⁷.

Масленица — один из наиболее любимых, отмечаемых целую неделю, подвижных русских праздников, приходящийся на конец февраля — первую половину марта (по новому стилю). Проводился обычно с размахом, что упоминает в письме Пушкин: «Нынешняя зима была ужасно изобильна балами. На масленице танцевали уж два раза в день» (XV, 117). На Масленицу были свои игры, связанные с катанием на саях, зажиганием костров и различными спортивными соревнованиями.

Начало М. — восьмая неделя до Пасхи, последняя перед Великим постом. Включала в себя этапы встречи и проводов кострами, праздничную пищу — блины; катания с гор и на лошадях, разнообразные обычаи, связанные с молодоженами, ярмарки и драки, «прощание» на Великий пост. Начинали отмечать М. с предыдущего воскресенья, которое называли «заговоренным», или «мясным воскресеньем». В этот день подростки строили ледяные горы и пели: «Приезжай ко мне, М., на широкий двор: в горах покататься, в блинах поваляться, сердцем потешиться»¹⁷⁸. Вечером выходила на улицу молодежь, распевая обрядовые песни. Понедельник носил название «встречи», вторник — «заигрыши», среда — «лакомка», четверг — «зятевские блины», продолжавшиеся три дня, пятница — «посиделки», суббота — «золовкины посиделки», воскресенье — «масляный загавины», или «прашшальнаё васкрясеннё». В понедельник дети собирались на снежных горах и говорили: «Звал, позвал честный Семик широку М. к себе на двор», а съезжая с гор кричали: «М. приехала!» Катались, положив блин на голову, парень старался сорвать его с головы понравившейся ему девушки¹⁷⁹. Катание с гор на катках, салазках и лошадях расценивалось как продуцирующая магия: чтобы был длиннее лен, специально катали ребятешек и стариков на лошадях, а те кричали: «Лен далгой, лен далгой! Расти, лен длинной!»¹⁸⁰ На горке, с которой катались, женщины пели «долгие» песни, вечером жгли костры и «катали колеса» — старые тележные, древний символ

¹⁷⁷ Дневник Ивана Игнатьевича Лапина. С. 122.

¹⁷⁸ См.: Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — начало XX века. М., 1979.

¹⁷⁹ См.: Пропт В.Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963.

¹⁸⁰ Мехнецов А.М. Народные традиции культуры Псковской области. Т. 1. С. 423–425.

*Интерактивная программа в музее «Пушкинская деревня». 2014 год.
Фото Н.А. Алексеева*

солнца — зажигали и скатывали с горы. Со вторника празднование М. набирало силу. Родители молодой приезжали на разряженной лошади к родителям зятя и приглашали молодых к себе в гости. В четверг молодой запрягал жеребца в выездные сани и чета отправлялась «к теще на блины», возвращаясь домой лишь в воскресенье. Блины пеклись всю неделю, с первым девушки гадали, бежали на улицу — кто встретится, а в субботу ходили «по подокопью», слушали у окон, кто что говорит. Катание на лошадях, в особенности в прощенное воскресенье, было своеобразным смотром молодых пар и их материального благополучия: показать себя, сани, лошадь. Тогда же молодые разъезжали по многочисленным родственникам на лошади, оставляя которую, украшали ковром, специально изготовленным к свадьбе молодой и закрывавшим ноги в возке. На М. происходили и смотрины невест, шутиливо наказывали тех, кто медлил с замужеством. «1818 год. 22 февраля. Вечером ходил с девушками по улицам и дал Анне Лаврентьевне три конфек-

тины: одна — свеча, обвитая серебряной канителью, с билетом: «Полсердца в радости, полсердца в утешенью, и оба приносят мне равное мученье». Получил, наконец, полдюжины поцелуев»¹⁸¹.

Молодежь собиралась на посиделки-«вечера», подобные святочным, для этого откупали просторную избу, реже собирались «по-чередам», т. е. по очереди у гуляющей молодежи. При этом обычно не работали, веселье, песни и пляски были основными занятиями. Изобилие пищи и питья было основным на М. — она рассматривалась как подготовка к посту, поэтому пекли разнообразные блины, пироги, хворост и т. д., стараясь наестся «на весь Великий пост». Пиво и другие напитки собирали в деревне в складчину, с четверга по воскресенье устраивались ярмарки, устраивались драки, «деревня на деревню», кучей. Парни «ломались» — рядились, озоровали, дрались, крали невест, это было крайним средством, если им отказывали в сватовстве. Кражи происходили чаще всего по договоренности с невестой, как в пушкинской повести «Метель» (VIII, 79).

На М. было много шуток, веселья, изобилие еды. В городах, в том числе в Пскове, действовали балаганы с незамысловатыми представлениями: «1818 год. 22 марта... был на комедии в Гаврилы Барышникова доме... Например: ел горящую серу, также сургуч, брал раскаленное железо, в олове ноги мыл и проч. 23 февраля. В субботу, на масляной, был там же... Представления были те же, с малой прибавкой: на дроту (проволоке) крутился, да еще от пистолетного выстрела загорелся вензель А и Е»¹⁸². Народные представления посещал и сам император с придворными, демонстрируя единство «православия, самодержавия и народности»¹⁸³. В его присутствии старались обходиться без традиционных «обычаев», но находились «ревнители старины», которые провоцировали спонтанные костры, оканчивающиеся печально. Так, об одном нашумевшем несчастье (пожаре) в балагане Петербурга в первый день празднования М., 2 февраля 1836 года, сообщает Ольга Сергеевна Павлищева в письме мужу¹⁸⁴. Зажигание огня на М. постепенно забывалось, но в XIX веке этот обычай справлялся повсеместно в михайловских окрестностях (больше всего на правом берегу Сороти). В Святых Горах костры были распространены в меньшей степени — видимо, из-за

¹⁸¹ Дневник Ивана Игнатьевича Лапина. С. 51.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Формулировка министра С.С. Уварова, современника Пушкина.

¹⁸⁴ Дневники-письма сестры Пушкина. 1831–1837. СПб., 1994. С. 155.

близости к монастырю: только в последний день зажигали, «катали колеса» и пели: «Подманула нас курва масленица», «Как на Масляной неделе со стола блины летели». А в Новоржевском уезде молодежь зажигала пуки соломы и ходила около кладбища с таким объяснением: грехи сжигаем. Традиционное название этого — М., или ведьму «сжигаем», или «девок коптим» («седух»), которые не вышли замуж).

Чистым, «очищенным огнем» сжигания старого хлама заканчивался понедельник, первый день поста, после Масленицы — позднее, «в умягчение нравов старины», замещенный ритуалом покаяния и перенесенный на «прощеное воскресенье». В позднейшее время с М. отождествлялась зима, старые беды, несчастья, которые надо было вовремя «сжечь» перед длинным постом.

Рожок — древнейший духовой музыкальный инструмент в виде изогнутой трубки разной формы и длины с расширяющимся концом, он же «русский песенный рожок»¹⁸⁵. В Псковской губернии любой пастушеский инструмент, такой как рожок, трубу или дудку, называли свирелью¹⁸⁶. Дудка и труба употреблялись чаще всего для призыва стада, для иного рода сигналов, коммуникации и передачи информации использовался Р.

На утренней заре пастух
Не гонит уж коров из хлева,
И в час полуденный в кружок
Их не зовет его рожок...

(Евгений Онегин, IV, XLI)

Р. упоминается еще в древних русских былинах под названием «турьего рога», к примеру, в былине о Соломоне премудром и Ваське Окулове. В XIX веке Р. делались из козьих, воловьих, бараньих рогов, а также из дерева, повторяя изогнутую форму рогов. Изготовленные весной в технике продольного раскола березового, можжевельного, соснового, ивового, ольхового дерева, реže из бузины и малины, после нескольких последовательных операций оплетались берестой, корой ивы или ольхи. Наиболее ответственная — операция по изготовлению

¹⁸⁵ Финченко А.Е. Пастушеский комплекс инструментов // Сборник Музея антропологии и этнографии РАН. 1985. Т. 37. С. 35.

¹⁸⁶ Псковский областной словарь. Псков, 1989.

мундштука, язычка, «пищика» и 2–5 отверстий для создания диапазона звучания в пределах чистой квинты. За один сезон пастух менял от двух до пяти инструментов, изготовление требовало высокого мастерства и музыкальных способностей. Р. сопровождал святочные и пасхальные обходы домов, посиделки, плясовые и хороводные песни, частушки¹⁸⁷. Деревенские пастухи участвовали и в придворных гуляниях во времена Елизаветы Петровны и Екатерины II, во время катания на лодках. Роговая музыка была доступна и мелкопоместным дворянам. В наброске «Русский Пелам» Пушкин пишет: «...отец мой жил не хуже графа Ш.[ереметьева], хотя был ровно в 20 раз беднее. Москвичи помнят еще его обеды, домашний театр, и роговую музыку» (VIII, 116). Роговая музыка — это оркестр, состоящий из человек сорока, играющих на охотничьих либо пастушечьих Р. В полном составе Р. было девяносто один, причем каждый издавал только один звук хроматического звукоряда¹⁸⁸. Подобные оркестры использовались преимущественно на общественных гуляниях. Но были и небольшие оркестры, при крепостных театрах и усадьбах, был такой у П.А. Ганнибала (см. раздел «Петровское»)¹⁸⁹. А его сын, Вениамин (см. раздел «Петровское»), который был сам прекрасный музыкант и композитор, имел оркестр из доморощенных крепостных музыкантов¹⁹⁰.

Посиделки — беседы, «вечера», «супрядки» (пск.) — одна из форм совместного времяпрепровождения девушек в нанятом специальном помещении, за оплату деньгами или пряжей. Начинаясь П. с Покрова, собиралась только холостая молодежь, были три возрастные категории — младшая, или «маленькие» (7–10 лет), средняя — «серядохи» (10–13) и старшая — «большухи» (13–16). Многосложное явление. Целью П. было обучение молодежи социальным контактам и трудовым навыкам (прядение, шитье и т. д.) Осень и зима были временем прядения пряжи, обычно девушки собирались на такие П., которые назывались «супрядки» и «беседы» во все дни, кроме времени поста и канунов праздников¹⁹¹. Пушкин отметил это обыкновенное женское занятие строкою:

¹⁸⁷ *Шангина И.И.* Русские традиционные праздники. СПб., 1999.

¹⁸⁸ Российский историко-бытовой словарь. С. 392.

¹⁸⁹ *Анучин Д.Н.* А.С. Пушкин (Антропологический очерк). М., 1898. С. 30.

¹⁹⁰ *Леец Г.* Абрам Петрович Ганнибал. Таллин, 1980. С. 176.

¹⁹¹ Историко-этнографические очерки Псковского края. С. 93.

В избушке распевая, дева
Прядет, и, зимний друг ночей,
Трещит лучина перед ней.

(Евгений Онегин. IV, XL)

Парни также приходили со своей работой: плели лапти, чуни, точили веретена¹⁹². Одновременно это были смотрины, поскольку как раз это время, начиная с Покрова, отмечено периодом свадеб. Посиделки делились на две половины: когда девушки работали с прялками или шили, пели песни, а через какое-то время после начала П. туда являлись парни с гармониками, балалайками, скрипками. После знакомства друг с другом начиналось время веселья, танцев, игр народных: «В ремешок», «Рыбку» и др., носящих предсвадебный характер — с поцелуями, выбором жениха и невесты и т. д.¹⁹³

На святочных П., называемых «игрищами», субботками, обычно не работали, а только веселились. Молодежь собиралась в нанятую на время Святков избу, откуда убирали всю мебель, вешали в Красном углу фонарь, устанавливали помост с лавками, куда усаживались девушки¹⁹⁴. Начинались игры и другие развлечения до утра, парни и девушки разбивались на пары, под присмотром наблюдающих за ними женщин¹⁹⁵. Между понравившимися друг другу молодыми людьми происходил обмен подарками: «1818 год. 2 января. Были у Павла Ивановича Погонялова, где также довольно было девушек, и провели время превесело до 12 часов, потом оттоле пошли к Пелагее и Анны Лаврентьевны — я, брат Никол. Ив. и Анна Степановна, — где уж довольно повеселились... Там же, в знак их ко мне священной любви и привержения, получил я от Аннушки Лаврентьевны английскую булавочку, которая и теперь находится в любовном кабинете; еще же сверх того две прекрасно гравированные картинки итальянской работы, кои тоже будут воспоминанием служить прекрасных сих святков»¹⁹⁶. На большой «вечер»

¹⁹² Историко-этнографические очерки Псковского края. С. 93.

¹⁹³ Мехнецов А.М. Народные традиции культуры Псковской области. Т. 1. С. 422, 438, 446.

¹⁹⁴ Российский Этнографический музей (РЭМ). Тенишевский архив. Псковская губерния. Д. 1423.

¹⁹⁵ Этнические стереотипы поведения / под ред. А.К. Байбурина. Л., 1985.

¹⁹⁶ Дневник Ивана Игнатьевича Лапина. С. 49.

Н. Пожидаев. Михайловское. Дом-музей. 1966 год.

Бумага, тушь, перо. 130 × 190 мм. Из собрания Пушкинского Заповедника

могло собраться всё народонаселение деревни или даже округи, дверь не закрывали, дети забирались на печку, полаты, мужчины рассказывали истории, старики обсуждали молодежь. Женщины и дети плясали, играли, загадывали загадки, рассказывали сказки¹⁹⁷. Во время святочных гуляний среди жителей Порховского и Опочецкого уездов была в ходу игра «в мельницу», предсвадебный смысл которой вызывает в памяти монолог мельника из драмы «Русалка»:

Ох, то-то всё вы, девки молодые,
Все глупы вы...

(VII, 187)

«Мельницы строят так: берут ступу, в которой толкут жито, приносят и ставят посреди избы; изображающий из себя мельника вымазан мукой, к нему подводят каждую по очереди девушку, которая /

¹⁹⁷ Сахаров И. Сказания русского народа о семейной жизни своих предков. СПб., 1837.

говорит: «Мельник, мельник, смели мне лукошечко муки». «Ну, давай, жаланная, — отвечает тот и болтает перстом в ступе, за что девушка его и целует»¹⁹⁸. Почти все игры, хороводы, песни, исполняемые на посиделках, супрядках, вечерах, были связаны с отмечанием пар и сопровождались поцелуями. «27 октября 1818 года. Тоже был там, где при собрании девушек, играли в фанты и хоронили золото, и в сей вечер я с милой Анютой простился, получив в знак памяти полдюжины жарчайших поцелуев»¹⁹⁹. Во время исполнения песен «Где ты, Ванька, перемазался», «Гори, гори, лучинушка» парни («мальцы») ходят по кругу и целуют, «маслят» всех девушек²⁰⁰. В записях народных сказок Пушкина есть и такая: «На Святках молодые люди играли игрища...» (XVII, 205). В период михайловской ссылки Пушкин записал несколько народных сказок, в том числе историю про «трех девиц», претворенную затем в «Сказку о царе Салтане...», которые прядут и рассуждают о замужестве, как вдруг: «...дверь отворилась — и царь вошел без доклада» (III, 1077). Судя по контексту, это начало надо отнести к святочным П.²⁰¹

Святки — период с вечера кануна Рождества до Крещения (24 декабря — 6 января по старому стилю), состоят из трех праздничных дат — Рождества, Нового года и Крещения, продолжаются две недели, первая носит название «святой», вторая — «страшной»²⁰². На это время существовали даже запреты на работу, но сроки были подвижны в пределах конкретной волости. К примеру, в Святогорье население не работало в течение двух недель, а в Новоржеве, Опочке работали утром, а вечером собирались на праздничные посиделки, «вечера»²⁰³.

Это долгожданное событие народного календаря включало в себя соединение и христианских и суеверных моментов празднования. Оно состояло из особого рода посиделок (субботок), хождения со звездой, пения христорловия, разыгрывания комедий, вертепов, гуляний, кулачных боев, катания на лошадях, ряжения и гаданий. Опочецкий купец

¹⁹⁸ РЭМ. Тенишевский архив. Псковская губерния. Д. 1409. С. 26.

¹⁹⁹ Дневник Ивана Игнатьевича Лапина. С. 74.

²⁰⁰ Мехнецов А.М. Народные традиции культуры Псковской области. Т. 1. С. 421–423.

²⁰¹ Кошелев В.А. Пушкин: история и предание. СПб., 2000. С. 160–163.

²⁰² Русский праздник. Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия. С. 506–525.

²⁰³ Историко-этнографические очерки Псковского края. С. 93.

Святки в Бугрово. Ряженые, колядовщики. 2014 год. Фото Н. Алексеева

в 1818 году описывал обыкновенные развлечения в это время: «Рождество Христово. Пообедав, был у Покровского, где вальсировали и чай пили. После с Николаем Слесаревым катались на его лошади и песни пели (да в сей день каталось множество)... Потом на кулачный бой, а с бою ходили по улице... и песни пели, и нас городничий позвал к себе...»²⁰⁴ Начинаясь С. с хождения «славельщиков» в ночь на Рождество и первые три дня праздника — чаще всего это были мальчишки, которые славили Христа, хозяев, поздравляли, произносили благопожелания и получали подарки²⁰⁵. Бегали они также с метлами, к которым были привязаны колокольчики, «чтобы были свадьбы» (Красногородский район)²⁰⁶. Молодежь постарше обходила дома и кликала

²⁰⁴ Дневник Ивана Игнатьевича Лапина. С. 82–83.

²⁰⁵ См.: Керн А.П. Воспоминания.

²⁰⁶ Мехнецов А.М. Народные традиции культуры Псковской области. Т. 1. С. 422, 438, 446.

*Е.М. Корнеев. Катанье на Неве эпохи А.С. Пушкина. 1913 год.
Бумага, фото-тинто-гравюра. 159 × 221 мм.
Из собрания Пушкинского Заповедника*

Коляду: «Коляда, подай блина, Коляда!» Хозяева с нетерпением ожидали колядовщиков, подавали продукты, деньги, на собранное они устраивали общие «вечера» на время всех Святков. Для этого нанимали избу, Пушкин записал: «О Святках молодые люди играют игрища, идут в пустую избу» (XVII, 368). А купец Лапин так описывал ночные Г. 6 января (ст. ст.) 1818 года: «Пожинать сходил, и на игрище махнул к Тархову, где был с $\frac{1}{4}$ часа, а оттоле на Завеличье к Китаю на игрище, где находилось множество девушек, между коих была и П., где я пробыл до 4 часу и весьма весело, потому что некоторые песни пели, некоторые плясали, а мы с прекрасными в короли играли...»²⁰⁷

Дворовые люди (см. «Михайловское», т. 1) шли в барские хоромы в надежде на обильное угощение и веселое времяпрепровождение. Вот как описывает совместное празднование в псковской деревне Болотов: «У г. Сумороцкого была своя музыка... К музыке были присовоку-

²⁰⁷ Дневник Ивана Игнатьевича Лапина. С. 50.

*Д.О. Аткинсон. В русской избе. Середина XIX века.
Копия О. Богаевской второй половины XX века. Бумага, акварель.
150 × 220 мм. Из собрания Пушкинского Заповедника*

плены потом и девки со своими песнями; а на смену им, наконец, созваны умеющие петь лакеи; и так, попеременно, то те, то другие утешали подгулявших господ до самого ужина... Гости все у нас ночевали и на другой день обедали»²⁰⁸.

После выступлений и скоморошества следовали святочные игры, подблюдные песни, ряжения, в которых охотно участвовали в основном молодые господа, незамужние девушки и дети. «28 декабря (ст. ст.) 1819 года. Был на вечеринке... где было довольно хорошеньких нимфочек, с коими забавлялись разными играми; такое множество было обмаскированных чудесным образом... здесь-то мы вечер провели очень весело, танцовали кадрили и экосесы, также и вальсы. Разошлись в два часа»²⁰⁹. Разгульное поведение молодежи в это время было обусловлено временем свадеб. Допустимо было в это время ранее непозволительное:

²⁰⁸ Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. С. 201.

²⁰⁹ Дневник Ивана Игнатьевича Лапина. С. 95.

«31 декабря (ст. ст.). В сей вечер был в Гусакове на игрище, где смешные представляли роли, смешанные с матерщиною, в присутствии девушек»²¹⁰.

Пользовались популярностью в это время и зимние виды спорта: лыжи, разнообразные санки, в том числе так называемый «конек». Он представлял собой скамейку на двух брусках и чаще всего применялся для скатывания с гор парами²¹¹. Пушкин, описывая зимние игры, напишет:

Мальчишек радостный народ
Коньками звучно режет лед...

(Евгений Онегин. IV, XLII)

Для катания по льду детьми применялись специальные сани в виде стула, поставленного на полозья или коньки²¹². А у господ могли быть и беговые коньки, с обувью, часто заграничного производства²¹³.

Чистый (Великий) четверг — отмечался на последней (Страстной) неделе Великого поста и связан с воспоминанием о Тайной вечере и подготовкой к Пасхе²¹⁴. В крестьянском хозяйстве этот день считался днем обновления всего хозяйства на предстоящий год. Смысл многочисленных обрядов, проводимых в этот день, — очистить дом, усадьбу от сора и грязи; а человеку — освободить душу от всего греховного, предупредить болезни и другие напасти²¹⁵. Хозяин старался сходить на службу в церковь, а хозяйка с детьми оставалась в доме, тщательно вымытом заблаговременно. В этот день никому ничего не давали из вещей, опасаясь колдовства, мусор не выносили «для благополучия», стараясь совершить уборку в предыдущий день²¹⁶.

²¹⁰ Дневник Ивана Игнатьевича Лапина. С. 84.

²¹¹ Русские дети. Основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2006. С. 122.

²¹² Там же. С. 123.

²¹³ Российский историко-бытовой словарь. С. 214.

²¹⁴ Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2001.

²¹⁵ *Лаврентьева Л.С.* Культура русского народа (обычаи, обряды, занятия, фольклор). СПб., 2004. С. 294.

²¹⁶ *Криничная Н.А.* Русская народная мифологическая проза. СПб., 2001. В 3 т. Т. 1. С. 84, 301.

Готовясь, заранее мыли полностью дом (пол, стены, потолок), заново набивали сеном матрасы, чистили печные трубы²¹⁷. Накануне вечером приносили в избу в решете зерновой хлеб с положенным сверху освященным печеным хлебом и солонкой с солью²¹⁸. Всё это ставили в угол под иконы на лавку и оставляли до первого дня Пасхи, а зерна тогда же высыпали в закрома. Этот хлеб затем давали скоту, выпуская его первый раз на пастбище, а соль давали при болезнях (см. Егорий). В ночь на четверг в подойник наливали чистую воду, клали сверху нож или лучину и оставляли до утра как охранительное действие против отнятия молока²¹⁹.

Хозяйка поднималась рано, до первых петухов, и выкликала в дымное окно скотину во двор до тех пор, пока кто-нибудь из животных не подаст голос. Если замычит корова или заблеет овца, значит, никто из них в этот год не заболит. Потом хозяйка шла на двор, обводила вокруг него коров и кормила их. До восхода солнца мать посылала детей в лес за вереском (можжевельником) для мытья молочных кринок и за помелом. А сама смешивала сметану на масло, чтобы в течение года получать больше прибыли от коров. Закончив дела во дворе, хозяйка затапливала печь и пекла хлеб, чтобы он не переводился целый год, и начинала готовить пасхальные блюда: пасху, кулич, каравай. На передний угол вешали голик (веник) и худой лапоть для защиты цыплят от коршуна. Когда дети приносили можжевельник и татарник, можжевельник жгли в печи, парили им бочки, а часть привязывали к столбу близ печи для домового²²⁰.

Утром умывались водой, в которую клали серебряную монетку, яйцо, крест от сглаза. Причесывались в конюшне, чтобы были волосы как хвост у лошади, или в доме, глядя на шерсть овец. Мылись «до солнца» в бане, которую топили крадеными дровами, но кража чаще носила номинальный характер — совершалась по договоренности с хозяином дров, которого приглашали в свою баню. Не оставались без внимания и предки: для них специально топилась так называемая

²¹⁷ См.: Русский народ. Его обычаи, обряды, придания, суеверия и поэзия / собр. М. Забылиным. М., 1880. [Репринтное издание: 2000].

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ Мехнецов А.М. Народные традиции культуры Псковской области. Т. 1. С. 426, 427.

²²⁰ Историко-этнографические очерки Псковского края. С. 227.

родительская баня и оставлялось угощение, что осуждалось церковью, справедливо видевшей в подобных обрядах пережитки древних суеверий и признаки симпатической и продуцирующей магии (на увеличение урожайности). Для этого же глава семьи пересчитывал деньги и переставлял с место на место хозяйственные предметы и орудия труда, чистил скребницей рабочих лошадей, а если он был охотником — стрелял в воздух.

Животноводство было важной частью хозяйствования, в связи с небогатыми урожаями зерновых на здешних полях. Чтобы сохранить скотину и чтобы прямо с пастбищ она шла домой, с восходом солнца посылали детей (мальчиков) с колокольчиком на шее, чтобы они обегали вокруг деревни. Или лесных муравьев относили в хлев и даже скармливали их скоту с овсом, приговаривая: «Как муравьи кипят, так бы у меня на дворе скотинка вся скопилась и плодилась». А у коров отстригали от хвоста немного шерсти и затыкали за матицу на дворе или же закатывали в хлеб и давали всем коровам по кусочку, чтобы ходя с пастбища домой, не плутали²²¹.

²²¹ Герасимов М.К. Некоторые обычаи крестьян Череповецкого уезда // Этнографическое обозрение. 1894. № 1. С. 125.

ИЗ РАБОТ СОТРУДНИКОВ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

Станислав Лебедев

К БИОГРАФИИ Д.М. БАЙЧОРОВА — ОФИЦЕРА ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК, РУКОВОДИВШЕГО РАЗМИНИРОВАНИЕМ МИХАЙЛОВСКОГО

Этой работой хотелось бы дополнить и расширить историю Пушкинского Заповедника, касающуюся освобождения Пушкинских Гор и села Михайловского от немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной Войны (1941–1945) и разминирования этих территорий.

Волею судьбы в 2019 году мне довелось познакомиться на Кавказе с родственниками Даута Магометовича Байчорова, офицера Красной армии, принимавшего непосредственное участие в разминировании села Михайловского в июле 1944 года. Д.М. Байчоров являлся командиром 1-го взвода 2-й роты 62-го отдельного батальона собак-миноискателей. Т. е. он был офицером взвода в составе той самой 2-й роты, командиром которой, в свою очередь, был хорошо известный сотрудникам Пушкинского Заповедника старший лейтенант В.Т. Старчеус. Родственники Даута Магометовича любезно предоставили мне множество новых материалов и сведений, прежде не доступных исследователям военной и послевоенной истории Заповедника.

Но прежде чем начать рассказ о лейтенанте Д.М. Байчорове, хотелось бы вкратце напомнить хронологию и обстоятельства освобождения пушкинских мест.

В течение трех лет, начиная с 12 июля 1941 года, территория Пушкиногорского района и Пушкинского Заповедника находилась под оккупацией немецко-фашистских захватчиков. По территории заповедных мест проходила немецкая оборонительная линия «Пантера». За это

время Заповеднику был нанесен огромный урон. При отступлении фашисты густо минировали оставленную территорию. Это очень подробно описано в акте, опубликованном Чрезвычайной государственной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников 30 августа 1944 года¹.

Я.А. Хелемский вспоминал, что «всё было заминировано немцами с такой жестокой изобретательностью и густотой, что специалистам понадобилось немало дней, полных напряженного и опасного поиска, прежде чем стало возможным свободное передвижение. Не всегда, увы, безопасное. Еще и потом, в конце июля, срабатывали мины и гибли люди...»²

Как известно, Пушкинский Заповедник был освобожден ровно через три года после оккупации, 12 июля 1944 года, войсками 54-й армии 3-го Прибалтийского фронта в ходе Псковско-Островской операции.

Опустим подробности освобождения Заповедника, они хорошо изложены в исторических документах. Остановимся подробнее лишь на вопросе его разминирования инженерными войсками.

Из архивных документов, хранящихся в Центральном архиве Министерства обороны РФ (Подольск), видно, что в соответствии с распоряжением штаба инженерных войск 3-го Прибалтийского фронта и начальника инженерных войск 54-й армии ряд саперных частей занимались разминированием Пушкинского Заповедника³. А именно установлено, что в июле 1944 года в разминировании Пушкинского музея-заповедника принимали участие инженерно-саперные подразделения 12-й и 24-й инженерно-саперных бригад Резерва Верховного главнокомандования (РГК), 9-й штурмовой инженерно-саперной бригады РГК, 62-го отдельного батальона собак-миноискателей (ОБСМ)⁴.

Разминирование территорий происходило в несколько этапов. Вначале производилось частичное разминирование с целью обеспечения беспрепятственного и безопасного движения войск. А уже после того, как враг отбрасывался от линии фронта на значительное расстояние,

¹ Архив Пушкинского Заповедника. Научный архив (АПЗ. Н/а). Д. 40. Л. 1–2, 6, 9, 14, 15.

² Будьлин И.Т. Святые Горы. Пушкинский край в рассказах, воспоминаниях, очерках XIX–XXI веков. СПб., 2010. С. 185.

³ Швабский В.Л. Собака на воинской службе. М., 2017. С. 457.

⁴ Швабский В.Л. Мифы и правда о военном собаководстве. М., 2015. С. 49.

осуществлялось более тщательное, так называемое сплошное разминирование.

В рамках данной статьи для нас представляет интерес именно 62-й отдельный батальон собак-миноискателей, в котором и служил Д.М. Байчоров. Поэтому остановимся более подробно на работе этого батальона.

Батальон состоял из двух рот собак минно-разыскной службы в составе 184 человек и 137 собак-миноискателей.

Из распоряжения штаба батальона:

«Командиру 1-й роты капитану Удавихину организовать работы по разминированию следующим порядком:

1-му взводу — разминировать дорогу от Пундровки до Пушкинских Гор, восточную часть до перекрестка дорог Лобазы — Подкрестье;

2-му взводу — разминировать дорогу Воскресенское — Пушкинские Горы и дальше, на Подкрестье — Лобазы;

3-му взводу — разминировать западную часть Пушкинских Гор и прилегающую территорию.

По окончании этих работ приступить к сплошному разминированию в районе Пушкинских Гор, КП роты с 15.07.44 перенести в Пушкинские Горы.

Командиру 2-й роты старшему лейтенанту В.Т. Старчеусу:

16 июля располжить КП роты в с. Михайловское и с 16 июля приступить к разминированию:

1-му взводу — с. Михайловское и западная часть местности по дороге на Бугрово до дороги от Пушкинских Гор до Блажи площадью 5 кв. км;

2-му взводу — дорогу от Пушкинских Гор до Блажи;

3-му взводу — дорогу от Михайловского до Подборье и до железной дороги и местность восточнее окраины Михайловского между дорогами Бугрово — Михайловское и от Кириллово до оз. Кучане площадью 6 кв. км.

При работе по разминированию устанавливались знаки и указатели утвержденного образца: «МИНЫ!», «РАЗМИНИРОВАНО» с указанием фамилии командира роты»⁵.

За время работы 62-м батальоном было обнаружено, снято, собрано и обезврежено 11 403 различного типа мин, 2 107 боеприпасов и четыре фугаса.

⁵ Швабский В.Л. Мифы и правда о военном собаководстве. С. 58–59.

Потерь личный состав батальона не имел. Задача, поставленная 62-му ОБСМ, выполнена полностью. Заповедник разминирован и очищен от мин и взрывоопасных предметов. 21 июля 1944 года территория Пушкинского Заповедника по акту передана администрации района.

В общей сложности при разминировании Пушкинского Заповедника в июле 1944 года было обезврежено более 14 000 мин, 36 фугасов, три «сюрприза» и 2 107 взрывоопасных предметов⁶.

Немного резюмируя. В составе 62-го ОБСМ было две роты, каждая из которых состояла из трех взводов. Руководителем 2-й роты был старший лейтенант В.Т. Старчеус. Именно под его началом командиром 1-го взвода служил Д.М. Байчоров. И, как мы видим из документов, именно 1-му взводу 2-й роты 62-го ОБСМ во главе с Д.М. Байчоровым было поручено с 16 июля приступить к разминированию «с. Михайловского и западной части местности по дороге на Бугрово»...

В архиве Военно-исторического музея-заповедника (Остров) помимо писем и автобиографии Даута Байчорова мною также были обнаружены фотографии, на одной из которых запечатлено всё командование 62-го ОБСМ⁷.

Также некоторые биографические сведения мне были переданы внуком Даута Магомедовича Шамилем Байчоровым. В частности, хочу здесь представить биографию Даута Байчорова, написанную его правнуком. Текст биографии представлен в авторском изложении с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

«Хочу рассказать Вам про своего прадеда, участника Великой Отечественной войны, и про то, какой вклад он внес в общую Великую победу над фашистской Германией. Сам я его никогда не видел, его не стало еще до моего рождения. Знаю о нем только по рассказам и книгам.

Он родился в год Великой Октябрьской революции, в 1918 году, в семье Магомета Байчорова, село Верхняя Теберда. Через несколько лет после рождения Даута, они всей семьей переселились на новое поселение — Учкеекен, где я и, собственно, сейчас живу.

До 1939 года, до того, как его призвали в Красную армию, он был на 4 курсе Первомайского зоовет-техникума.

Старшие мне рассказывали, что в те времена любой мужчина должен был уметь исполнять обязанности труженика и воина, чтобы быть

⁶ Швабский В.Л. Собака на воинской службе. С. 460–462.

⁷ См.: Лебедев С. «Бывают странные сближенья...» // Михайловская пушкиниана. Вып. 87. Сельцо Михайловское, 2022. С. 173.

полезным народу и в мирное, и в военное время. В Великую Отечественную Даут проявил себя не только как солдат или труженик, но и как лидер.

Война застала его в Воронежской области, где он проходил военную службу в рядах Советской Армии. Даже во время несения службы в мирное время, его уже награждали за хорошие показатели: в боевой и политической подготовке, отличное несение службы и примерную дисциплину награждались

Даут

знаком «Отличник рабоче-крестьянской Красной Армии», так написано в удостоверении этого нагрудного знака.

Как известно, первый период Великой Отечественной войны был для страны и армии самым тяжелым, кровопролитным и неравным. Мой прадед вместе с остальными солдатами отходили с тяжелыми и оборонительными боями. Мне рассказывали, что потери были в батальоне Даута настолько велики, что всех оставшихся в живых присоединили к другому, саперному, и на войне ему пришлось осваивать новую профессию. Я бы хотел, чтобы историю моего прадеда знали все, и не только моего, а всех наших солдат. Потому что мы — новое подрастающее поколение, у нас свой долг — нравственный. Не забыть и пронести историю Великой победы, добытой в окопах и на полях сражений, добытой в блокадном Сталинграде, под Ржевом, добытой на небе, взятой в Берлине. Если этого не сделать, тогда мы срубим корень, соединяющий нас с нашим прошлым, великим прошлым.

Так, в 1941 году Даут Байчоров, мой прадед, начал войну с фашизмом, ради тех, кто остались дома. Ради тех, кто его вырастил. Ради тех, кто был с ним рядом с самого рождения. Встал в один ряд с теми, кто ощущал нечто подобное, что и он сам — ответственность.

В то время, как фашисты были разбиты под Москвой, 38-я Армия[,] в которой был Даут, наступала на Северном Донце. Они смогли от-

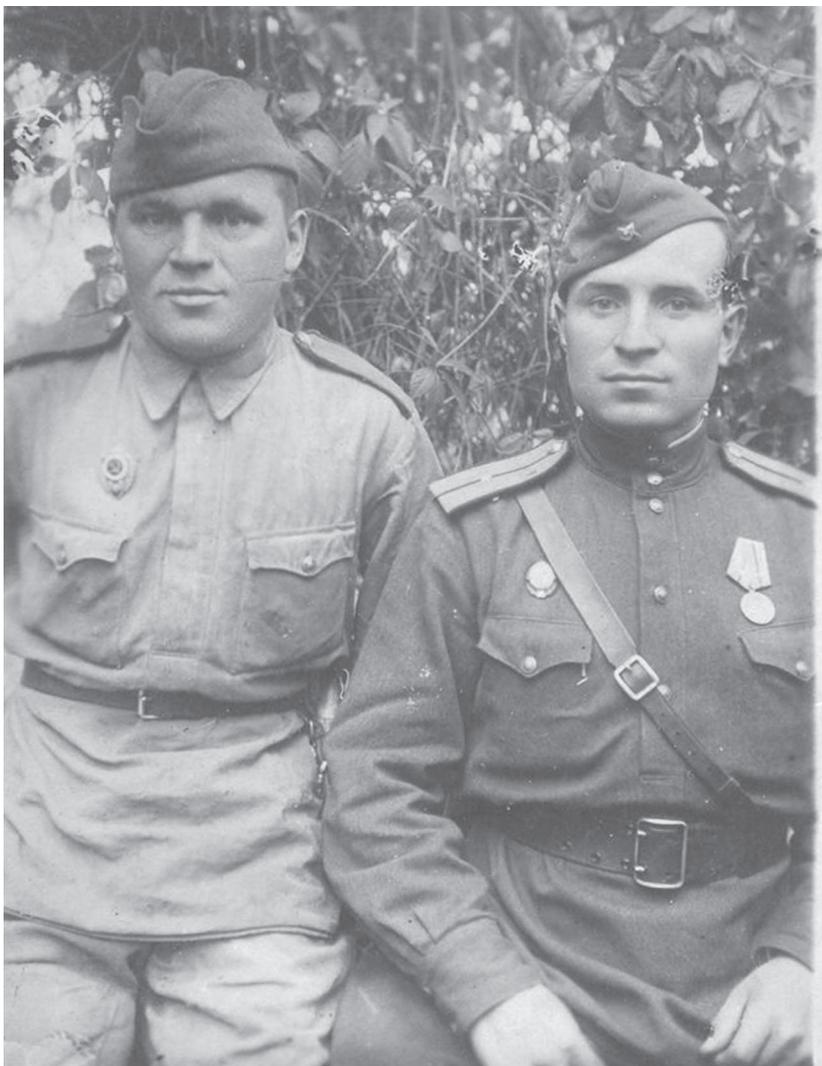
бросить противника на большое расстояние, и по пути бросали много техники. Вклад отделения, где командиром был Даут[,] был немалым. Они участвовали в постройке двух мостов для наступления наших солдат под огнем противника. И так как они были саперами, они сделали проходы через свои минные поля, а также через поля противника, под покровом ночи. Ответственность была очень большая. По сути отделение Даута отвечало за то, что бы через созданные ими проходы могли пройти наши солдаты, не задев ничего. Он словом и делом воодушевлял своих солдат, и они очень верили в него, и он старался их не подводить, не подводить Родину.

На самом деле работа сапера действительно сложная, даже можно сказать[,] одна из самых тяжелых. Сапер должен обладать ясным умом, сообразительностью, сохранять спокойствие если, что идет не так. Он должен знать общевоинскую и инженерную службу. Боец, лидер, инженер — таков был Даут.

А в это время, в 1943 вся оставшаяся семья моего прадеда участвовала в помощи защитникам Родины. В то время жители Малокарачаевского района собирали деньги на строительство боевых самолетов, под названием «Колхозник Карачая». Всего было собрано один миллион рублей. Это были очень большие деньги в то время для жителей Малокарачаевского района, но они не хотели и на шаг отступать от своего долга. Вклад был огромен.

Даут так же сумел дойти до Сталинграда, но с очень большими потерями. В живых остались только 18 человек на всю роту. Несмотря на это надо было идти вперед и отстаивать город. Пути назад уже не было, отвоевать Сталинград было очень важно для всех. Несмотря на то, что Даут и его солдаты были саперами, они ни раз вступали в бой с противником. Приведу одно из личных воспоминаний моего прадеда:

«На очередном разминировании дома нас атаковали немцы... Наши, как обычно, закидали их гранатами, косили из автоматов, но ценой больших потерь некоторые фашисты прорвались в здание. Завязался бой в помещении. Сержант моего взвода тов. Кырчанов Михаил Семенович пулю, пущенную фашистом в меня, принял на себя. Он не погиб, вылечился и вернулся опять в Сталинград, во взвод. В битве за Днепр он стал Героем Советского Союза. В 1963 году, когда он приехал ко мне в гости, заметка об этом случае и наша фотография были опубликованы в газете «Ленинское знамя».

Новогиреева, Ленинградская область. 1944 год

Даут не заканчивал никаких офицерских курсов, но несмотря на это он был офицером армии. В 1943 году, летом, по приказу сверху его и других офицеров направили в Москву учиться, из-за неимения офицерских знаний. Это было в городе Мытищи, он закончил Высшую офицерскую инженерно-минную школу за три месяца. Его сделали заместителем начальника инженерного батальона в запасной офицерский полк. Он находился недалеко от Москвы. Но Даут был не намерен сидеть на месте и попросился обратно на фронт. И его направили как командира взвода, 62-го отдельного инженерного батальона. Наверное[,] не всем дано понять, зачем рваться на фронт, когда есть готовое безопасное кресло, но мой прадед не привык договариваться с самим собой, он делал всё до конца, чем я и очень восхищаюсь.

В 1944 году батальон Даута прибыл на Ленинградский фронт, где его взводу было поручено произвести сплошное разминирование города Пушкина, где учился А.С. Пушкин. Это включало в себя: очистить город от всех мин и опасных боеприпасов.

После того, как г. Псков освободили от вражеской армии, взводу, командиром которого был Даут, дали задание за 20 дней произвести сложное разминирование местности, дороги и населенные пункты: Пушкинские Горы, Михайловское село и т. д. Первое отделение он отправляет в Пушкинские горы, во главе с Синевым Алексеем Петровичем, со вторым он остается сам, и идут по направлению Михайловского села, где А.С. Пушкин был в ссылке. Куда он отправил третье отделение, к сожалению, не знаю. И опять моему прадеду доверили ответственное задание. Ведь Пушкинские горы, село Михайловское — это культурное достояние России. Ведь с этими местами очень тесно связано имя основоположника русского литературного языка, человека, которого называют «незаходящее солнце русской поэзии» — Александром Сергеевичем Пушкиным. Много написано о тех отделениях, которые разминировали вверенные им участки, но о том, кто командовал взводом, куда входили они, писали не очень много, но исполненные им задания не были забыты. Так, после разминирования г. Пушкин, Михайловского, Пушкинских гор, парка Пушкина и прилегающих им территорий, за умелое командование его наградили вторым орденом «Красной Звезды».

В 1945 году, после всех ожесточенных боев, потерь и нечеловеческих усилий, была добыта эта Победа, которая оповестила весь мир об окончании Войны. Он очень скучал по своей Малой Родине, и дойдя до

Талас (Таласская область, Киргизия). 1956 год

самого Берлина, это чувство вылилось на стену фашистского Рейхстага, словами «Даут Байчоров. Эльбрус» — так он написал, когда уже уходил оттуда. Но для его батальона война еще была закончена. После Победы саперы стали разминировать все возможные места, где можно было бы найти мины, фугасы, всё то, что могло взорваться. Так прошел еще один год. Фашистов нет, но оставленные ими мины давали о себе знать.

После демобилизации Даут вернулся не в свое родное в село, а в Киргизию. Там находилась вся его семья. Дело в том, что 1943 году, карачаевский народ, необоснованно обвиненный в пособничестве фашистским оккупантам, был насильно депортирован в Среднюю Азию и Казахстан. Но как же так? Кто же собирал огромные суммы на помощь фронту? Даже телеграмма имеется от самого Иосифа Сталина, который благодарил жителей Малокарачаевского района за помощь фронту. А через полгода он же подписывает указ о депортации всего народа несмотря на то, что все молодые и здоровые воевали, а в тылу остались старики,

С собакой

женщины да дети. После 14 лет высылки, 20 съезд КПСС осудившее «культ личности» Сталина, способствовала возвращению всего карачаевского народа на историческую Родину. Во многих местах высылки условия были нечеловеческие, но то место, куда попала семья Даута, было относительно хорошим. Благоприятные условия и постоянный труд помогли выжить.

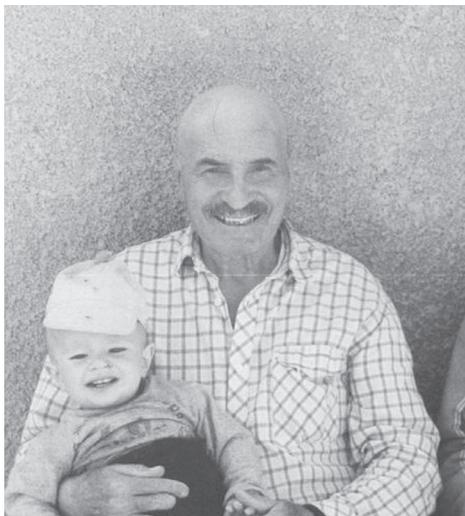
К 1957 году он уже успел обзавестись своей семьей: у него уже были жена и дети. Самый старший сын — мой дед, Унух.

В 1983 году «Дело Пушкина» снова дало о себе знать. К дому Даута тогда пришла женщина, звали ее Жигайлова Мария Петровна, она была из Белоруссии. Спрашивает[,] он ли Байчоров Даут

Магометович, он отвечает, что да, и оказывается, что она 3 года искала его. Даут было решил, что она ошиблась, так как он никогда не был в Белоруссии, но она всё объяснила. Вот в чем было дело: в школе, где работала Мария, решили создать районный музей А.С. Пушкина и потребовались материалы, кто разминировал Пушкинские исторические места. И вот, в военных архивах нашли о том, что взвод, которым командовал лейтенант Байчоров Даут Магометович из 62-го Инженерно-минного батальона, третьего Прибалтийского фронта, произвел сплошное разминирование Пушкинских мест. Мария Петровна задавала ему очень много вопросов, он пытался отвечать письменно. Затем она попросила некоторые личные вещи, фотокарточки военных и послевоенных лет, и чтоб он подписал каждую вещь лично, что дарит такому-то музею. Через год Даута пригласили на праздник в честь открытия музея А.С. Пушкина,

но по состоянию здоровья, он не смог поехать»⁸.

В книге А.Д. Койчуева «Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной Войны 1941–1945» кратко рассказывается о жизненном пути Байчорова в годы войны, где в числе прочего упоминается любопытная деталь: «Байчорова не спасала собака по кличке Жулик». И действительно, в военно-историческом архиве города Острова мною были обнаружены всевозможные документы, среди которых — и «Список собакамиоискателей, закреплен-

*Даут с внуком.
Одно из последних фото*

ных за кр-м 1-го взвода 2 роты 62 б-н», в котором указаны 18 вожатых с закрепленной за каждым из них собакой. Под девятым номером числится вожатый В.Ф. Минин, за которым закреплена собака по кличке Джулик с личным номером 10645. В документе также указаны пол, год рождения, окраска, рост и вес каждой собаки. Джулик — кобель тигровой окраски 1941 года рождения, ростом 47 см и весом 18 кг.

В одном из писем Даут Магометович пишет: «...высылаю эти две фотографии, на одной я фотографировался с караульной собакой «Джулик», она очень хорошо охраняла в ночное время помещения, где отдыхал взвод. Она ненавидела пистолет или автомат, т. к. она была ранена на ногу от пистолета. При фотографировании она нервничала, кидалась на объектив фотокамеры. Видимо, думала, что собираются в нее стрелять, поэтому нечетко вышло».

В другом письме: «Собака Джулик была очень чуткая, она в основном вела караульную службу. Мы дрессировали ее, чтобы она охраняла нас во время ночного отдыха, она стояла рядом с часowymi,

⁸ Из личного архива Ш. Байчорова.

она издалека замечала и давала знать часовому заблаговременно... она не пропускала в расположение взвода или роты ни гражданских, ни военных — чужих».

Даут Магометович Байчоров прошел всю войну, дойдя до Берлина, где оставил на стене фашистского Рейхстага свой «автограф», написав: «Даут Байчоров. Эльбрус». Принимал непосредственное участие в разминировании таких городов, как Пушкин, Псков, Остров, Пушкинские Горы и родовое имение Ганнибалов и Пушкиных — Михайловское, чем и вписал себя в историю. Последние годы жизни проживал в селе Учкекен Карачаево-Черкесской Республики, где скончался 29 августа 2002 года. Там же похоронен.

Нужно помнить и чтить своих героев и свою историю, дабы сохранить настоящее и с гордостью идти в будущее. «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие», — золотое правило Александра Сергеевича Пушкина, оставленное нам, потомкам, в назидание.

ГОСТИ «МИХАЙЛОВСКОЙ ПУШКИНИАНЫ»

Нина Перetyака, Дарья Старцева

КАЛИНИНГРАДСКОЕ ПУШКИНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ГОД ЮБИЛЕЯ

Дана загадка на века
Гармонии необычайной...

Для нас, калининградцев, жизнь с пушкинской темой и культурными событиями, связанными с именем любимого поэта Александра Сергеевича Пушкина, на протяжении последнего тридцатилетия является не просто обыденностью или торжеством «по поводу», а необходимым духовным трепетным миром высокой культуры крепкого дружеского круга пушкинистов.

Прикосновение к пушкинской теме с книгами, музейными коллекциями, а главное, встречи со знатоками — посвященными и призванными, это всегда счастливые мгновения. Этого требует наш менталитет русскости заграничной российской территории. Открытый в 1993 году в Калининграде памятник поэту работы народного художника СССР, академика Михаила Константиновича Аникушина (1917–1997) стал притягательным культурным знаком, как в главные Пушкинские праздники, так и в любой другой день. Проходя мимо памятника, нельзя не помахать ему рукой и не улыбнуться поэту, бодро и красиво вскинувшему голову и смотрящему на прохожих на перекрестке улиц Чайковского и Леонова.

По прошествии 25 лет с памятного года празднования 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина, которое отмечалось широко и осмысленно как во всей стране, так и у нас в Калининградской области, снова официально министерством по культуре и туризму обозначено Открытие года Пушкина в Калининградской области в год 225-летия великого русского поэта. Факт отрадный и благородный. Серия музейных выставок в областных музеях, уникальные книжная и стендовая выставки в областной научной библиотеке, торжественный концерт симфонического

*Г.А. Шульц. А.С. Пушкин. СК-281.
Калининградская художественная галерея.
КП-6499*

оркестра в Кафедральном соборе — всё это стало достойным наполнением цикла мероприятий Открытия Пушкинского года.

Но, пожалуй, главным во всех встречах было присутствие гостей Пушкинского заповедника «Михайловское» во главе с директором Георгием Николаевичем Василевичем. Из фондов их музея и были представлены выставки графики: в Калининградском областном музее изобразительных искусств (КОМИИ) — Василия Звонцова «Очарованный чудом», а в Калининградском областном историко-художественном музее (КОИХМ) — литературные пейзажи московской художницы Ларисы Антоновой с ее личным присутствием. Погружение в тонкие атмосферные работы картин

пушкинских мест: сюжетные зарисовки и пейзажи, которые создают поэтическое настроение и будоражат кровь, как и у самого поэта с его поэтическими строками «...Вновь я посетил...».

Об истории калининградских пушкинистов

У Пушкинского общества в Калининграде своя большая история. Роль лидера общественного пушкинского движения играл Феликс Зиновьевич Кичатов (1936–2009). Изящная книжечка «Летопись деятельности Калининградского областного общества почитателей А.С. Пушкина», вышедшая к 15-летию общества в 2003 году, особо характеризует творческую увлеченность и системность мышления Феликса Зиновье-

вича, инициатора создания и вдохновителя общества пушкинистов на протяжении 22 лет.

Заботами и усилиями Кичатова, как составителя и редактора, издавались сборники с пушкинскими статьями и исследованиями «Внимая звуку струн твоих...». Всего с 1992 по 2002 год вышло пять сборников, при его участии был издан юбилейный — к 200-летию поэта в 1999 году — номер регионального журнала «Запад России» под редакцией писателя Олега Борисовича Глушкина. Ф.З. Кичатов написал три прекрасных книги по пушкинским исследованиям и воспоминаниям о жизни поэта и делах калининградских пушкинистов

«Я сам обманываться рад...» (1999), «Пушкин. Взгляд из зарубежной России» (2005), «Кофейный портрет» (2006). Все эти издания можно найти в каждой калининградской библиотеке.

Пушкинская программа и калининградская пушкиниана в ряду многих новых идей и инициатив была одной из ведущих в деятельности Калининградского областного отделения Советского (Российского) фонда культуры, созданного в ноябре 1987 года и возглавляемого писателем и общественным деятелем Юрием Николаевичем Ивановым. Это определялось и множеством судьбоносных идей академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, президента Советского (Российского) фонда культуры.

Наше областное отделение Фонда культуры один из первых благотворительных вечеров в концертном зале областной филармонии посвятило памяти А.С. Пушкина, где был представлен проект Пушкинско-го сквера архитектора Альбины Гараниной. В начале 1988 года в дар нашему областному Фонду культуры Союзом художников России был

*М.К. Аникушин в Калининграде
в день открытия памятника.
6 июня 1993 года*

*В библиотеке имени А.С. Пушкина.
Пушкинисты, призванные Ф.З. Кичатовым. Апрель 2016 года*

передан бюст А.С. Пушкина работы известного российского скульптора Гавриила Александровича Шульца (1903–1984), который ныне представлен в музейной коллекции Калининградского областного музея изобразительных искусств. Для уличного варианта эта скульптура, по мнению специалистов, была недостаточного размера.

Начался поиск места в городском пространстве для Пушкинского сквера, и почти сразу же были установлены контакты с народным художником России Михаилом Константиновичем Аникушиным, автором калининградского пушкинского памятника. А место сквера на углу улиц Леонова и Чайковского определил в 1992 году Виктор Васильевич Денисов, тогдашний советник по вопросам архитектуры и строительства при главе администрации Калининградской области Юрии Семеновиче Маточкине. Памятник был открыт 6 июня 1993 года. Это было большое счастье для всей культурной общественности, традиция укоренилась, и участниками ежегодного праздника становится всё большее число молодых калининградцев.

Самый значительный праздник состоялся в год 200-летия со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина в 1999 году. Этот год отмечен особым вдохновением пушкинистов. Многие дела были им по плечу. В юбилейный год в канун дня рождения поэта по инициативе обще-

ства и при поддержке тогдашнего командующего Балтийским флотом адмирала Владимира Григорьевича Егорова было присвоено имя «Александр Пушкин» кораблю Балтийского военно-морского флота КИЛ-926, остающемуся в составе флотилии и в наши дни.

Калининградское общество почитателей А.С. Пушкина зримо присутствует в деятельности регионального фонда культуры; заметно его участие и в российской пушкиниане в целом. Феликс Зиновьевич оставил добрую память в Калининградском регионе: подвижник и энтузиаст, свою жизнь он построил на глубокой любви к А.С. Пушкину. В год 80-летия со дня рождения Ф.З. Кичатова в 2016 году по инициативе Калининградского фонда культуры совместно с Калининградской централизованной библиотечной системой была реализована идея проекта «Калининградская пушкиниана в библиотеке имени А.С. Пушкина». Идея проекта заключается в сохранении культурной памяти калининградских пушкинистов, сохранении артефактов из их частных собраний для создания и развития книжной и предметной коллекции в публичной библиотеке и формирования пушкинских традиций и культуры общения в работе с читателями.

По результатам сотрудничества заведующей библиотеки Аллы Ивановны Орленок и ее коллег с вдовой Кичатова Верой Федоровной 13 апреля 2016 года в Калининградской городской библиотеке имени А.С. Пушкина на улице маршала Новикова, 12, произошло историческое для нашей культуры событие — культурному сообществу нашей области и читателям библиотеки была представлена уникальная коллекция калининградского пушкиниста Феликса Зиновьевича Кичатова, переданная его семьей в дар библиотеке.

А стены пушкинской библиотеки много лет украшают двадцать графических работ еще одного пушкиниста — художника и писателя Владимира Павловича Лебедева-Шапранова (1943–2010).

Возрождение Пушкинского общества

Время пришло, и «душе настало пробужденье...» 3 июня 2022 года, в канун дня рождения поэта, в зале Калининградского представительства Центра развития межличностных коммуникаций была проведена Пушкинская конференция. Эта идея была поддержана Министерством по культуре и туризму Калининградской области, ведущими библиотеками и другими учреждениями культуры, а также Балтийским федеральным

Библиотека имени А.С. Пушкина в Калининграде

университетом имени И. Канта и общеобразовательными школами.

Инициативу Калининградского регионального общественного фонда культуры — учредителя общества поддержала Калининградская централизованная библиотечная система, в составе которой 22 библиотеки, в том числе и старейшая из библиотек в Калининграде — созданная в 1946 году и с 1957 года носящая имя А.С. Пушкина.

С опорой на весь предшествующий опыт калининградских пушкинистов и историю калининградской пушкинианы и создано обновленное Пушкинское общество. Уже на первом заседании Совета Пушкинского общества обсуждалась структура и содержание региональной Пушкинской программы к 225-летию со дня рождения великого русского поэта А.С. Пушкина в 2024 году.

В Положении об обществе подчеркивается, что Калининградское (Балтийское) Пушкинское общество является самостоятельной общественной организацией, действующей без образования юридического лица в структуре Калининградского регионального общественного

*Учредительная конференция Пушкинского общества
в библиотеке имени А.С. Пушкина в Калининграде. 3 июня 2022 года*

Участники учредительной конференции

фонда культуры. В актив Совета вошли известные и деятельные люди, истинные знатоки литературы. А значит, преемственность традиции будет сохранена, а сама традиция — достойно продолжена.

Отметим, что актуальность возрождения деятельности общества диктуется всё расширяющейся программой привлечения детей и молодежи к культурным событиям в рамках проекта Министерства культуры России «Пушкинская карта — веди себя культурно», которая, вовлекая молодых россиян в возрасте с 14 до 22 лет, предлагает годовую поддержку в размере 5 тысяч рублей в год через Почта-банк за счет федерального бюджета для посещения различных мероприятий в учреждениях культуры.

Актуальная деятельность калининградских пушкинистов

За прошедшие два года при активном участии Калининградской централизованной библиотечной системы, а именно Центральной городской библиотеки имени А.П. Чехова, родились новые формы деятельности пушкинистов. Так появился видеопроjekt «Пушкин39», который курирует Дарья Старцева, специалист отдела по рекламе и связям с общественностью Калининградской централизованной библиотечной системы, координатор Пушкинского общества. Проект включает в себя серию видеороликов: экскурсии, интервью и беседы о творчестве А.С. Пушкина с известными деятелями культуры, пушкинистами. Контент доступен в социальных сетях и на сайте Калининградской централизованной библиотечной системы.

Расширению географии пушкинских мероприятий в учреждениях культуры и образования с участием калининградских пушкинистов способствуют встречи за круглым столом, конференции по обмену опытом, которые, в первую очередь, проходят на базе Центральной городской библиотеки имени А.П. Чехова и библиотеки имени А.С. Пушкина.

В пушкинской теме, как и во многих региональных литературных событиях, всегда заметную роль играет главная библиотека региона — Калининградская областная научная библиотека, где собраны уникальные пушкинские издания, входящие в редкий фонд. А в октябре 2022 года в рамках Дней литературы здесь открыт ресурсный центр Всероссийского Пушкинского музея Санкт-Петербурга, в составе которого шесть музеев. У главной библиотеки региона с открытием этого Центра появились дополнительные возможности в выставочной и ин-

Проект «Пушкин39»

формационной деятельности. Это подтвердила и новая стендовая выставка о 800-летней истории рода Пушкиных «Гордиться славою своих предков...», рассказывающая о предках и потомках Александра Сергеевича Пушкина, помогающая нам посмотреть на историю страны через призму истории знаменитой семьи.

2023 год для калининградских пушкинистов стал серьезной подготовкой проектной деятельности в юбилейном году. Проект «Пушкин39», который формирует региональный контент пушкинских событий и рассказывает о деятельности пушкинистов, расширился за счет инициативы создания пушкинских школ на базе городских библиотек. Деятельность пушкинских школ на базе библиотек Калининградской ЦБС строится по двум направлениям: для взрослых — обучение, тренинги, экскурсии, поездки по пушкинским местам России, общение с коллегами из других регионов; для детей — праздники, утренники, игровые занятия, художественные кружки, беседы, викторины, квесты и другие формы активно-го взаимодействия.

Проект призван сформировать новое поколение пушкинистов, как детей, так и взрослых, увлеченных личностью и творческим наследием Пушкина. Особенно этому будет способствовать метод погружения при посещении пушкинских мемориальных мест и встречах с людьми, любящими поэта и хорошо знакомыми с его биографией и литературным творчеством.

Контекст пушкинского наследия, что и есть «загадка на века гармонии необычайной», несомненно, поможет сформировать творческую команду библиотекарей, педагогов дошкольного и школьного образования, преподавателей сферы дополнительного художественного образования, музыкантов и художников, театралов и хореографов, музейщиков и краеведов по различным направлениям и формам деятельности в работе с детьми и воспитанию любви к Пушкину и Отечеству.

В январе 2024 года по просьбе Пушкинского общества и руководства городской библиотечной системы областная научная библиотека принимала представителей всех библиотек Калининграда. Первым заместителем директора И.Ю. Котловой была организована методическая встреча. По Пушкинской выставке провел экскурсию ученый секретарь библиотеки Глеб Зайков, а с выставкой «Они питали мою музу...»: круг чтения А.С. Пушкина» по уникальным изданиям из редкого фонда библиотеки познакомила ее хранитель Е.Н. Долгополова.

Вдохновляющие пушкинские события в Калининграде

Вдохновленные пушкинской темой, активизировались и литературные сообщества, калининградские поэты и писатели, причисляющие себя к пушкинистам. Это показал литературный вечер «Пушкин39/Поэты39». В исполнении молодых поэтов звучали стихи Пушкина и сочинения-«ответы» («Мой ответ Пушкину»). А 26 января в Чеховке прошел «Арт-раут», посвященный Дню студента. Писатели, поэты, чтецы и музыканты поделились своим творчеством. Прозвучали мелодекламации калининградских современных поэтов, среди которых были стихотворения, посвященные Александру Сергеевичу Пушкину: поэтический ответ Петра Старцева «Виза Пушкину» на стихотворение Александра Сергеевича «И.И. Пущину»; Виктории Колчановой «Я к вам пишу, чего же боле?...» на «Письмо Татьяны к Онегину» (отрывок из романа в стихах «Евгений Онегин») в исполнении чтеца Марии Мульковой. Свой ответ Пушкину прочитал и Борис Бартфельд,

литературный вечер

10 ноября
18:30

«Пушкин39/Поэты39»

стихотворения классика и
калининградских поэтов

12+

ЦГБ им. А.П.Чехова, Московский проспект, 39 kaliningradlib.ru

Афиша Литературного вечера в библиотеке имени А.П. Чехова

большой значок пушкинской поэзии, прекрасно читающий его стихи по памяти.

Очень атмосферной получилась встреча в библиотеке имени А.П. Чехова, обозначенная как День кофе. На одной из площадок разговор шел о кофейном портрете скульптора М.К. Аникушина по страницам книг Ф.З. Кичатова. Нина Перетьяка рассказала историю о том, как знаменитый скульптор нарисовал на белом листе портрет Пушкина оставшимся кофе из своей чашки, когда был в гостях в Фонде культуры в 1992 году.

Традиционный праздник — День Лицея в библиотеке имени А.С. Пушкина зазвучал по-новому благодаря Калининградскому народному литературному театру имени А.С. Михайлова с его богатым пушкинским репертуаром, накопленным за 50 лет существования. Этот коллектив привнес игровое очарование и в праздник «Пушкинский декабрьский вечерок», состоявшийся в декабре 2022 для творческой интеллигенции города в овальном зале с роялем в исторической вилле Калининградской областной детской библиотеки имени А.П. Гайдара. Вечер украсила фортепианная музыка С.В. Рахманинова и романсы

*М.К. Аникушин.
«Кюфейный портрет» А.С. Пушкина*

на стихи Пушкина в исполнении студентов Калининградского областного музыкального колледжа имени С.В. Рахманинова. Сотрудничество с этим учебным заведением в дальнейшем наполнит пушкинские вечера репертуаром пушкинской тематики. В музыкальном салоне «На Бородинской, 13» ежемесячно проходят концерты, посвященные Пушкинскому году.

Читателям и гостям «Чеховки» запомнился перформанс «Ай да Пушкин!», подготовленный библиотекарями совместно с экспериментальным проектом О.Н.И. (Нюта Яковенко, Таня Слещенкова, Лера Лобанова и «ЖЖ»): Женя Милованов,

Женя Щиголь). С помощью слова, музыки и танца был показан портрет поэта, в жизни которого было место для друзей и женщин, щегольства и азарта. В основе перформанса лежала идея передать юношеское бунтарство поэта. Зрители увидели пластический манифест с уникальным электронным звуком, создаваемым на сцене в режиме реального времени.

Каждая городская библиотека формирует круг пушкинских событий для своих читателей, где главное место занимают встречи с пушкинистами. В «Чеховке» оформлена книжно-предметная выставка ПУШКИН39, готовится «Пушкинский уголок», оформляемый совместно с Всероссийским музеем А.С. Пушкина, его открытие будет приурочено ко Всероссийской акции «Библионочь».

Февраль был наполнен пушкинскими событиями. В библиотеке на ул. Карамзина прошло торжественное открытие Пушкинской школы для учащихся первых и третьих классов общеобразовательной школы

*День лицеиста в библиотеке имени А.С. Пушкина
с Литературным театром. 19 ноября 2022 года*

№ 56. А 27 февраля в библиотеке имени А.А. Леонова в рамках проекта «Слово и нота» прошел музыкально-поэтический час «Звучи, божественная лира!». Гости библиотеки, читатели старшего поколения, познакомились с интересными фактами из жизни и творчества великого русского поэта. В исполнении актрисы театра-антрепризы «Тет-а-тет» Жанны Черновой прозвучали строки из произведений поэта, а также стихи Беллы Ахмадулиной и Булата Окуджавы. Солистка «Студии городского романа» Ирина Броварник исполнила произведения на стихи Александра Сергеевича и других поэтов пушкинской поры.

Но главное событие в жизни Пушкинского общества — это День памяти 10 февраля. И по старой доброй традиции эти вечера проходят с 1994 года в музыкальной школе имени Р.М. Глиэра с концертной программой и поэтической композицией. В этот юбилейный год общегородской вечер памяти с названием «Души прекрасные порывы» прошел 15 февраля и был посвящен 225-летию поэта. Это было истинное единение душ юных музыкантов, танцоров и их педагогов, театральных артистов Литературного театра и режиссера А.М. Смирнова, студии общеобразовательной школы № 33 под руководством Нины Макаровой,

чтецов-кадетов, калининградских писателей. На этих встречах всегда много детей и молодежи.

Системная деятельность культурных институций совместно с образовательными и научными учреждениями при участии общественности послужит благородной цели воспитания любви к отечественной истории и культуре.

Пушкин — это всегда встреча с прекрасным, настоящим, волнующим. А возможность для калининградцев посетить музеи и открывшиеся выставки в рамках торжественного открытия Пушкинского года в Калининградской области — это бесценный дар для воспитания молодежи, развития ее воображения, просвещение юных душ в любви к поэту и высокой поэзии. Просветительская задача Пушкинского общества — будить интерес к разгадке гармонии пушкинского гения. У каждого времени свои пушкинисты, а у них свой вклад в калининградскую пушкиниану.

Вот и строки замечательного поэта Николая Николаевича Ушакова, вынесенные в название настоящей статьи, написанные в 1937 году, в год 100-летнего памятного дня гибели А.С. Пушкина, прочно занимают свое место в антологиях и в читательской памяти старшего, довоенного поколения нашей страны. Но они актуальны и сегодня для юных ищущих умов.

Пушкин

Дана загадка на века
гармонии необычайной, —
поэзия живет,
пока
ее возникновенье — тайна.

Поет народная душа,
высокой точностью томима.
Загадка — тем и хороша,
что,
может быть,
неразрешима.

Калининград, 2024

КАЛИНИНГРАДСКИЕ ПУШКИНИСТЫ В МИХАЙЛОВСКОМ

Не единожды проделанная дорога — на автобусе через соседние республики, а теперь страны, на поезде и на самолете из Калининграда в Михайловское через Псков или станцию Дно в паломнических поездках к Пушкину в Михайловское еще во времена, когда не было никаких пограничных переходов, да и уже в постсоветское, и в наше время — подтверждает простую истину, что Михайловское для нас, калининградцев, — самое близкое место большой России.

Традиция туристических и деловых поездок сегодня продолжается, хотя для пушкинистов и Пушкинской школы детского дома в поселке Заречное (Гвардейский район), в 1990-е годы побывавших во всех пушкинских мемориальных местах, самым любимым было Михайловское. Всё было отлажено, начиная с походных условий проживания в общеобразовательной школе в Пушкинских Горах. Организаторов поездок — председателя общества Феликса Зиновьевича Кичатова и его верного помощника Марту Алексеевну Титкову хорошо знали, любили и сердечно принимали в Пушкиногорье все, начиная с гостеприимного директора Г.Н. Василевича.

По большому счету, именно ими намолена дорога к Пушкину и для остальных калининградских гостей. Это мы ощутили и в 1999 году, когда приехали с группой библиотечных работников и были приняты в музеях даже в первый выходной после насыщенных мероприятий, приуроченных к 200-летию юбилею поэта.

А в год 220-летия А.С. Пушкина состоялась туристическая поездка «Духовное паломничество — дорогою Карамзина» в рамках проекта Фонда президентских грантов «Чаепитие с Карамзиным» по маршруту: Калининград — Клайпеда — Рига — Псков — Пушкинские Горы — Вильнюс — Тракай — Калининград, развивающая концепцию и содержание проекта. Экскурсионно-просветительская поездка «Дорогою Карамзина» была организована Калининградским фондом культуры совместно с туристическим агентством «Рославль». В ней приняли участие 15 волонтеров проекта. Участники получили содержательное сопровождение всей экскурсионной программы и познакомились за шесть дней

В Михайловском. 14 августа 2019 года

с городами и музейными комплексами по всему маршруту следования. Авторская программа путешествия была разработана и проведена председателем фонда культуры Н.П. Перetyака.

Основным девизом путешествия стали слова Н.М. Карамзина «Путешествие питательно для духа и сердца нашего», что и подтвердили прекрасные впечатления участников туристической программы, наполненной встречами с удивительными российскими местами, жемчужинами русской культуры, связанными с именами Н.М. Карамзина и А.С. Пушкина. А в странах соседних государств — знакомство с Национальной библиотекой Латвии в Риге, или, иначе, «Замком света», Музеем-дворцом великих литовских князей в Вильнюсе. Пребывание там раскрыло богатство мировой культуры и связь с нашей российской культурой.

История и культура Пскова — это те великие страницы истории Руси, которыми открывается первый том карамзинской «Истории государства Российского», а встречи с пушкинскими местами в Пушки-

ногорье и литературном музее А.С. Пушкина в Вильнюсе в Маркучяе, доме сына Пушкина, Григория, и его супруги Варвары, урожденной Мельниковой, дали большой заряд творческой энергии и сформировали понятия о связях и близости нашего края с культурным ландшафтом, так мастерски описанным Н.М. Карамзиным в его «Письмах русского путешественника» более 230 лет назад. Именно Григорий и Варвара Пушкины были первыми создателями мемориала А.С. Пушкина в Михайловском — «Григорий Александрович обустроил кабинет отца, некоторыми деталями напоминающий «кабинет Онегина», где и хранились вещи Пушкина, его книги... Этот интерьер и запечатлен на известной картине Н.Н. Ге «Пушкин и Пущин в Михайловском», созданной в 1875 году» (Р. Сидеравичюс).

Важность связей с Пушкиногорьем в нынешнем юбилейном году подтверждается и поездкой руководителей учреждений культуры Калининградской области на главный Пушкинский праздник в июне 2023 года. Результатом этих встреч стали выставки, организованные в рамках открытия Пушкинского года в Калининградской области.

Наверняка пушкинские маршруты будут учтены и намечены в рамках ежегодных поездок школьников и молодежи по программе «Мы — россияне».

Не просто дружить домами и территориями, а делиться драгоценным духовным наследием, чтобы живы были в душе пушкинские строки «Минувшее меня объемлет живо...», передаваемые из поколения к поколению.

Краткие сведения об авторах сборника
«Михайловская пушкиниана»

Бурченков Константин Петрович — ведущий научный сотрудник музея-усадьбы «Тригорское».

Бурченкова Римма Валентиновна — хранитель музея-усадьбы «Тригорское».

Иванова Татьяна Борисовна — старший научный сотрудник научного архива Пушкинского Заповедника.

Козмин Вячеслав Юрьевич — кандидат филологических наук, хранитель музея «Пушкинская деревня».

Козмина Мария Альбертовна — старший научный сотрудник экскурсионного отдела Пушкинского Заповедника.

Лебедев Станислав Сергеевич — научный сотрудник музея-усадьбы «Михайловское».

Перетьяка Нина Петровна — кандидат культурологии, председатель Калининградского регионального общественного фонда культуры (Калининград).

Старцева Дарья Александровна — специалист отдела по рекламе и связям с общественностью Калининградской централизованной библиотечной системы, координатор Калининградского (Балтийского) Пушкинского общества (Калининград).

Тиханова Вера Александровна — научный сотрудник отдела просветительной и музейно-образовательной деятельности Пушкинского Заповедника.

Федорова Екатерина Владимировна — научный сотрудник службы музейной экскурсионной и методической работы Пушкинского Заповедника.

Содержание

[ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО] 3

**Материалы
научно-практической конференции
сотрудников Пушкинского Заповедника
(3 декабря 2023 года)**

Константин Бурченков

ОБОБЩЕНИЕ И АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ СВЕДЕНИЙ
ПО ИСТОРИИ УСАДЬБЫ ТРИГОРСКОЕ..... 4

Татьяна Иванова

КНИГА БРАЧНЫХ ОБЫСКОВ ЕГОРЬЕВСКОЙ ЦЕРКВИ
В ПРИГОРОДЕ ВОРОНИЧЕ ОПОЧЕЦКОГО УЕЗДА
ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ 1824–1837 ГОДОВ
В СОСТАВЕ ОСНОВНОГО ФОНДА
ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА 13

Екатерина Федорова

ЭКСКУРСИОННО-МАССОВАЯ РАБОТА
В ПУШКИНСКОМ ЗАПОВЕДНИКЕ 1960-Х ГОДОВ
По материалам научного архива 22

Римма Бурченкова

О ПОТОМИЦЕ РОДА ВОЛОГОДСКИХ ДВОРЯН
ЗУБОВЫХ НИНЕ ВЛАДИМИРОВНЕ ЛУКИНОЙ..... 34

Вера Тиханова

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В ВЕЛЬЕ В XX ВЕКЕ..... 45

Вячеслав Козмин

«ГОСТЬ НЕ МНОГО ГОСТИТ, ДА МНОГО ВИДИТ»
Из фразеологического путеводителя
по «Пушкинской деревне» 63

Мария Козмина

ПУШКИНСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «МИХАЙЛОВСКОЕ»:
ВЗГЛЯД ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ 128

**Из работ сотрудников
Пушкинского Заповедника**

Станислав Лебедев

К БИОГРАФИИ Д.М. БАЙЧОРОВА —
ОФИЦЕРА ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК,
РУКОВОДИВШЕГО РАЗМИНИРОВАНИЕМ
МИХАЙЛОВСКОГО 191

Гости «Михайловской пушкинианы»

Нина Перетьяка, Дарья Старцева

КАЛИНИНГРАДСКОЕ ПУШКИНСКОЕ ОБЩЕСТВО
В ГОД ЮБИЛЕЯ 203

Нина Перетьяка

КАЛИНИНГРАДСКИЕ ПУШКИНИСТЫ
В МИХАЙЛОВСКОМ 217

Краткие сведения об авторах сборника

«Михайловская пушкиниана» 220

Научно-популярное издание

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 100

МАТЕРИАЛЫ

научно-практической конференции
сотрудников Пушкинского Заповедника
(3 декабря 2023 года)

Руководитель издательских проектов
Пушкинского Заповедника
Н.Б. Василевич

Редактор О.И. Бахтина
Обложка, обработка фото Е.А. Мужаревская
Компьютерная верстка С.В. Лазаренкова

На первой странице обложки:
А. Портнягин. Зимний вечер в Михайловском. 2010 год

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)

181370, Россия, Псковская область, пос. Пушкинские Горы,
бульвар имени С.С. Гейченко, 1

Распространяется бесплатно

12+

Подписано в печать 04.04.2024.
Формат 60x88 ¹/₁₆. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Объем 14,0 печ. л.
Заказ № 416. Тираж 150 экз.
Отпечатано в ООО-фирма «Псковское возрождение». ИНН 6027024264.
180000, г. Псков, ул. Гоголя, д. 6.